

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN

Linguistics
and Intercultural Communication

Linguistique
et communication interculturelle

Linguistik
und interkulturelle Kommunikation

Lingüística
y Comunicación Intercultural

Linguistica
e comunicazione interculturale

Лингвистика
и меѓукултурна комуникација

Lingvistika
a mezikulturni komunikace

Lingwistyka
i Komunikacja Międzykulturowa

Лингвистика
и междукултурна комуникация

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в 1946 году

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

19

Л
ИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

№ 1 • 2023

УЧРЕДИТЕЛИ:

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
факультет иностранных языков и регионоведения МГУ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Молчанова Г.Г. (главный редактор), и.о. декана факультета иностранных языков и регионоведения, д.ф.н., проф., зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Загряжская Т.Ю.** (отв. секретарь), д.ф.н., проф., зав. кафедрой французского языка и культуры

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Богданова Л.И., д.ф.н., проф. кафедры сопоставительного изучения языков; **Бубнова Г.И.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой французского языка для факультета иностранных языков и регионоведения; **Джек Ричардс (Jack Richards)**, Сиднейский ун-т (Австралия), Оклендский ун-т (Новая Зеландия); **Запольская Н.Н.**, д.ф.н., доц., зав. кафедрой славянских языков и культур; **Захаров В.В.**, д.ф.н., зав. кафедрой немецкого языка и культуры; **Калуцков В.Н.**, д.г.н., проф. кафедры региональных исследований; **Карташева Н.В.**, к.культ., доцент, зав. кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур; **Ксенченко О.А.**, к.ф.н., доц. кафедры теории преподавания иностранных языков; **Левицкий А.Э.**, д.ф.н., проф. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Павловская А.В.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой региональных исследований; **Полубиченко Л.В.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языка для естеств. ф-тов; **Прошина З.Г.**, д.ф.н., проф. кафедры теории преподавания иностранных языков; **Раевская М.М.**, д.ф.н., доц., зав. кафедрой испанского языка; **Ренате Ратмайр (Renate Rathmayr)**, Ин-т славянских языков Венского ун-та экономики и бизнеса (Австрия); **Роберт Геккель (Robert Goeckel)**, Ун-т штата Нью-Йорк, Колледж в Дженессо (США); **Роберт Илсон (Robert Ison)**, Ун-т колледжа Лондона (Великобритания); **Робустова В.В.**, к.ф.н., доц. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, зам. декана по учебной работе; **Роланд Сассекс (Roland (Roly) Sussex)**, Ун-т Квинсленда (Австралия); **Сафонова В.В.**, д.п.н., проф. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Титова С.В.**, д.п.н., проф., зав. кафедрой теории преподавания иностранных языков; **Устинова Т.В.**, д.ф.н., доц. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Чжэн Тиу (Zheng Tiwu)**, Ин-т мировой литературы Шанхайского ун-та иностранных языков (КНР); **Шевлякова Д.А.**, д.культ., доц. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Ян Кэ (Yan Ke)**, Ин-т европейских языков и культуры Гуандунского ун-та иностранных языков и международной торговли (КНР)

Редактор И.В. Краснослободцева

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13/14, корп. В, каб. 238.
Тел.: 8-495-734-03-10. Факс: 8-495-932-88-67. E-mail: vestnik19@yandex.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации №016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 01.03.2023. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 11,4. Тираж 110 экз.
Изд. №12360. Заказ №

Издательство Московского университета. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com. Отд. реализации: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит». 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33. E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Теория языка и речи

- Бубнова Г.И.* Французский шва [ə] на перекрестке лингвистики, социолингвистики и нейролингвистики 9
- Борисова Е.Г., Иванова А.М.* Есть ли усилительные частицы в английском языке? 25

Язык и межкультурная коммуникация

- Загряжкина Т.Ю.* Динамика символизации культуры: от мест памяти к местам перехода (на примере франкоязычных научных дискурсов) 36
- Крюкова О.А.* Литературная франкофония и феномен пограничья: эволюция точек зрения 49
- Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И.* Лингвокультурные ценности PR-коммуникации в эпоху новой этики 59
- Калинин А.Ю.* К вопросу об онтологических свойствах аудиовизуального текста 70

Когнитивные исследования

- Робустова В.В.* Информационное варьирование в структуре значения имени собственного 85
- Грецкая С.С.* О когнитивных моделях виртуального и реального художественного пространства мультикультурного текста 96
- Юсупов Х.У.* Перевод фантастики: создание новых вымышленных реалий 107

Информационно-коммуникационные технологии в образовании

- Фадеева В.А., Силенко М.В.* Анализ использования информационно-коммуникативных технологий в процессе обучения китайскому языку на примере высшей школы КНР 116

Актуальные проблемы языкового образования

<i>Егорова О.А.</i> Методические принципы и стратегии учебного пособия «Английский язык для естественнонаучных специальностей (А2-В1)» в системе подготовки студентов к сдаче итогового экзамена по иностранному языку	124
--	-----

Традиции и современные тенденции культуры

<i>Моклецова И.В., Кашкова А.И.</i> Пространственные архетипы в художественном мире В.Е. Сакияна и Ю.Д. Деева	138
<i>Анастасьева И.Л.</i> Преломление идеи мнимых пространств и сверхиндивидуальных мифов П.А. Флоренского в творчестве писателей рубежа XIX–XX вв.	149
<i>Медведева Е.В.</i> Вильнюсский текст Макса Фрая: способы, средства и результаты объективации городского пространства	160
<i>Лобунова А.С.</i> Конформизм и неконформизм в социокультурном пространстве Великобритании конца XIX – начала XX в. (по материалам «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси)	170
<i>Ли Минда.</i> Китайская оценка культурной трансформации в России в 1990-х годах и ее последствий	177

CONTENTS

Language and Speech Theory

- Bubnova G.I.* French Schwa [ə] at the Crossroads of Linguistics, Sociolinguistics and Neuro-Linguistics 9
- Borisova E.G., Ivanova A.M.* A Case for Emphatic Particles in the English Language 25

Language and Intercultural Communication

- Zagryazkina T.Yu.* Dynamics of Cultural Symbolization: From Places of Memory to Places of Transition (on the Example of French-Language Scientific Discourses) 36
- Kryukova O.A.* Literary Francophonía and the Border Phenomenon: Evolution of Viewpoints 49
- Minyar-Beloroucheva A.P., Sergienko P.I.* Linguistic and Cultural Values of PR Communication at the Cancel Culture Time 59
- Kalinin A.Yu.* On the Ontological Properties of Audiovisual Texts 70

Cognitive Studies

- Robustova V.V.* The Proper Name Meaning Structure: Information Variations 85
- Gretskaya S.S.* On Cognitive Models of Virtual Space and Real Space in Multicultural Fiction 97
- Yusupov K.U.* Translating Speculative Fiction: Creating New Fictional Realia 107

Information and communication technologies in education

- Fadeeva V.A., Silenko M.V.* Analysis of the Use of Information and Communication Technologies in the Process of Teaching Chinese Through the Example of the Higher Education of the People's Republic of China 116

Language Education: Topical Issues

<i>Egorova O.A.</i> Methodological Principles and Strategies of the Text-Book “English for natural sciences (A2-B1)” in the System of Preparing Students for the Final Exam in a Foreign Language	124
---	-----

Tradition and modern trends in culture

<i>Mokletsova I.V., Kashkova A.I.</i> Spatial Archetypes in the Artistic World of V.E. Savkin and Yu.D. Deev	138
<i>Anastasyeva I.L.</i> Refraction of the Idea of Imaginary Spaces and Supra- Individual Myths of P.A. Florensky in the Works of the Writers at the Turn of the 20th Century	149
<i>Medvedeva E.V.</i> Max Frei’s Text of Vilnius: the Ways, Means and Results of Urban Space Objectivization	160
<i>Labunova A.S.</i> Conformism and Nonconformism in the Sociocultural Space of Great Britain in the Second Half of the 19th and early 20th Centuries (a Case Study of “The Forsyte Saga” by J. Galsworthy) . . .	170
<i>Li Mingda.</i> Chinese Assessment of the Cultural Revolution in Russia in the 90s of the XX Century and Its Consequences	177

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Г.И. Бубнова

ФРАНЦУЗСКИЙ ШВА [ə] НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЛИНГВИСТИКИ, СОЦИОЛИНГВИСТИКИ И НЕЙРОЛИНГВИСТИКИ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; gboubnova@mail.ru*

Аннотация. Звук [ə] относится к одному из самых сложных и варьируемых явлений, наблюдаемых во французском речевом потоке. Одной из важнейших особенностей [ə] является его способность быть как звуком, так и отсутствием звука практически в одном и том же контексте, т.е. без изменения информативного содержания сообщения. Специфика французского [ə] заключается также в том, что он произносится как лабиализованный гласный. В результате в безударном слоге произносятся три округленные гласные переднего ряда и среднего подъема: беглый [ə] и гармонизированные [œ] и [ø]. Принимая во внимание акустическую и артикуляционную схожесть рассматриваемых звуков и закон наименьшего усилия, можно ожидать, что способность [ə] к полной редукции может быть перенесена, особенно в быстрой речи, на [œ] и [ø]. Свидетельствуют ли эти факты о тенденции к упрощению французского безударного вокализма? Как эта вариативность отслеживается говорящим в процессе понимания и порождения речи? В статье обобщены эмпирические данные (акустические, артикуляционные и перцептивные) о вариативности [ə], которые получены в фонетических, социолингвистических и нейролингвистических исследованиях. В ней выделяются основные проблемы и открытые вопросы, которые следует учитывать в будущих исследованиях.

Ключевые слова: шва; правило трех согласных; фонетическая позиция; коартикуляция согласных; шкала сонорности; ассимиляция согласных; фонетическая репрезентация; разборчивость речи.

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-1

Для цитирования: Бубнова Г.И. Французский шва [ə] на перекрестке лингвистики, социолингвистики и нейролингвистики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 9–24.

Бубнова Галина Ильинична — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой французского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; gboubnova@mail.ru

Введение

Звук [ə] относится к одному из самых сложных явлений, наблюдаемых во французском речевом потоке.

По сути, это нейтральный звук, который занимает во французском вокалическом треугольнике центральное место. Такие центростремительные звуки существуют в вокалической системе любого языка. В РЯ, например, это варианты гласных, подвергшиеся редукции 2-й степени, обозначаемые транскрипционными символами [ɘ] и [ɚ].

Для названия таких вариантов в фонетике введен общий термин «шва» (le schwa или cheva), обозначаемый в транскрипции МФА символом [ə]: это гласный звук среднего ряда среднего подъема (нейтральный), употребляемый в безударной (слабой) позиции.

Однако специфика французского [ə] заключается в том, что он произносится как лабиализованный гласный, то есть артикуляционно и тембрально близок к [œ] и [ø], реализуемым в безударной позиции, в которой они подвергаются гармонизации, как минимум, по степени подъема языка [Fagyal et al., 2003; Turco et al., 2016; Бубнова, 2022].

Таблица 1

Французские ротовые гласные¹

	antérieures					postérieures				
	non-arrondies			arrondies						
fermées/hautes	[i]				[y]					[u]
mi-fermées/hautes		[e]			[ø]					[o]
neutres								[ə]		
mi-ouvertes/basses			[ɛ]				[œ]		[ɔ]	
ouvertes/basses				[a]				[ɑ]		

В результате в безударном слоге произносятся три округленные гласные переднего ряда и среднего подъема: беглый [ə] и гармонизированные [œ] и [ø], которые слабо различаются с артикуляционной и акустической точки зрения [Fougeron et al., 2007; Marcoux, 2018]. Напомню, что одной из важнейших особенностей [ə] является его способность быть как звуком, так и отсутствием звука в практически одном и том же контексте, то есть без изменения информативного содержания сообщения. Принимая во внимание акустическую и артикуляционную схожесть рассматриваемых

¹ Гласный [ɑ] заднего ряда показан на схеме курсивом, поскольку он практически утратил свой фонологический статус в результате нейтрализации оппозиции /a/ — /ɑ/ в пользу гласного переднего ряда.

звуков и закон наименьшего усилия, сформулированный Д.К. Ципфом [Zipf, 1949], можно ожидать, что способность [ə] к полной редукции (падению) может быть перенесена, особенно в быстрой речи, на гармонизированные [œ] и [ø]. Вот несколько примеров: *il faisait* [ivze], *peut-être* [ptɛt], *déjeuner* [dɛʒne]. Это затрагивает и безударный [ə], который в связи с активной тенденцией к передней артикуляции произносится как *joli* [zəli], часто сопровождаясь в устно порождаемой речи выпадением [ə]. А. Соважо усматривает в этом факте тенденцию к упрощению французского безударного вокализма [Sauvageot, 1962].

С. Люк [Lyche, 2010: 155] отмечает, что шва имеет ограничения в своей дистрибуции: [ə] реализуется в слого, инициалью которого является согласный C[ə] или согласные CC[ə], то есть в отличие от других французских гласных, шва не является слогаобразующим гласным без опоры на предшествующий согласный. Во французском языке отсутствуют слова **emander* / *demander* или **enêtre* / *fenêtre*. Кроме того, шва не употребляется в закрытом слого *appelle* [apɛl] / [aple], а также в позиции зияния (hiatus): V[ə] *je prierais* [priɛ] и [ə]V *c'est* [sɛ].

Многоликость [ə] отражается в используемой терминологии: *E féminin*, *sourd*, *réduit*, *instable*, *muet*, *caduc*, *lubrifiant phonétique*², «e» *d'appui*, *voyelle intermittente*. Сегодня наиболее употребляемым в фонетической литературе является термин «шва» (*le schwa*).

Правило трех согласных: вчера и сегодня

Традиционно в качестве основного условия, регулирующего произнесение / выпадение [ə], рассматривается его консонантное окружение. Начиная с М. Граммона [Grammont, 1894], это условие формулируется правилом трех согласных.

В статьях П. Делаттра это правило рассматривается путем детального анализа фонетических контекстов, с одной стороны, и с использованием фоновой опоры на психо- и социолингвистическую интуицию автора — с другой [Delattre, 1949, 1951].

Рассмотрим основные фонетические позиции шва, изученные Делаттром:

- в середине / внутри слова (*schwa interne*) *samedi*, *vendredi*, *développement*, *appartement*;
- на границе слов, составляющих одну ритмическую группу (*schwa final*) *visite stupide* [vizitstypid], *il marche vite* [ilmavʃəvit];
- в первом слого многосложных слов (*demander*, *pelouse*, *jeton*, *besoin*);

² Фонетическая «смазка» [Martinet, 1969; 1972].

- в последовательности односложных служебных слов (*je, le, ce*) как в начале, так и в середине ритмической группы / фразы.
- Уточняя правило трех согласных, Делаттр подчеркивает, что количество согласных, следующих за шва, не имеет значения — важно, сколько согласных ему предшествуют:
- шва произносится в открытом слоге, инициаль которого состоит из двух согласных CC[ə]C *vendredi* [vã dvã di], *ça ne me dit rien* [sa nmã di kjẽ];
- шва выпадает в открытом слоге, инициаль которого содержит один согласный C[ə]C / C[ə]CC / C[ə]CCC *samedi* [sa mdi], *ça me dit* [sa mdi], *coquetier* [kõ ktje], *dans ce train* [dã strɛ], *visite stupide* [vi zi tsty pid], *tu le crois*, [ty lkrwa], *pas de bruit* [pa dbrui].

Это правило работает практически без исключений для шва, который находится внутри слова, поскольку, по мнению нейролингвистов [Bybee et al., 2016; Port, 2007], фонетическая репрезентация высокочастотных слов *samedi* [samdi], *vendredi* [vãdvãdi] и конструкций типа *ça me dit* [samdi] является единицей хранения и обработки в сенсорных и речевых системах мозга.

Картина меняется в случае *ça ne me dit rien* [sa nmã di kjẽ]. С одной стороны, правило остается неизменным, но местоимение *me* меняет свое произнесение под влиянием изменившегося контекста. Это, кстати, можно рассматривать как один из факторов, объясняющих неупотребление отрицательной частицы *ne* в разговорной речи. Говорящему проще³ воспроизвести «застывшую» группу *ça me dit*, прибавив к ней отрицательное наречие *rien*, чем перегружать свою оперативную (рабочую) память поиском варианта *ça ne me dit rien*.

Следующее уточнение правила трех согласных касается коартикуляторного взаимодействия согласных, предшествующих шва, по силе-апертуре. Вот их классификация по мере ослабления этого параметра: *p t k b d g m n f s f v z z v l в*. Сегодня, однако, для описания этой последовательности согласных используется перцептивная шкала сонорности или звучности: этот параметр возрастает от [p] к [в].

Делаттр делает вывод, что:

- шва регулярно произносится после так называемой неделимой группы согласных, объединяющей взрывной *p t k b d g* (максимальная сила — минимальная апертура) + плавные *l, в* (минимальная сила — максимальная апертура)⁴ *vendredi, notre bête, cette leçon, avec le mien;*

³ Закон наименьшего усилия [Zipf, 1949].

⁴ По шкале сонорности группа неделимых согласных характеризуется резким нарастанием / скачком сонорности.

- удержание [ə] сохраняется, как правило, в случае, когда первый согласный является более сильным — закрытым/звучным по сравнению со вторым: *pauvrement, cette fenêtre, passe le faire, comme le tien*;
- минимальная регулярность удержания [ə] наблюдается после консонантных групп, в инициале которых стоит согласный *в*: *fortement, garde-la, il part demain, un verre de vin, elle marche vite*. В быстрой разговорной речи, по мнению Делаттра, указанные контексты могут произноситься без удержания [ə].

Произнесение / выпадение [ə] регулируется, помимо коартикуляционной «спайки» предшествующих согласных, действием психологического фактора (*facteur psychologique*), который работает на удержание [ə] в первом слоге многосложного слова⁵, а также в служебных словах *me, ne, de, te, que*.

Для иллюстрации сказанного рассмотрим употребление шва в фонетическом контексте *вС*, который характеризуется минимальной регулярностью удержания [ə]:

- середина слова *retardement*;
- финальная позиция в слове *il se porte mieux*;
- первый слог многосложного слова *il part demain*.

В первых двух случаях произнесение шва демонстрирует практически свободную вариативность, а в третьем — наблюдается четко выраженная тенденция удержания [ə], который находится в первом слоге слова. Делаттр объясняет наблюдаемое явление действием психологического фактора, который связан с фонетическим усилением начала слова.

Сопоставляя *première tenue* (первый слог слова) и *Albert te ment*, Делаттр подчеркивает, что в служебном слове *te* шва произносится с большей регулярностью, чем в первом слоге лексической единицы. Это наблюдение Делаттра перекликается с мыслями Мартине о том, что шва играет роль фонетической «смазки», улучшая разборчивость речи: произнесение [ə] усиливает в речевом потоке смысловую вес безударного *te*.

В статье *La production du E caduc facultatif est-elle prévisible? Un début de réponse* [Racine, Grosjean, 2002] реализация правила трех согласных изучается экспериментально-фонетическим и статистическим методами на речевом материале (пересказ прочитанных нарративных текстов), записанном в студийных условиях. Для изучения выбраны 66 существительных, содержащих [ə] в первом

⁵ Феномен фонетического усиления первого слога слова, ритмической группы или фразы Делаттр связывает с дополнительным ударением: “Très légère dans le parler parisien cultivé, plus marquée dans le parler parisien des faubourgs, cette attraction de l’initiale se relève, en français, dans l’accent d’insistance” [Delattre, 1949].

слоге, например, *repli, renard, cerisier, retard, chemise, semaine, fenêtre...*

Отвечая на сформулированный в названии статьи вопрос, авторы указывают, что носитель французского языка опускает шва, ориентируясь на два основных фактора: частотность слова (чем она выше, тем чаще слово произносится без шва или с «редуцированным» шва) и стиль речи (чем быстрее темп, чем выше спонтанность, тем чаще шва не произносится). Консонантное окружение [э], учитывающее взаимодействие двух параметров: количество согласных и их взаимодействие по признаку сонорности (силы — апертуры) является для носителя французского языка фактором второстепенным.

Эти выводы подтверждают гипотезу нейролингвистов [Bybee et al., 2016; Port, 2007], которые считают, что фонетическая репрезентация высокочастотных слов является единицей хранения и обработки в сенсорных и речевых системах мозга. Можно предположить, что частотные речевые единицы представлены в памяти носителя языка в рамках фонетической вариативности, которая адаптируется говорящими для понимания и порождения речи в разной коммуникативной среде.

Чрезвычайно важно отметить, что реализация [э] — это не только выбор между звуком и отсутствием звука, но и нюансировка тембра произносимого звука. Редуцированные варианты [э], о которых пишут авторы исследования [Racine, Grosjean, 2002], отсылают нас к наблюдениям и опасениям Соважо, высказанным относительно динамических процессов, развивающихся во французском безударном вокализме [Sauvageot, 1962].

Для преподавания ФЯ эти выводы свидетельствуют о необходимости не только объяснения правила (траектория сверху вниз), но и сознательной работы по автоматизации (траектория снизу вверх) фонетических вариантов произнесения и восприятия речевой единицы в зависимости от ситуации общения.

Правило трех согласных активно изучается в популярных сегодня корпусных исследованиях, поскольку они позволяют получать статистически значимые результаты при изучении таких специфических и многофакторных явлений, как вариативность шва во французском языке. Преимущество больших корпусов заключается также в том, что анализируемая в них речь более естественна, чем в записях, проводимых во время экспериментов или опросов [Durand, Euchenne, 2004]. Их недостатком, однако, является тот факт, что выбранное для анализа фонетическое явление, как правило, представлено в таких корпусах бессистемно: нет полного набора необходимых контекстов, отсутствует их равнопредставленность как внутри одного корпуса, так и между корпусами. Статистически

значимые результаты, полученные для одного контекста, не могут быть экстраполированы на отсутствующие в корпусе именно в связи с многофакторностью изучаемого явления. Ни для кого не секрет, что одно и то же ключевое слово / выражение произносится говорящим в ходе выступления или обсуждения по-разному (полное произнесение соседствует как с разнообразными свернутыми формами, так и с экспрессивно выделенными вариантами), что реализация шва варьируется в зависимости от темпа речи, индивидуальная вариативность которого в корпусах не детализируется, а представлена только через стилистическую принадлежность речевой продукции.

Речь пойдет о трех корпусах, каждый из которых иллюстрирует отдельный речевой стиль: ESTER содержит записи подготовленной, тщательной, возможно читаемой речи; EТАPE — полуподготовленные монологи и беседы двух или нескольких говорящих; NCCFr — спонтанная речь между друзьями / знакомыми. Отметим, что в первом корпусе фактически представлена озвученная письменная речь, в третьем — устно порождаемая, а во втором — типичное для современных медиа взаимодействие устный — озвученный письменный, т.е. с точки зрения социолингвистики наблюдается пересечение двух параметров: диафазия (ситуативная вариативность) и диамезия (способ порождения).

Как и в статье Делаттра, исследования, которые мы рассмотрим, посвящены анализу шва в окружении трех и более согласных внутри ритмической группы. Оба проведены с использованием инструментов автоматической обработки звучащего текста.

Y. Wu, M. Adda-Decker & C. Fougeron [Wu et al., 2017] изучают реализацию внутреннего шва (*schwa interne*), то есть шва внутри слова (*s(e)crétaire* = 3C [skR], *f(e)nêtre* = 2C [fn]) и внутри ритмической группы на границе слов (*la s(e)crétaire* = 3C [a#skR] vs. *bonne s(e)crétaire* = 4C [n#skR] на материале двух корпусов EТАPE и NCCFr.

Полученные результаты свидетельствуют, что:

- правило трех согласных эффективно работает при реализации внутреннего шва (*schwa interne*) в указанных выше контекстах;
- в корпусе разговорной речи выпадение шва наблюдается чаще, чем в корпусе журналистской речи.

Таким образом, корпусное исследование в целом подтверждает, что правило трех согласных регулирует произнесение шва в контекстах, где его падение приводит к появлению трех или более согласных подряд как внутри слова, так и между словами.

Новым и интересным, по сравнению с Делаттром, является изучение авторами взаимодействия согласных в консонантной группе, которая образуется в результате падения шва. Если Делаттр сосре-

дотачивает свое внимание на описании консонантной группы, работающей триггером для удержания шва, то Wu, Adda-Decker, Fougeron с неменьшим интересом исследуют консонантные группы, создаваемые в результате падения шва. По их наблюдениям, падение шва чаще всего реализуется между согласными, последовательность которых представляет собой резкое нарастание сонорности.

Оказывается, таким образом, что в обоих случаях реализуется универсальный принцип организации слога: скачок сонорности от инициали к ядру. Как полноценное удержание шва, так и полноценное его падение требует, чтобы согласные инициали не находились рядом на шкале сонорности. Так, для удержания шва наилучшей позицией по Делаттру являются *vendredi, notre bête, cette leçon, avec le mien*, а для его падения, по Wu, Adda-Decker, Fougeron — (#C_LV), например *cela*⁶. Авторы отмечают, что в корпусе разговорной речи в этом контексте выпадают практически все шва (86%).

Вернемся к статье Делаттра, чтобы рассмотреть поведение шва на границе двух слов в контексте C[ə]C / CC / CCC. По мнению Делаттра, правило трех согласных работает на удержание шва только в том случае, когда ему предшествуют два согласных. Если перед [ə] стоит один согласный, то его выпадение создает легко произносимые консонантные группы, состоящие из трех и даже четырех согласных. Например, *visite stupide*, [vizitstupid], *grave scrupule* [gravskvupyl], *coquetier* [kɔktje], *dans ce train* [dãstvê], *pas de bruit* [padbvɥi], *tu le crois* [tylkvwa].

Два первых примера иллюстрируют падение [ə] на границе двух лексических единиц. Обратим внимание на транскрипцию *grave scrupule*, которую дает Делаттр в своей статье: [gravskvupyl]. В ней не получают отражения процессы ассимиляции⁷, в результате которой сложная консонантная группа [vskv] фактически произносится как [fskv], т.е. в случае опущения [ə] и слитной реализации без паузы звучит [grafskvupyl].

Известно, что дистинктивная черта звонкость / глухость реализуется в классе шумных согласных в позициях начала слова CV *toux / doux*, середины слова между гласными CVCV *rater / rader* и конца слова CVC *rite / ride*. Таким образом, в случае *grave scrupule* выпадение шва сопровождается нейтрализацией дистинктивной черты *звонкость* в конце слова, то есть в сильной позиции.

Ассимиляция шумных согласных (оглушение / озвончение), которая часто сопровождает выпадение шва на границе лексических единиц, в статьях Делаттра не обсуждается. Эта проблема рассма-

⁶ Следует отметить, что в случае *cela* не менее мощным фактором является высокая частотность этого слова, особенно в устной речи.

⁷ Регрессивная ассимиляция по звонкости / глухости.

тривается в корпусном исследовании *Le schwa final en français standard est-il un "lubrifiant phonétique"?* [Hutin et al., 2020]. В его названии авторы обыгрывают термин "*lubrifiant phonétique*", предложенный Мартине [Martinet, 1969].

Анализ финального шва проводится с использованием инструментов автоматической обработки звучащего текста на материале трех корпусов (см. выше). Гипотеза формулируется следующим образом: финальный шва можно рассматривать как «*lubrifiant phonétique*»⁸, если он предохраняет контактно взаимодействующие шумные согласные от ассимиляции по звонкости / глухости (дистинктивный признак) и звонкие шумные от оглушения в позиции перед паузой.

Для анализа отобранны стьки, левая часть которых представлена словом с финалью на шумный согласный /p, t, k, f, s, ʃ, b, d, g, v, z, z/, например, *visite, demande*, а правая — паузой или словом, начинающимся на гласный, сонант, глухой или звонкий шумный.

Вот результаты, полученные в ходе реализации стыков, проблемных для четкого произнесения шумного согласного (средние значения по трем корпусам): произнесение шва блокирует:

- оглушение финального согласного в контекстах:
звонкий шумный + пауза в 30,4% случаев;
звонкий шумный + глухой шумный согласный — в 60,5%;
 - озвончение финального согласного в контексте:
глухой шумный + звонкий шумный в 72,6% случаев.
- В заключение авторы формулируют следующие выводы:
- финальный шва, как и его внутренний аналог [Wu et al., 2017], позволяет избежать создания трудных для произнесения консонантных групп;
 - произнесение шва на границе лексических единиц составляет (средние значения по трем корпусам):
 - в группе 2 согласных — 8,7%;
 - в группе 3 согласных — 38,3%;
 - в группе 4 согласных — 69,4%;
 - финальный шва может рассматриваться как *lubrifiant phonétique*, то есть как фонетическое средство, обеспечивающее разборчивость звучащей речи на перцептивном уровне;
 - произнесение финального шва характерно для тщательного стиля речи, то есть коррелирует с формальным уровнем языка.

Отдельной строкой для преподавателей ФЯ в корпусе NCCFr (разговорная речь) оглушение звонких согласных перед паузой составляет 42,3%, в результате ассимиляции оглушение звонких со-

⁸ Фонетическое средство, обеспечивающее разборчивость речи.

гласных наблюдается в 66,2%, а озвончение глухих согласных — в 70,3% случаев.

Анализ финального шва [Hutin et al., 2020] следует дополнить стыком *notre bête* [nɔtrəbɛt]. В этом случае в быстрой речи часто наблюдается одновременное выпадение шва и плавного согласного: *not(re) bête* произносится как [nɔdbɛt] с озвончением финального [t]. Вот несколько примеров из статьи Делаттра: *quat(re) bicyclettes, un aut(re) spectacle, la pauv(re) femme, un maît(re) d'école, l'aut(re) jour, la tab(le) de nuit, dans vot(re) cas, un timb(re) d'un franc, on va l' mett(re) dehors, faut prend(re) vot(re) billet, les fab(les) de la Fontaine*.

Новый вариант шва

Начиная с 1980-х годов лингвисты [Fónagy, 1989; Léon, 1992; Hansen, 1997] обращают внимание на необычное с традиционной точки зрения употребление [ə] в предпаузальной позиции. В чем проявляется эта необычность?

Известно, что в ораторской речи часто наблюдается четкое замыкание согласных в предпаузальной позиции, которое может сопровождаться легкой огласовкой на [ə]. Необычность нового предпаузального [ə] (далее — НП [ə]) заключается в том, что он произносится как полноценный ударный гласный, и это подтверждается спектральным анализом. Кроме того, НП [ə] употребляется не только после согласных *Arrêt-e! Bonjour-e!*, но и после гласных *Tu es fou-e, C'est lui-e*, что свидетельствует о том, что его произнесение не связано с размыканием согласного. Еще одна особенность: НП [ə] наблюдается преимущественно в конце вопросительных, восклицательных, повелительных, имплицативных высказываний, в приветствиях и обращениях, то есть перед разделительной паузой, которая маркирует завершенность высказывания или части высказывания.

Очевидно, что указанные высказывания чаще всего употребляются в интерактивном взаимодействии и выражают спонтанно возникающие интенции экстравертного типа [Бубнова, 1998], одной из основных функций которых является привлечение внимания собеседника/ов. Иначе говоря, они произносятся с усилением всех просодических характеристик: интенсивности, длительности и частоты основного тона. Последний параметр часто комбинируется с реализацией НП [ə] с восходяще-нисходящим тональным движением: по результатам, полученным Хансен, такое взаимодействие наблюдается в изученном корпусе практически в 66% случаев.

Вопрос о фоностилистической маркированности НП [ə] остается открытым. Леон считает, что это явление выполняет идентифицирующую функцию социолектального типа: в речи женщин НП [ə]

встречается в два раза чаще, чем у мужчин. В молодежной речи НП [э] выполняет прежде всего экспрессивную функцию. Изучая престижность этого фонетического явления, Хансен констатирует большой разброс мнений опрошенных носителей языка и делает вывод о латентном характере престижности НП [э].

Исследование монологической речи (лекции и семинарские занятия в студенческой аудитории), проведенное автором этой статьи на материале, записанном в 1980-е годы [Бубнова, 1998: 5–13], в целом подтверждает представленные выше выводы. Однако в речи преподавателей комбинаторика НП [э] с восходяще-нисходящим контуром:

- употребляется с большей регулярностью;
- осуществляет сегментацию речевого потока;
- реализует экстравертное речевое действие говорящего с целью удержания внимания и интереса слушающего.

Заключение

Подводя итог, суммируем результаты, полученные в ходе междисциплинарного подхода к изучению вариативности шва. Стратегия варьирования реализуется говорящим с учетом:

- регистра речи (*le français recherché / standard / familier* [Léon, 1971]);
- коартикуляционных механизмов слитной речи;
- темповой организации речи;
- фонетической репрезентации высокочастотных слов в оперативной памяти;
- адаптивных процессов, уравнивающих разборчивость речи и экономию артикуляторного усилия;
- способа порождения: устно порождаемая речь и озвученная письменная речь (*messages de stimulation directe/indirecte*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубнова Г.И. Французские гласные двойного тембра: тенденции современного произношения с методическим комментарием // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 52–66.
2. Бубнова Г.И. Основные интонационные контуры: акустическая форма и функции, выполняемые в устно порождаемой монологической речи (на материале французского языка) // Экспериментальные исследования звучащей речи. М., 1998. С. 3–28.
3. Едличко А.И. Орфоэпические нормы немецкого языка: проблемы систематизации и кодификации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 72–82.
4. Vybee J., File-Muriel R., de Souza R.N. Special reduction: a usage-based approach // Language and Cognition, Volume 8, Special Issue 3: Special issue on Usage-based

- Approaches to Language and Language Issues, September 2016. P. 421–446. URL: <https://doi.org/10.1017/langcog.2016.19> (дата обращения: 28.07.2022).
5. *Delattre P.* Le jeu de l'e instable de monosyllabe initial en français // *The French Review*. 1949. Vol. 22. No. 6. P. 455–459. URL: <https://www.jstor.org/stable/382136> (дата обращения: 28.07.2022).
 6. *Delattre P.* Le jeu de l'e instable intérieur en français // *The French Review*. No. XXIV, 4 (February, 1951). P. 341–351. URL: <https://www.jstor.org/stable/383173> (дата обращения: 28.07.2022).
 7. *Durand J., Eychenne J.* Le schwa en français: pourquoi des corpus? // *Corpus*. 2004. № 3. P. 311–356. 10.4000/corpus.246 (дата обращения: 28.07.2022).
 8. *Fagyal Z., Nguyen N., Boula de Mareüil P.* From dilation to coarticulation: is there vowel harmony in French? // *Studies in Linguistic Sciences*. 2003. № 32. P. 1–21. URL: https://www.researchgate.net/publication/32227034_From_dilation_to_coarticulation_is_there_vowel_harmony_in_French (дата обращения: 28.07.2022).
 9. *Fónagy I.* Le français change de visage? // *Revue romane*. 1989. № 24-2. P. 225–254. URL: https://tidsskrift.dk/revue_romane/article/view/29677/26966 (дата обращения: 28.07.2022).
 10. *Fougeron C., Gendrot C., Bürki A.* On the phonetic identity of French schwa compared to /ø/ and /oe/ // *Actes des 5èmes Journées d'Etudes Linguistiques*. 2007. Nantes, France. P. 191–198 halshs-00759743 (дата обращения: 28.07.2022).
 11. *Gadet F.* La variation sociale en français. Paris, 2003.
 12. *Grammont M.* Le patois de la Franche-Montagne et en particulier de Damprichard (Franche-Comté). IV: La loi des trois consonnes. Mémoires de la Société de linguistique de Paris. 1894. № 8. P. 53–90. [Цит. по: *Léon P.R.* Phonétisme et prononciations du français. Paris, 1992.]
 13. *Hansen A.B.* Le nouveau [ə] prépausal dans le français parlé à Paris. Polyphonie pour Ivàn Fónagy. Paris, 1997. P. 173–198.
 14. *Hutin M., Jatteau A., Vasilescu I., Lamel L., Adda-Decker M.* Le schwa final en français standard est-il un “lubrifiant phonétique”? // *SHS Web of Conferences* 78, 09004 (2020) 7e Congrès Mondial de Linguistique Française CMLF, 2020. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02931786> (дата обращения: 28.07.2022).
 15. *Léon P.* Aspects phonostylistiques des niveaux de langue // *La grammaire du français parlé*. Sous la direction de André Rigault. Paris, 1971. P. 149–160.
 16. *Léon P.R.* Phonétisme et prononciations du français. Paris, 1992.
 17. *Lyche C.* Le français de référence : éléments de synthèse // *Detey S., Durand J., Laks B., Lyche C.* (eds.) *Les variétés du français parlé dans l'espace francophone*. Paris, 2010. P. 140–165.
 18. *Marcoux I.* Le timbre de schwa et des autres voyelles moyennes antérieures et arrondies en français de l'Île-de-France. Mémoire présenté comme exigence partielle de la maîtrise en linguistique. Université du Québec à Montréal. Juillet 2018. URL: <https://archipel.uqam.ca/11879/1/M15698.pdf> (дата обращения: 28.07.2022).
 19. *Martinet A.* Qu'est-ce que le E muet? // *Le Français sans fard*. Paris, 1969.
 20. *Martinet A.* La nature phonologique d'E caduc // *Papers Linguistic and Phonetic to the memory of Delattre*. Paris, 1972. P. 393–400. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110803877/html> (дата обращения: 28.07.2022).
 21. *Port R.* How are words stored in memory? Beyond phones and phonemes // *New Ideas in Psychology* (Elsevier). Vol. 25, Issue 2, 2007. P. 143–170. URL: <https://doi.org/10.1016/j.newideapsych.2007.02.001> (дата обращения: 28.07.2022).
 22. *Racine I., Grosjean F.* La production du E caduc facultatif est-elle prévisible? Un début de réponse // *Journal of French Language Studies*. 2002. № 12. P. 307–326. URL: 10.1017/S0959269502000340 (дата обращения: 28.07.2022).

23. *Sauvageot A.* Français écrit, français parlé. Paris, 1962.
24. *Turco G., Fougeron C., Audibert N.* Que nous apprennent les gros corpus sur l'harmonie vocalique en français? // Conference: 31ème Journées d'Etudes sur la Parole (JEP). Paris, 2016. URL: <https://aclanthology.org/2016.jeptalnrecital-jep.64.pdf> ; https://www.researchgate.net/publication/309137018_Que_nous_apprennent_les_gros_corpus_sur_l'harmonie_vocalique_en_francais (дата обращения: 28.07.2022).
25. *Zipf G.K.* Human behavior and the principle of least effort. Cambridge, 1949. URL: <https://vikent.ru/enc/870/> (дата обращения: 28.07.2022).
26. *Vasilescu I., Lamel L., Adda-Decker M.* Le schwa final en français standard est-il un “lubrifiant phonétique”? // SHS Web of Conferences 78, 09004 (2020) 7e Congrès Mondial de Linguistique Française CMLF, 2020. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20207809004> (дата обращения: 28.07.2022).
27. *Walter H.* La phonologie du français. Paris, 1977.
28. *Wu Y., Adda-Decker M., Fougeron C.* Rôle des contextes lexical et post-lexical dans la réalisation du schwa: apports du traitement automatique de grands corpus // Actes de la conférence conjointe JEP-TALN-RECITAL.2016. Vol. 1: JEP. P. 633–641. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rEUX8DNz6Ro&list=UU8Rfamb9jyYN1IsQf-VueuQA&index=16> (дата обращения: 28.07.2022).

Galina I. Bubnova

FRENCH SCHWA [ə] AT THE CROSSROADS OF LINGUISTICS, SOCIOLINGUISTICS AND NEURO-LINGUISTICS

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; gboubnova@mail.ru

Abstract. The sound [ə] refers to one of the most complex and variable phenomena observed in the French speech stream. One of the most important features of [ə] is its ability to be both a sound and an absence of sound in almost the same context, i.e. without changing the informative content of the message. The specificity of French [ə] also lies in the fact that it is pronounced as a labialized vowel. As a result, three rounded vowels of the front row and middle rise are pronounced in an unstressed syllable: fluent [ə] and harmonized [œ] and [ø]. Taking into account the acoustic and articulatory similarity of these sounds and the law of least effort, the [ə] ability for complete reduction could be expected to be transferred to [œ] and [ø], especially in rapid speech. Do these facts indicate the French unstressed vocalism tendency towards simplification? How is this variability tracked by the speaker while understanding and generating speech? The article summarizes empirical data (acoustic, articulatory and perceptual) on the [ə] variability from phonetic, sociolinguistic and neuro-linguistic studies. It highlights major challenges and open issues that should be addressed in further research.

Key words: schwa; rule of three consonants; phonetic position; consonant coarticulation; sonority scale; consonant assimilation; phonetic representation; speech intelligibility.

For citation: Bubnova G.I. (2023) French schwa [ə] at the crossroads of linguistics, sociolinguistics and neuro-linguistics. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–24. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Galina I. Bubnova — Dr. Habil in Philology, Professor, Head of the Department of the French Language of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; gboubnova@mail.ru

REFERENCES

1. Bubnova G.I. 2022. Francuzskie glasnye dvojnogo tembra: tendencii sovremennogo proiznosheniya s metodicheskim kommentariem [French mid vowels: trends in modern pronunciation with didactic commentary]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 52–66. (In Russ.)
2. Bubnova G.I. 1998. *Osnovnye intonatsionnye kontury akusticheskaja forma i funktsii vypolniaemye v ustno porozhdaemoi monologicheskoi rechi (na materiale frantsuzskogo iazyka)* [Basic intonation contours: acoustic form and functions performed in oral monological speech (French language)]. In *Experimental studies of sounding speech*. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, pp. 3–28. (In Russ.)
3. Edlichko A.I. 2020. Orfoepicheskie normi nemeckogo yazika _ problemi sistematizacii i kodifikacii [Orthoepical norms of the German language: some problems of systematization and codification]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 72–82. (In Russ.)
4. Bybee J., File-Muriel R. & de Souza R.N. 2016. Special reduction: a usage-based approach *Language and Cognition*, Volume 8, Special Issue 3: Special issue on Usage-based Approaches to Language and Language Issues, pp. 421–446. URL: <https://doi.org/10.1017/langcog.2016.19> (accessed: 28.07.2022).
5. Delattre P. 1949. Le jeu de l'e instable de monosyllable initial en français [The game of the e unstable of the initial monosyllable in French]. *The French Review*, vol.22, no.6 (May,1949), pp. 455–459. URL: <https://www.jstor.org/stable/382136> (consulté le: 28.07.2022).
6. Delattre P. 1951. Le jeu de l'e instable intérieur en français [The game of the e unstable interior in French]. *The French Review*, no. XXIV, 4, pp. 341–351. URL: <https://www.jstor.org/stable/383173> (consulté le: 28.07.2022).
7. Durand J., Eychenne J. 2004. Le schwa en français: pourquoi des corpus? [The schwa in French: why corpora?] *Corpus*, no. 3, pp. 311–356. URL: 10.4000/corpus.246 (consulté le: 28.07.2022).
8. Fagyal Z., Nguyen N., Boula de Mareuil P. 2003. From dilation to coarticulation: is there vowel harmony in French? *Studies in Linguistic Sciences*, no. 32, pp. 1–21. URL: https://www.researchgate.net/publication/32227034_From_dilation_to_coarticulation_is_there_vowel_harmony_in_French (accessed: 28.07.2022).
9. Fónagy I. 1989. Le français change de visage? [French changes face?]. *Revue romane*, 24-2, pp. 225–254. URL: https://tidsskrift.dk/revue_romane/article/view/29677/26966 (consulté le: 28.09.2021). (In French.)
10. Fougeron C., Gendrot C., Bürki A. 2007. On the phonetic identity of French schwa compared to /ø/ and /œ/. *Actes des 5èmes Journées d'Etudes Linguistiques*. Nantes, pp.191–198. halshs-00759743 (accessed: 28.07.2022).
11. Gadet F. 2003. *La variation sociale en français* [Social variation in French]. Paris, Ophrys.
12. Grammont M. 1894. Le patois de la Franche-Montagne et en particulier de Dampriehard [The patois of Franche-Montagne and in particular Dampriehard] (Franche-Comté). IV: La loi des trois consonnes [The law of three consonants]. *Mémoires de*

- la Société de linguistique de Paris*, no. 8, pp. 53–90. Quoted from Léon P.R. *Phonétisme et prononciations du français*. Paris, Nathan.
13. Hansen A.B. 1997. *Le nouveau [ə] prépausal dans le français parlé à Paris* [The new prepausal [ə] in the French spoken in Paris.]. In *Polyphonie pour Ivàn Fònagy*. Paris, L'Harmattan, pp. 173–198.
 14. Hutin M., Jatteau A., Vasilescu I., Lamel L., Adda-Decker M. 2020. Le schwa final en français standard est-il un “lubrifiant phonétique”? [Is the final schwa in standard French a “phonetic lubricant”?]. *SHS Web of Conferences* 78, 09004 (2020) 7e Congrès Mondial de Linguistique Française CMLF. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02931786> (consulté le: 28.07.2022).
 15. Léon P. 1971. *Aspects phonostylistiques des niveaux de langue* [Phonostylistic aspects of language levels]. In A. Rigault (dir.) *La grammaire du français parlé*. Paris, Recherches / Applications, pp. 149–160.
 16. Léon P.R. 1992. *Phonétisme et prononciations du français* [Phoneticism and pronunciations of French]. Paris, Nathan.
 17. Lyche C. 2010. *Le français de référence : éléments de synthèse* [Reference French: elements of synthesis]. In S. Detey, J. Durand, B. Lacs, C. Lyche (éds.). *Les variétés du français parlé dans l'espace francophone. Ressource pour l'enseignement*. Paris, Ophrys, pp. 140–165.
 18. Marcoux I. 2018. *Le timbre de schwa et des autres voyelles moyennes antérieures et arrondies en français de l' Île-de-France*. [The timbre of schwa and other anterior and rounded middle vowels in French from the Île-de-France]. Mémoire présenté comme exigence partielle de la maîtrise en linguistique. Université du Québec à Montréal. URL: <https://archipel.uqam.ca/11879/1/M15698.pdf> (consulté le: 28.07.2022).
 19. Martinet A. 1969. Qu'est-ce que le E muet ? [What is the mute E?]. In *Le Français sans fard* [The unvarnished French]. Paris, PUF.
 20. Martinet A. 1972. *La nature phonologique d'E caduc* [The phonological nature of E caduc]. In: *Papers Linguistic and Phonetic to the memory of Delattre*. Paris, Mouton, pp. 393–400. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110803877/html> (consulté le: 28.07.2022).
 21. Port R. 2007. How are words stored in memory? Beyond phones and phonemes. *New Ideas in Psychology* (Elsevier), volume 25, issue 2, pp. 143–170. URL: <https://doi.org/10.1016/j.newideapsych.2007.02.001> (accessed: 28.07.2022).
 22. Racine I., Grosjean F. 2002. La production du E caduc facultatif est-elle prévisible? Un début de réponse [Is the production of the optional obsolete E predictable? A beginning of response]. *Journal of French Language. Studies*, no. 12, pp. 307–326. URL: [10.1017/S0959269502000340](https://doi.org/10.1017/S0959269502000340) (consulté le: 28.07.2022).
 23. Sauvageot A. 1962. *Français écrit, français parlé* [Written French, spoken French]. Paris, Larousse.
 24. Turco G., Fougeron C., Audibert N. 2016. Que nous apprennent les gros corpus sur l'harmonie vocalique en français? [What do large corpora tell us about vowel harmony in French?]. *Conférence: 31ème Journées d'Etudes sur la Parole (JEP)*. Paris. URL: <https://aclanthology.org/2016.jeptalnrecital-jep.64.pdf>; URL: https://www.researchgate.net/publication/309137018_Que_nous_apprennent_les_gros_corpus_sur_l_harmonie_vocalique_en_francais (consulté le: 28.07.2022).
 25. Zipf G.K. 1949. *Human behavior and the principle of least effort*. Cambridge, “Addison-Wesley Publishing”. URL: <https://vikent.ru/enc/870/> (accessed: 28.07.2022).
 26. Vasilescu I., Lamel L., Adda-Decker M. Le schwa final en français standard est-il un “lubrifiant phonétique”? *SHS Web of Conferences* 78, 09004 (2020) 7e Congrès

Mondial de Linguistique Francaise CMLF, 2020. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20207809004> (дата обращения: 28.07.2022).

27. Walter H. 1977. *La phonologie du français* [Phonology of French]. Paris, PUF.

28. Wu Y., Adda-Decker M. & Fougeron C. 2016. Rôle des contextes lexical et post-lexical dans la réalisation du schwa: apports du traitement automatique de grands corpus [Role of lexical and post-lexical contexts in the realization of the schwa: contributions of automatic processing of large corpora]. *Actes de la conférence conjointe JEP-TALN-RECITAL*, vol. 1: JEP, pp. 633–641. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rEUX8DNz6Ro&list=UU8Rfamb9jyYN1IsQfVveuQA&index=16> (consulté le: 28.07.2022).

Статья поступила в редакцию 29.08.2022;
одобрена после рецензирования 29.09.2022;
принята к публикации 12.10.2022

The article was submitted 29.08.2022;
approved after reviewing 29.09.2022;
accepted for publication 12.10.2022

Е.Г. Борисова, А.М. Иванова

ЕСТЬ ЛИ УСИЛИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ?

*Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;
borisovaeg@mgpu.ru, ivanovaam@mgpu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются способы и методики выделения и описания усилительных частиц в русском и английском языках. Актуальной представляется проблема разграничения понятий «усилительная частица», «дискурсивная частица» и «дискурсивный маркер», для чего авторы обращаются к анализу работ, в которых в разные периоды времени делались попытки описать частицы и близкие к ним классы слов; также предлагается описание роли усилительных частиц при осуществлении говорящим многоаспектной операции управления пониманием текста со стороны адресата. Целью исследования является анализ принципов выделения усилительных частиц в русском и английском языках, при этом показывается, что основным признаком усилительной частицы является способность влиять на понимание сообщаемого слушающим без внесения номинативного (лексического) смысла в содержание высказывания. Предлагается алгоритм лексикографического описания семантики русских и английских усилительных частиц, учитывающий как их значения, так и функции, и отмечается возможность интерпретации в данном качестве ряда английских слов, включая лексемы *just* и *simply*. В заключение авторы указывают на принципиальную разницу между ситуацией с выделительными частицами в русском и английском языках. Одним из ключевых является вывод о том, что в английском языке имеется возможность использовать для осуществления эмфатической функции единицы, не обладающие классическими признаками усилительных частиц (адвербиалы, идиоматические словосочетания, междометия).

Ключевые слова: служебные слова; дискурсивный маркер; модальные частицы; усилительные частицы; управление пониманием.

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-2

Борисова Елена Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет»; borisovaeg@mgpu.ru; *Иванова Анна Михайловна* — кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет»; ivanovaam@mgpu.ru

Для цитирования: Борисова Е.Г., Иванова А.М. Есть ли усилительные частицы в английском языке? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 25–36.

Введение

Статья посвящена одному из ключевых вопросов, связанному с выделением и описанием служебных частей речи, а именно: что является специфически характерным для русских усилительных частиц, которые на интуитивном уровне выделяются в ряду схожих явлений (вводные слова, выделительные частицы и т.п.). Этот вопрос, на первый взгляд кажущийся терминологической проблемой, приобретает существенный характер при сравнении ситуации в русском языке с английским, в котором выделяются единицы, сходные по выполняемой роли с усилительными частицами, однако имеющими заметные отличия [Fraser, 1990: 384].

В течение долгого времени усилительные частицы наряду с другими служебными словами находились на периферии научного интереса лингвистов. Ситуация изменилась с выделением в отдельное направление прагматики — дисциплины, ориентирующейся на отражение речевой деятельности, в которой частицы играют ключевую роль [Rathmayr, 1985: 302].

В языках, где частицы столь же распространены, как в русском (в славянских языках, в немецком, китайском и французском), тоже имеется традиция выделять частицы как отдельный класс слов [Helbig, 1988: 21–23]. Иная ситуация наблюдается в англистике. Поскольку частиц в русском понимании в английском языке выделяется незначительное количество, единицы, соответствующие выделительным частицам (*even, only, yet*), нередко объявляются наречиями (*adverbs*) или близкими к ним явлениями (*adverbials*). В то же время для описания ряда служебных слов и словосочетаний используется термин “discourse particles” [Fraser, 1990; Fischer, 2000], который связан с понятием “discourse markers” (дискурсивные маркеры), введенным Д. Шиффрин [Shiffrin, 1987: 7] в рамках исследований организации дискурса. В англоязычных источниках можно отметить наличие проблемы с вариативностью терминологии в целом, так как различные исследователи добавляют такие дефиниции, как «pragmatic marker» и «pragmatic particle» в качестве «зонтичных», то есть объединяющих в себе дискурсивные маркеры, модальные частицы, хеджи и междометия [Brinton, 1996; Schroeder, Zimmer, 1997; Dedaić, Mišković-Luković, 2010]. Кроме того, термины «маркер» и «частица» по-разному соотносятся друг с другом: то понимаются как один и тот же класс слов, то как разные классы, при этом дискурсивные частицы представлены как составная часть

более широкого класса дискурсивных маркеров [Fedriani, Sanso, 2017: 3–4; Degand, Cornillie, Pietrandrea, 2013: 7–8]. Основными критериями для отнесения единиц речи в категорию дискурсивных / прагматических маркеров является отсутствие у них денотативной или референциальной функции, а также слабая интеграция в предложение, синтаксическая гибкость.

В русской традиции предпринималась попытка назвать дискурсивными маркерами усилительные частицы [Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания, 1998: 8], однако в дальнейшем сохранялось наименование «частицы» [Шимчук, Щур, 1999], а под дискурсивными словами понимались маркеры разделов текста и другие единицы, отражающие позицию говорящего [Богданова, 2012: 73]. Исследователи английских дискурсивных явлений используют понятие “discourse particles” для обозначения широкого класса явлений, включающих и то, что соответствует русскому понятию «усилительная частица» (*just*), и адвербиалы (*actually*), которые в русской традиции попадают в наречия (в синтаксических описаниях — в вводные слова). В одной из основополагающих работ по выявлению именно такого класса единиц им дается следующая характеристика: “Discourse particles are different from ordinary words in the language because of the large number of pragmatic values that they can be associated with. Nevertheless, speakers are not troubled by this multifunctionality but they seem to know what a particle means and be able to use it in different contexts”. («Дискурсивные частицы отличаются от обычных слов языка тем, что могут быть соотнесены с большим количеством прагматических характеристик. Однако говорящего такая многофункциональность не беспокоит, он знает, что значит частица, и может употреблять ее в различных контекстах») [Aijmer, 2013: 90].

Подобные разночтения служат доказательством актуальности попыток выработать более универсальное частеречное членение служебных слов в сфере, имеющей отношение к частицам, а также применить разработанную классификацию к служебной лексике английского языка. В настоящей статье решается задача рассмотреть те особенности, которые отличают ядро понятия «усилительные частицы», и выяснить, какие из них распространяются на другие классы слов, а какие являются классообразующими, присущими только данному разряду слов.

Методика описания усилительных частиц

Усилительные частицы традиционно описывались в словарях, итогом лексикографических исследований можно считать работы А.Н. Васильевой [Васильева, 1992] и Е.А. Стародумовой [Староду-

мова, 1988]. Взрыв интереса к служебным словам в 1970–1990-е годы объясняется актуальными тогда задачами активного описания языка («грамматики говорящего»), причем внимание к частицам демонстрировалось и в англоязычной лингвистике [Fraser, 1990].

В качестве основных характеристик *усилительных частиц* отмечаются отсутствие словоизменительной парадигмы и невозможность стать членом предложения. Довольно долго была распространена точка зрения, что частицы не имеют собственной семантики, но могут влиять на понимание высказывания в целом. Компромиссом оказалось предложение считать значением не совокупность сем, а операцию, которую слушающий должен произвести со смыслом высказывания — обратить внимание на фрагмент значения. Первый способ описания стали называть декларативным, второй — процедурным [Паршин, 1988; Blakemore, 2002]. В принципе, речь идет о двух способах описания единой сущности: инструкция процедуры «обратить внимание на X» может считаться семой «X важно».

Преимущество декларативного описания диктуется необходимостью указать на внутренние связи многозначных единиц. В то же время при описании частиц действительно необходимо указывать все функции, которые может выполнять частица, что может быть описано процедурно. Таким образом, создается описание, в котором отражается выводимость частных значений из общего значения частицы и связь функций со значениями. Словарная статья должна выглядеть следующим образом:

- главное значение частицы;
- частные значения, связанные с главным;
- функции, связанные с частными значениями.

Так будет выглядеть при описании по данной схеме словарная статья частицы *-ТО* [Борисова, 1982: 54]:

- **главное значение:** выделение предмета сообщения (темы высказывания, темы синтагмы);
- **функция 1:** выделение предмета неожиданного обращения. **Значение 1:** X-то 1 — ‘X не было среди предметов, обращение к которым ожидалось, поэтому его опознание требует особого внимания, он должен быть выделен’. *А ты знаешь, Иван-то наш женился;*
- **функция 2:** сопоставление с другим объектом. **Значение 2:** X-то 2 Р — ‘Р относится только к X, но не относится к другим аналогичным объектам, поэтому X должен быть выделен’. *Соображает-то он неплохо, да ленится.*

Аналогичным образом описываются и другие значения частицы *-ТО*, в том числе те, которые близки к значениям подчинительных

союзов. Данная схема подходит для лексикографирования и других служебных слов.

Усилительные частицы: главные признаки класса

Обратимся к описаниям русских усилительных частиц в источниках [Широкова, 1982; Борисова, 1982; Борисова, Овчинникова, 2005 и др.] Среди их значений и функций можно найти те, которые выполняются словами других частей речи, например, значение причины частицы *ЖЕ* или уступительности у частиц *-ТО* и *ХОТЬ*, передаваемых союзами. Однако во всех случаях, даже при дословном совпадении, употребление частиц отличается от других частей речи. Для любой частицы можно выделить функции, выполнение которых необходимо для отражения действий говорящего относительно поведения слушающего.

Как показывает анализ русского материала, частицы используются в следующих целях:

- **маркировка внимания**, то есть указание на фрагменты сообщения, которые требуют к себе повышенного внимания читателей. В лингвистических описаниях передается терминами «усиление», «выделение» и «подчеркивание» (частицы *-ТО*, *ВОТ*, *ДА*);
- **маркировка известности сообщения**. Если говорящему нужно привести информацию, которую адресат может или должен знать, говорящий может пометить этот фрагмент частицами, которые показывают эту известность (*-ТАКИ*, *ЖЕ*, *ВЕДЬ*);
- **изменение тема-рематического распределения**. В некоторых случаях порядок тема-рематического чередования в тексте нарушается, и частицы помогают показать, что слова, составляющие рему, теряют часть своей функции передачи содержания сообщения (частица *И*), или слово, ставшее темой, оказывается носителем информации, обычно передаваемой в реме (*-ТО*).

Иными словами, основной отличительной чертой усилительных частиц оказывается способность отмечать особенности информационной организации сообщения, что позволяет слушающему правильно определить место сообщения в общем потоке передаваемой информации и в имеющихся представлениях слушающего. В целом, здесь можно говорить о функции управления пониманием текста, которое говорящий осуществляет при помощи частиц [Borisova, 2013]. Эта функция близка к когнитивной функции — одной из трех функций, которую К. Аймер [Aijmer, 2013] связывает с модальными частицами, причем единственная, которая, с ее точки зрения, относится к говорящему (две другие — содержание и оценка — связываются со слушающим). Тем не менее управление пониманием представляет собой более сложную и разнообразную

операцию, в которой участвуют не только частицы. За усилительными частицами остается сфера, связанная с ключевыми аспектами говорения: ориентацией (старое — новое), распределением внимания, организацией подачи информации. Другие схожие по функционалу языковые средства — вводные слова и конструкции (*очевидно, как известно*), местоимения (*это*), междометия (*ага*) — привносят дополнительное значение и способны выполнять когнитивную функцию тогда, когда в ходе развития значения другие оттенки выхолащиваются.

Частицы и «нечастицы» в английском языке

При анализе работ, посвященных английским служебным словам, улавливается следующая тенденция. Выделяется класс, который тесно связан с дискурсивными маркерами, т.е. средствами маркировки сообщения, помогающими адресату понять, какую роль играет следующий фрагмент в передаваемом сообщении: начало (*well, hey*), вставной кусок (*by the way*) и т.п. [Fraser, 1990]. В рамках этого множества выделяется подмножество “discourse particles”, которое ближе к характеристикам русских усилительных частиц — единиц, которые отражают влияние говорящего на представления слушающего, связанные с сообщением. Тем не менее, представленные в нем слова по большей части соответствуют разряду, называемому по-английски “adverbials”, а в русской традиции относимы к вводным словам или междометиям (*actually, in fact, well* и др.) [Минченков, 2004].

Тем не менее, из числа представленных «дискурсивных» единиц мы можем выделить несколько, которые могут быть отнесены к классу усилительных (или модальных) частиц. В их число можно включить *just, now* и *then*, иногда *well* и *simply*.

JUST по многим параметрам соответствует характеристикам, используемым при выделении русских усилительных частиц и немецких Modalpartikeln. Единица *JUST* имеет несколько значений, связанных с выполнением функции подчеркивания некоторых фрагментов смысла, ср.: *His test results were just horrible*.

Единица *JUST* может быть описана с учетом всех тех параметров, которые необходимы для описания частиц (см. описание частицы –*TO* выше). Ср.:

***JUST* General Meaning:** ‘precisely’

Function 1: Emphasizing. **Lexical Meaning 1:** Just P — ‘The meaning of P (though seemed exaggerated) is in fact not less than it can mean’. *His test results were just horrible*.

Function 2: Limiting. **Lexical Meaning 2:** Just P — ‘P and nothing else’. *It costs just 24\$! Let’s buy it!*

Function 3: Insisting. **Lexical Meaning 3:** Just do P — ‘I don’t insist on anything more but as for P you should do it’. *Just do it.*

Function 4: Polite asking. **Lexical Meaning 4:** Just P — ‘I do not ask for many things therefore I hope you will permit P’. *Could I just wait here a bit?*

Function 5: Approximately. **Lexical Meaning 5:** Just P — ‘I can say P, and I cannot say any other thing’. *I’ll be free just after 6 o’clock.*

Таким образом, единица *JUST* выполняет целый ряд функций, из которых значения 1, 2, 3 полностью соотносимы с основными функциями усилительных частиц.

К частицам иногда относят и такое очевидное наречие, как *SIMPLY*. В ряде употреблений наблюдается функция подчеркивания, связанная с апелляцией к когнитивному состоянию адресата, ср.:

SIMPLY Gen. ‘not complicated’

Function 1: Emphasizing. **Lexical Meaning 1:** X is simply P = ‘It is not complicated to see P because P is strong and therefore evident’. *That’s simply awful.*

Если считать, что в отмеченном выше значении слова *SIMPLY* остается только оттенок усилительности, то слово в этом значении может быть признано усилительной частицей.

Иногда к усилительным частицам относят *NOW* и *THEN*. Действительно, в некоторых употреблениях мы обнаруживаем их в непрямых (невременных) значениях, ср.: *Now, what are you doing here?* (Ну и что вы здесь делаете?) Однако сходство с усилительными частицами представляется неполным: управление вниманием касается только переключения внимания.

В различных работах в число частиц попадают и другие единицы: междометия, адвербиалы, наречия (*oh, actually, in fact* etc.). Их включение в число дискурсивных частиц или маркеров вполне оправдано, но основные признаки усилительных частиц как особого класса в них выделить трудно, в лучшем случае речь может идти о сходстве с частицами в некоторых значениях.

Как мы видим, в английском языке можно выделить группу слов, которые приблизительно соответствуют основным характеристикам усилительных частиц, а именно используются для управления пониманием, для маркировки нужного варианта восприятия в случаях нарушения или неоднозначности дискурсивных представлений адресата (известность, внимание, тема-рематическое членение). По большей части выполнение этих функций возложено на одно из значений лексем, при этом данное значение связано с другими, более семантизируемыми операциями, выражаемыми выделительными, ограничительными частицами или адвербиалами. Поэтому

к классу собственно усилительных частиц в английском языке можно отнести три–пять слов, и то с некоторыми оговорками.

Выводы

В языках мира имеется множество единиц, которые помогают говорящему управлять пониманием сообщения со стороны слушающего. К таким единицам можно отнести и дискурсивные маркеры, отражающие особенности понимания сообщения в аспекте ориентации в построении сообщения, вводные слова, которые отражают источник мнения, степень достоверности (*на самом деле*), ограничение истинности (*вообще-то, по правде говоря*). С другой стороны, имеются различные маркеры синтаксических отношений, включая и отношения сходства, новизны, противоречия (союзы *И, А, НО* в русском, *AND* и *BUT* в английском), а также ограничительные и выделительные частицы, которые маркируют возможные ожидания слушающего (*ДАЖЕ, УЖЕ*). Данные единицы тесно связаны с моментом речевого общения и в то же время привносят в высказывание дополнительные смыслы. Частицы, которые в русском языке называются усилительными, тоже имеют лексические значения, но при этом выполняют функции, которые напрямую связаны с управлением восприятием сообщения без обращения к лексическим значениям. В отличие от междометий, рассчитанных на управление эмоциональной сферой общения, усилительные частицы выполняют когнитивную функцию — они «привязывают» слушающего к основным ориентирам сообщения: известности, выделенности из ряда, сообщаемому (реме).

Изучение английских дискурсивных единиц показывает, что среди них имеются слова, которые можно было бы отнести к классу усилительных частиц. Более того, есть слова, которые хотя бы в одном–двух значениях ведут себя так, как русские усилительные частицы и немецкие *Modalpartikeln*, а именно отражают (в свернутом виде) те коррекции представлений о выделенности, известности или роли в тема-рематической организации, которые могут быть неочевидны для слушателя. В частности, к усилительным частицам мы можем отнести лексему *JUST* в служебных значениях, а также слова *NOW, THEN, SIMPLY, WELL* в некоторых значениях.

Тем не менее, нельзя не отметить, что число слов, которые могут быть признаны усилительными (модальными) частицами, в английском языке заметно меньше, чем в русском или немецком [Горбачевская, 2005: 21; Савельева, 2018]. Большая часть единиц, относимых к частицам в английском языке, — это выделительные частицы, а также адвербиалы, которые представлены и в других языках и отличаются от усилительных частиц значениями, содержащими

лексические элементы (как в виде ассерции, так и пресуппозиции), не сводимые к коррекции понимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богданова Н.В.* О проекте словаря дискурсивных единиц русской речи (на корпусном материале) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог» / Гл. ред. А.Е. Кибрик. Вып. 11(18), 2012. С. 71–83.
2. *Борисова Е.Г.* Семантический анализ усилительных частиц русского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982.
3. *Борисова Е.Г., Овчинникова Т.Н.* Пространства усиления // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог-2005». М., 2005. С. 559–564.
4. *Васильева А.Н.* Частицы русской разговорной речи: Particles in Colloquial Russian. М., 1992.
5. *Горбачевская С.И.* Немецкие модальные частицы как иллокутивные индикаторы (опыт сравнительно-сопоставительного анализа) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 1. С. 21–30.
6. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К.Л. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998.
7. *Минченков А.Г.* Английские частицы: функции и перевод. СПб., 2004.
8. *Паршин П.Б.* Сопоставительное выделение как коммуникативная категория (Опыт процедурно-семантического описания): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988.
9. *Савельева Л.А.* К проблеме классификации частиц в русском, немецком и английском языках // Доклады Башкирского университета. 2018. Т. 3. № 3. С. 307–312.
10. *Стародумова Е.А.* Акцентирующие частицы в русском языке. Владивосток, 1988.
11. *Шимчук М.Г., Щур Э.Г.* Словарь русских частиц. Берлин, 1999.
12. *Широкова Е.Г.* Частица *И* и некоторые функции усилительных частиц // Семантика служебных слов: Сб. науч. трудов Пермского государственного ун-та. Пермь, 1982. С. 166–176.
13. *Aijmer K.* Analyzing modal adverbs as modal particles and discourse markers // Discourse Markers and Modal Particles. Categorization and Description. Amsterdam; Philadelphia, 2013. P. 89–106.
14. *Blakemore D.* Relevance and Linguistic Meaning: The Semantics and Pragmatics of Discourse Markers. Cambridge, 2002.
15. *Borisova E.G.* Special entities used for governing understanding // Understanding by Communication. Cambridge, 2013. P. 95–104.
16. *Brinton L.J.* Pragmatic Markers in English: Grammaticalization and Discourse Functions (Topics in English Linguistics). Berlin; New York, 1996.
17. *Dedaić M., Mišković-Luković M.* South Slavic Discourse Particles. Amsterdam; Philadelphia, 2010.
18. *Degand L., Cornillie B., Pietrandrea P.* Discourse markers and modal particles: two sides of the same coin? // Discourse Markers and Modal Particles: Categorization and Description. Amsterdam; Philadelphia, 2013. P. 1–18.
19. *Fedriani C., Sanso A.* Pragmatic markers, discourse markers and modal particles: what do we know and where do we go from here? // Pragmatic Markers, Discourse

- Markers and Modal Particles: New Perspectives. Amsterdam; Philadelphia, 2017. P. 1–36.
20. Fischer K. From Cognitive Semantics to Lexical Pragmatics: The Functional Polysamy of Discourse Particles. Berlin, New York, 2000.
 21. Fraser B. An approach to discourse markers // Journal of Pragmatics. 1990. Vol. 14. No 3. P. 383–398.
 22. Helbig G. Lexikon deutscher Partikeln. Leipzig, 1988.
 23. Rathmayr R. Die Russischen Partikeln als Prag-malexeme. München, 1985.
 24. Schroeder H., Zimmer D. Hedging research in pragmatics: a bibliographic research guide to hedging // Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts. Berlin; N.Y., 1997. P. 249–271.
 25. Shiffrin D. Discourse Markers. Cambridge, 1987.

Elena G. Borisova, Anna M. Ivanova

A CASE FOR EMPHATIC PARTICLES IN THE ENGLISH LANGUAGE

Moscow City University, Moscow, Russia; borisovaeg@mgpu.ru, ivanovaam@mgpu.ru

Abstract. The article investigates the issue of whether emphatic particles exist in the English language as well as looks into the ways of distinguishing these particles from similar phenomena including discourse markers and function words. Though particles cannot always be easily identified among other parts of speech, emphatic particles are quite distinct from other types of particles presented in grammar studies — structural, negative or adverbial ones — as well as discourse markers. To clarify the point, the authors dwell on the emphatic particles of the Russian language in order to highlight their main purpose — they help the speaker convey the full message to the addressee without adding any semantic connotations to an utterance. Thus, emphatic particles, along with other discursive elements, are used by the speaker to carry out a complex and multidimensional operation of controlling the understanding of the text on the part of the addressee. As emphatic particles fall into three functional classes — attention markers, background information markers, topic and focus markers — the paper provides a frame for presenting their semantic composition in lexicographic sources. Another objective is to distinguish between discourse markers, discourse particles and emphatic particles in the English language. As various languages prefer different parts of speech as the source of producing particles (prepositions, adverbs, interjections, etc.), there is great terminological variability in the number and purpose of particles used in communication. The findings reveal that in the English language words that are not essentially emphatic particles, such as adverbials or compound discourse particles derived from idiomatic word combinations, often perform the emphatic function. The outcome of the research proves the hypothesis that the English words ‘just’, ‘simply’ and some others are equal to Russian emphatic particles.

Key words: function words; discourse markers; modal particles; emphatic particles; comprehension management.

For citation: Borisova E.G., Ivanova A.M. (2023) A case for emphatic particles in the English language. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 25–36. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Elena G. Borisova — Dr. Habil., Professor of the Department of German Studies and Linguistic Didactics, Moscow City University (Institute of Foreign Languages); borisovaeg@mgpu.ru; *Anna M. Ivanova* — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies, Moscow City University (Institute of Foreign Languages); ivanovaam@mgpu.ru

REFERENCES

1. Bogdanova N.V. 2012. O proekte slovarya diskursivnykh edinit russkoi rechi (na korpusnom materiale) [On the project for a dictionary of Russian discourse particles (on the material of speech corpora)]. *Computernaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog"* [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the annual international conference "Dialogue"]. Vol. 11(18), pp. 71–83. (In Russ.)
2. Borisova E.G. 1982. *Semanticheskiy analiz usilitelnykh chastits russkogo yazyka*: Diss. ... kand. filol. nauk. [Semantic analysis of Russian emphatic particles. Dissertation of the candidate of philological sciences]. Moscow, Moscow State University. (In Russ.)
3. Borisova E.G., Ovchinnikova T.N. 2005. Prostranstvo usileniya [Space for emphasis]. *Computernaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog-2005"* [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the international conference «Dialogue-2005»]. Moscow, Nauka, pp. 559–564. (In Russ.)
4. Vasilyeva A.N. 1992. *Chastitsy russkoi razgovornoj rechi* [Particles in colloquial Russian]. Moscow, Russkiy yazyk. (In Russ.)
5. Gorbachevskaya S.I. 2005. Nemetskiye modalnyye chastitsy kak illokutivnyye indikatory (opyt sravnitelno-sopostavitelnogo analiza) [German modal particles as illocutive indicators (experience of comparative analysis)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 21–29. (In Russ.)
6. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisanya*. 1998. [Discourse words of the Russian language: practice of contextual and semantic descriptions]. In K.L. Kiselyova and D. Payar (ed.). Moscow, Moscow State University. (In Russ.)
7. Minchenkov A.G. 2004. *Angliyskiye chastitsy: funktsii i perevod* [English particles: functions and translation]. Saint-Petersburg, Antologiya. (In Russ.)
8. Parshin P.B. 1988. *Sopostavitelnoye vydelenie kak kommunikativnaya kategoriya: (Opyt protsedurno-semanticheskogo opisanya)*: Diss. ... kand. filol. nauk. [Comparative emphasis as a communicative category: (procedure semantic description). Dissertation of the candidate of philological sciences]. Moscow, Moscow State University. (In Russ.)
9. Savelyeva L.A. 2018. K probleme klassifikatsii chastits v russkom, nemetskom i angliyskom yazykakh [On the issue of particle classification in Russian, German and English]. *Reports of Bashkir University*, vol. 3, no. 3, pp. 307–312. (In Russ.)

10. Starodumova E.A. 1988. *Aktsentiruyushchiye chastitsy na russkom yazyke* [Accentuating particles in the Russian language]. Vladivostok, Far Eastern University. (In Russ.)
11. Shimchuk M.G., Shchur E.G. 1999. *Slovar russkikh chastits* [Dictionary of Russian particles]. Berlin, Peter Lang. (In Russ.)
12. Shirokova E.G. 1982. Chastitsa “И” i nekotorye funktsii usilitelnykh chastits [Particle И and some functions of emphatic particles]. *Semantika sluzhebnykh slov. Sbornik nauchnykh trudov Permskogo gosudarstvennogo universiteta* [Semantics of function words. Collection of scientific papers of Perm State University]. Perm, Perm State University, pp. 166–176. (In Russ.)
13. Aijmer K. 2013. Analyzing modal adverbs as modal particles and discourse markers. *Discourse Markers and Modal Particles. Categorization and Description*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 89–106.
14. Blakemore D. 2002. *Relevance and Linguistic Meaning: The Semantics and Pragmatics of Discourse Markers*. Cambridge, Cambridge University Press.
15. Borisova E.G. 2013. Special entities used for governing understanding. *Understanding by Communication*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishers, pp. 95–104.
16. Brinton L.J. 1996. *Pragmatic Markers in English: Grammaticalization and Discourse Functions (Topics in English Linguistics)*. Berlin; New York, Mouton de Gruyter, 1996.
17. Dedaić M., Mišković-Luković M. 2010. *South Slavic Discourse Particles*. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins, 2010.
18. Degand L., Cornillie B., Pietrandrea P. 2013. Discourse Markers and Modal Particles: Two Sides of the Same Coin? *Discourse Markers and Modal Particles: Categorization and Description*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 1–18.
19. Fedriani C., Sanso, A. 2017. Pragmatic markers, discourse markers and modal particles: what do we know and where do we go from here? *Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles: New Perspectives*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 1–36.
20. Fischer K. 2000. *From Cognitive Semantics to Lexical Pragmatics: The Functional Polysemy of Discourse Particles*. Berlin; New York, De Gruyter Mouton.
21. Fraser B. 1990. An approach to discourse markers. *Journal of Pragmatics*, vol. 14, no. 3, pp. 383–398.
22. Helbig G. 1988. *Lexikon deutscher Partikeln*. Leipzig, Verlag Enzyklopädie.
23. Rathmayr R. 1985. *Die Russischen Partikeln als Prag-malexeme*. München, Sagner.
24. Schroeder H., Zimmer D. 1997. Hedging research in pragmatics: a bibliographic research guide to hedging. *Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts*. Berlin; New York, De Gruyter Mouton, pp. 249–271.
25. Shiffrin D. 1987. *Discourse Markers*. Cambridge, Cambridge University Press.

Статья поступила в редакцию 01.08.2022;
одобрена после рецензирования 01.09.2022;
принята к публикации 12.10.2022

The article was submitted 01.08.2022;
approved after reviewing 01.09.2022;
accepted for publication 12.10.2022

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Т.Ю. Загрязкина

ДИНАМИКА СИМВОЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ: ОТ МЕСТ ПАМЯТИ К МЕСТАМ ПЕРЕХОДА (НА ПРИМЕРЕ ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ДИСКУРСОВ)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; tatiana_zagr@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается терминология исследований культурной памяти — обозначений референтных точек и/или векторов культуры, важных для идентификации человека и коллектива. Показывается, что символизация культуры может происходить в разных формах — автор рассматривает номинации, которые используются во франкоязычной научной литературе при разработке концепций мест (*lieux*): мест памяти, мест знания, не-мест, мест перехода. Большая часть наименований с компонентом *место* все еще близка к метафорам и недостаточно известна русскоязычной аудитории. В статье поставлена цель проследить эволюцию ряда обозначений, предложенных франкоязычными авторами второй половины XX — начала XXI в. в рамках теорий мест культуры, которые могут найти более широкое применение в отечественной науке. На материале Франции и Квебека устанавливается, что во франкоязычном научном дискурсе референтные точки культуры могут ассоциироваться с символикой мест и отражать две стороны бытования самой культуры: статическую и динамическую. Эти стороны взаимобратимы: в процессе развития культуры и языка возникают новые референции, при этом «старые» референции хранятся в памяти, забываются и вновь всплывают на поверхность, пересматриваются и перерабатываются. Взаимообмен и переосмысление старых и новых референтных точек, мест памяти и мест перехода являются признаком и условием развития общества, культуры и дискурсов об обществе и культуре на разных этапах истории.

Ключевые слова: символизация культуры; культурная память; культурная референция; места памяти; места знания; не-места; места перехода; франкоязычный научный дискурс.

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-3

Загрязкина Татьяна Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; tatiana_zagr@mail.ru

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Загряжкина Т.Ю. Динамика символизации культуры: от мест памяти к местам перехода (на примере франкоязычных научных дискурсов) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 37–48.

Символизация культуры привлекает внимание многих исследователей — историков, культурологов, филологов. В данной статье мы обратимся к обозначениям референтных точек — символов культуры, и/или векторов культуры, важных для идентификации человека и коллектива. Как и многие другие термины, обозначения референций и символов культуры варьируются в рамках разных научных школ и традиций. Среди идентифицирующих символов упоминают «знаки, сигнализирующие об идентичности», «средства символического различения» [Барт, 2006: 39, 44 и др.], «знаковые символические атрибуты» [Плассеро, 2019: 149]; «маркеры» [Баранова, 2019: 27]; есть и другие обозначения. Среди них выделяется группа номинаций, прямо связывающих человека и культурное пространство и имеющих своим компонентом лексику *место* (*lieu*).

Данные номинации используются, в частности, во франкоязычной научной литературе второй половины XX — начала XXI в. «Места человека» (*lieux de l'homme*), «места памяти» (*lieux de mémoire*), «места перехода» (*lieux de passage*), «места знания» (*lieux de savoir*), «места творчества» (*lieux de création*), есть еще «не-места» (*non-lieux*) и «вне-места» (*hors-lieux*) — этот ряд, возможно, не закрыт. Цель статьи — проследить эволюцию обозначений этого ряда, часть из которых превратилась в интернациональные термины, используемые в том числе в отечественной научной литературе в большей или в меньшей степени («места памяти», «места знания»). Другая часть все еще близка к метафорам и недостаточно известна русскоязычной аудитории, но может быть полезной при изучении проблем идентичности и культурной памяти.

Еще в 1950-е годы французский философ и социолог М. Гальбвакс показал, что память, как индивидуальная, так и коллективная, не представляет собой сплошного потока, а имеет высветленные фрагменты, которые сохраняются и транслируются другим поколениям, и затемненные фрагменты — зоны забвения. Работа Гальбвакса до сих пор не утратила актуальности, она имеет значение и для нашей темы: обозначение «место», *lieu* еще не появилось, но была сформулированная идея коллективной памяти и ее референций [Halbwachs, 1950]. В конце 1960-х годов квебекский социолог и философ Фердинан Дюмон выдвинул понятие «место человека» (*lieu de l'homme*),

содержащее лексему «место». По мнению Ф. Дюмона, культура является местом человека как сочетание связей его сознания и окружающего мира [Dumont, 1968].

Развивая это направление дальше, в начале 1980-х годов французский историк П. Нора предложил термин «место памяти» (*lieu de mémoire*), в котором объединяются оба компонента — память и место, отсылающие и к времени, и к пространству. Этим двуединым термином П. Нора обозначил «остатки» (*restes*) другой эпохи, значимые для современности, которые сохранились в памяти благодаря «воле людей и работе времени». Концепция стала во Франции популярной, ср. название *Les lieux de mémoire* фундаментального коллективного труда — многотомного (с^твм книг) сборника статей под редакцией П. Нора, приуроченного к 200-летию французской революции [Les lieux de mémoire, 1984–1992].

Теория и методология П. Нора почти сразу привлекли внимание отечественных авторов [Автономова, Караулов, Муравьев, 1988], при этом обозначение *места памяти* в русской научной традиции какое-то время не было ассимилировано, и его первый компонент заключался в кавычки — «места» памяти. Возможно, именно поэтому Ю.Н. Караулов предложил аналог этого термина — «*вехи памяти*», утверждая, что проблема требует систематической разработки и на русском материале [Караулов, 1999: 36]. Обозначение «*вехи памяти*» осталось окказиональным, однако с тех пор появились десятки работ российских авторов, в которых словосочетание «*места памяти*» используется как устойчивый термин.

Согласно концепции П. Нора, культурное пространство человека и коллектива представляет собой пространство имен, событий, артефактов, памятников, дат, речей, представлений о языке и т.д. Полного «списка» мест памяти французов, естественно, не существует, и все же П. Нора обозначает комплекс общенациональных символов французов: Галльский петух; Старшая дочь церкви (имеется в виду католическая церковь Франции); Карл Великий; Жанна д'Арк; Король; Государство; Париж; Декарт; Свобода, Равенство, Братство; Гений (Дух) французского языка. Как видно из этого перечня, он включает реальных исторических деятелей; обобщенные символы; столицу Франции; национальный язык, точнее, его «дух». Эти референтные точки очерчивают круг национальной памяти как единого целого и не выходят за пределы страны.

Одновременно с выходом первых томов «Мест памяти» под редакцией П. Нора была опубликована лекция М. Фуко «Другие пространства», прочитанная им ранее в 1967 г. М. Фуко показал динамику культурного пространства в разные периоды его истории: место (*lieu*), протяженность (*étendue*), местоположение (*emplacement*).

По Фуко, в Средние века «пространство локализации» представляло собой иерархию множества мест: «места священные и места профанные, места защищенные и, наоборот, места открытые и незащитные, места городские и места сельские (это касается реальной жизни людей); в космогонической теории существовали места наднебесные, противопоставленные месту небесному; место же небесное, в свою очередь, противопоставлялось месту земному <>» [Фуко, 2006: 192]. По Фуко, представление о фокусировке пространства изменяется во времени: открытие Галилея в XVII в. распахнуло пространство, и средневековые «места» уступили место «протяженности»; в наше время «протяженность» сменяется «местоположением», или локацией между точками. *Место* фиксировано и включено в иерархию других мест; *протяженность* устремлена в безграничность; *местоположение* характеризуется относительностью. Пространство человека Для Фуко не гомогенно: «Пространство, где мы живем, ... само по себе является еще и гетерогенным». Гетерогенность, или гетеротопия, позволяет сопоставлять в одном месте «несколько местоположений, которые сами по себе несовместимы». Виды пространств — *гетеротопии* (hétérotopies), с одной стороны, могут восприниматься как константы, результат «накопления времени», с другой — как нечто ускользающее, временное, преходящее [там же: 195, 196 и др.]. И в том, и в другом случае человек оказывается на пересечении двух осей координат — пространства и времени.

Связь пространства и времени, освоенная человеком, изучается и в отечественной научной литературе. Так, термин «*хронотоп*», предложенный А.А. Ухтомским для физиологических исследований, использовался М.М. Бахтиным при изучении литературы. По Бахтину, человек в литературе «всегда хронотопичен», при этом ведущим началом в хронотопе является время. Ученый не касался хронотопа в других сферах культуры, подразумевая, что в них он тоже существует [Бахтин, 1975].

Динамический вектор теории мест, восходящий к гетеротопии М. Фуко и сопоставимый с хронотопией А.А. Ухтомского и М.М. Бахтина, получил свое развитие в коллективном труде “*Les lieux de savoir*” (*Места знания*), вышедшем во Франции под редакцией Ш. Жакоба [Les lieux de savoir, 2007]. Под *местами знания* (*lieux de savoir*) Ш. Жакоб подразумевает динамическое пространство интеллектуального опыта, коллективного и индивидуального, вовлекающего индивидуума в группу — образовательное, научное или интеллектуальное сообщество. Места знания могут иметь материальное и нематериальное воплощение, как: а) места хранения и производства знания — научные сообщества, «ученые миры»; кабинеты, библиотеки, университеты, архивы, музеи, компьютерные

банки данных и т.д.; б) инструменты политики — регистрирующие и законодательные органы; в) территории, связанные маршрутами распространения знаний и технологических инноваций.

Ш. Жакоб апеллирует к концепции мест П. Нора, внося в нее идеи трансмиссии, передачи знания, пересечения границ территории, научной дисциплины, эпохи. Вводятся компоненты сопоставления, движения, изменения, выхода на более широкие пространства, связанные между собой переплетающимися линиями: как диахронными, так и синхронными. Так, например, сопоставляются вступительные экзамены в привилегированные Высшие школы Франции, процедура защиты диссертации в современном университете и конкурсы чиновников в императорском Китае. И те, и другие испытания содержат идеи преодоления рубежа, инициации, открывающие участникам путь к высшим достижениям. Компоненты сопоставления и развития, отсутствующие в концепции мест памяти П. Нора, позволяют Ш. Жакобу выявить интерактивный характер памяти людей, ведущих диалог во времени и в пространстве, актуализировать взаимодействие эпох и культур, объединить научные миры и миры технологий. Ш. Жакоб опирается на работы социологов П. Бурдьё и М. Серто с их вниманием к повседневным практикам, в данном случае практикам наук и технологий. В теории мест знания не придается большого значения великим именам и событиям, во время как в концепции Нора они являются основой идентичности.

В российской научной традиции концепция мест знания, разработанная Ш. Жакобом, известна в меньшей степени, чем концепция мест памяти, однако она вызывает интерес, в частности, в контексте изучения образовательных структур франкофонии, связанных между собой переплетающимися линиями [Крюкова, 2017]. Роль места в производстве знаний является предметом англосаксонских исследований конца XX — начала XXI в.; с опорой на англоязычную традицию к этой теме обращаются отечественные авторы. Так, в своем исследовании «пространственного поворота» в истории науки и техники Н.В. Никифорова анализирует работы Д. Опитца, С. Бергвика, Б. Латура, Д. Левингстоуна и других англоязычных ученых, установивших зависимость производства знания не только от временного, но и от пространственного фактора. В этих работах выявляются пути институализации научного знания в контексте пространства как социокультурного конструкта, устанавливается роль традиционных мест науки (кабинет, лаборатория, музей, др.) и «альтернативных мест» (домашнее пространство, паб) [Никифорова, 2021].

Идея альтернативных мест разрабатывается и во франкоязычной традиции. Так, при трактовке Вандейского восстания (1793), истории Парижской коммуны (1871) и других событий П. Нора и другие

авторы обращали внимание на расхождения и даже конфронтацию «официальной», vs национальной памяти и памяти «неофициальной». Полемизируя с П. Нора, французский социолог М. Оже решает вопрос альтернативных мест по-иному [Augé, 1992]. Исследователь выделяет две группы мест: культурологически значимые, или антропологические места (*lieux*), и обезличенные не-места (*non-lieux*). Антропологические места имеют идентифицирующие функции, обладают внутренними связями и историей, пусть и «музеифицированной». Антропологическое место — это «частично материализованная» идея людей об их отношении к территории, истории, другим людям. Не-места (именно так М. Оже назвал свою книгу) — это территории современной жизни и разрушения культурных связей. Среди таких пространств, не имеющих антропологического значения и не напоминающих людям об их культурных и исторических корнях и связях — аэропорты, самолеты, автострады, гостиницы, супермаркеты и другие места большого скопления людей, обезличивающие всех, кто туда попадает. Например, старые добрые поезда, перемещающиеся на небольшой скорости и позволяющие любоваться пейзажем, городами и поселками — это места; скоростные поезда, мчащиеся на огромной скорости и не оставляющие пассажирам возможности рассмотреть и оценить то, что мелькает за окном — не-места. В наименованиях акторов этих пространств также заложена двусторонняя оппозиция: в поездах ездят путешественники (*voyageurs*), в скоростных поездах — пассажиры (*passagers*). (В развитии концепции можно продолжить этот ряд: путники, паломники, странники (*pèlerins, rôdeurs*) идут пешком, бродяги, скитальцы (*vagabonds*) — часто пешком, не имея видимой цели; и те и другие не просто перемещаются, а осваивают пространство «мест».) По Оже, в не-местах есть специально отведенные зоны для «цитат» о прошлом: сувениров с Эйфелевой башней, фотографий исчезнувших исторических построек и т.д. Таким образом места утрачивают реперный характер и уходят в область «сувениров» и «цитат» — свидетелей утраты и / или девальвации прошлого.

Не заставляет себя ждать и более радикальный вывод, который делают философы. Отдавая должное концепции П. Нора, П. Рикер тем не менее утверждает, что «сохранение образов» прошлого есть лишь форма забывания, которая пока сопротивляется забвению [Рикер, 2004: 604]. Ф. Досс и вовсе заключает, что прошлое, в принципе, не является «местом человека». Человек дистанцируется от прошлого, и только при этом условии может вести с ним диалог, не всегда принимая и часто критикуя прошлое [цит. по: Létourneau, 2010: 31].

Проблема культурной памяти активно изучается и в Квебеке [Загрязкина, 2014]. Девизом этой франкоязычной провинции Канады

является отсылка к прошлому *Je me souviens* (Я помню), отражающая стремление сохранить и передать память другим поколениям. Отталкиваясь от концепции П. Нора, франко-канадский исследователь Жослин Летурно соглашается с ним в том, что общество обеспечивает свое воспроизводство путем созданий референтных точек — это могут быть персонажи, события, факты языка и другие символы. При этом он не соглашается с преимущественной отсылкой к прошлому и недооценкой символических связей современного общества. В концепции П. Нора референции фиксируются в форме *фиксированной типической* идентичности, заключенной в определенные границы. Ж. Летурно заключает, что в этом случае современники рассматриваются как наследники, получающие неизменную идентичность. Между тем новые поколения не пассивны, а креативны: «Нация наследников и нация отцов принципиально различаются в своей основе: наследник находится в поисках идентичности, в то время как отец считает, что он уже нашел свою идентичность и идентичность своих потомков» [Létourneau, 2010: 212].

Критикуя статичную, с его точки зрения, концепцию мест памяти, Летурно предлагает динамическую теорию «мест перехода» (*lieux de passage*). Согласно этой теории, общества существуют только в состоянии перехода, при этом цель передачи памяти — не механическое воспроизведение ценностей прошлого, а диалог через поколения. Участниками этого диалога будут представители разных коллективов, принадлежащих к одной, но изменяющейся культуре. Вместо фиксации прошлого — движение, метаморфоза, изменение в символическом воспроизведении ценностей: люди переживают не только корни и привязки к прошлому, но и свой отрыв от них. Говоря об этих изменениях, Летурно употребляет глагол «перекомпоновываться» (*recomposer*): в своих действиях, представлениях и нарративах общество перекомпоновывается в новых формах, и *место перехода* становится *местом творчества* (*lieu de création*). Большая роль при этом отводится языку. Язык — это связующая нить, лиана, позволяющая приблизиться к корням или дистанцироваться от них [Ibidem: 167–169]. Образ лианы отсылает к гибкости, движению, поиску новых опор.

Отношение к французскому наследию в Квебеке всегда было центральным при установлении идентичности, а вопрос о языке — главным вопросом, «“la” question par excellence». При этом ответ на этот вопрос, как и трактовка языковой «ошибки» — фактора «нарушения» идентичности, претерпевали изменения. По мнению Ж. Летурно, взаимодействие языков в Квебеке — один из главных источников движения и развития идентичностей. Это взаимодействие проявляется в культуре, в частности, в «литературной миграции» — взаимодополняющем использовании в литературе элемен-

тов разных языков и литературных вкраплений [Ibid.: 171; 174], а также в речи как полифония форм и акцентов. В отличие от ситуации во Франции и сопредельных с ней Бельгии и Швейцарии, внутренний динамизм франко-канадского не сдерживается жестким авторитетом письменных форм, и дистанция между устным и письменным языком сокращается. По образному выражению франко-канадских лингвистов, французский язык Квебека «бурлит», и это «бурление» (*bruissement de la langue au Québec*) свидетельствует о его креативности и жизненной силе [Villers, 2008: 584–585]. Отход от французской литературной нормы в современном Квебеке уже не воспринимается как «брыкание жуаля»¹ [Le français au Québec, 2008: 27–32]. Этот отход поддерживается лингвистами и выражается в создании «Тезауруса французского языка Квебека» (*Trésor de la langue française au Québec*), разработке общепольской компьютерной терминологии, позволяющей хотя бы отчасти дистанцироваться от глобального английского. Пишут о «квебекском стандарте» и иерархии узусов внутри Квебека, о стремлении к созданию собственных языковых норм [Cajolet-Laganière, Martel, 2008: 586]. Правда, в полной мере они так и не зафиксированы.

Ж. Летурно считает язык особой ценностью, местом памяти, культурным наследием и фактором идентичности, но не только этим. Он считает язык местом перехода, позволяющим отдалиться от корней, но не оторваться от них, создать новые опоры и новые референции. Акцент, новые значения, заимствования, ассимиляции и перемешивания в языке отражают культурные обмены, происходящие в пространстве Квебека [Létourneau, 2010: 177]. Языковое перемешивание, происходящее на уровне повседневной устной или письменной практики, можно считать беспорядочной «какофонией», а можно, вслед за Ж. Летурно — взаимодействием референтных связей, или «интер-референтией» внутри общества.

Благодаря этой интерреферентии образуется особое поле, как пишет Летурно, — *oïkos* (дом, жилище, природа вокруг жилища), или *habitabilité québécoise*, — квебекское обитаемое пространство [Ibidem]. Это обозначение отсылает к концепции «обитаемого пространства», *espace vécu*, разработанной Г. Башляром, М. де Серто, др. По мнению Башляра, «обитаемые пространства» — это пространства, ценные для человека, отражающие мир его грез и образов, защищенные от враждебных сил и потому «счастливые» (*espaces heureux*). Среди метафор «ящик», «сундук», «шкаф» (вместилище вещей), «гнездо», «раковина» (вместилище живых существ), «ком-

¹ Термин *joual* — от искаженного *cheval*, лошадь — обозначает речь городских низов Монреаля.

ната», «дом» — места человека. Г. Башляр видел в любом вместилище «начальный принцип раковины» и более сложный принцип дома, имеющего защитные границы: «любое поистине обитаемое пространство несет в себе сущность понятия дома», «воображение работает в этом направлении, едва лишь обретено какое-либо убежище ... возводит “стены” из бесплотных теней, ободряет себя иллюзией защищенности или, напротив, дрожит за толстыми стенами, сомневается в прочности крепких заграждений» [Башляр, 2004: 24, 26, 22].

Концепт Летурно *habitabilité québécoise* (квебекское «вместилище», «обитаемое пространство») перекликается с пространством Башляра, но отличается от него отсутствием идеи раковины и границы. Это не закрытое пространство Башляра, а открытое и изменчивое место. По Летурно, квебекское пространство *oïkos, habitabilité québécoise* населено своими жителями *habitants*. Лексема *habitants* отсылает к историческому обозначению оседлых первопоселенцев — крестьян, живущих на земле. В отличие от них, другая категория первопоселенцев, промышлявших охотой (*chasseurs*), меняла место пребывания. Круг замыкается: места памяти трансформируются в места перехода, места перехода оказываются местами памяти.

В заключение отметим, что символы культуры в научном дискурсе могут ассоциироваться не только с точками, или местами в пространстве, но и с движением этих точек, приводящим к переконпоновке пространства во времени: местами человека, местами памяти, местами знания, местами перехода, не-местами и др. В работах Ф. Дюмона, П. Нора, М. Фуко, Ш. Жакоба, П. Рикера, Ж. Летурно, М. Оже другие обозначения с компонентом *место* стали частотными и перешли из разряда ключевых слов и образов в разряд терминов, имеющих разные трактовки. Разнообразие трактовок отражает динамику франкоязычной научной традиции и эволюцию культур франкоязычных стран и регионов (Франции, Квебека и др.).

Символизация культуры в контексте теорий мест свидетельствует о сохранении образности указанных обозначений, отражающей две стороны бытования самой культуры: фиксированную и подвижную. Эти стороны взаимосвязаны: в процессе развития культуры и языка возникают новые референции, при этом «старые» забываются, хранятся в уголках памяти и вновь всплывают на поверхность, пересматриваются и перерабатываются.

Исследованные в статье понятия и их обозначения могут быть шире использованы в отечественных разработках: взаимообмен и переосмысление старых и новых референтных точек, мест памяти и мест перехода являются признаком и условием развития любого общества и его научных дискурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Автомонова Н.С., Караулов Ю.Н., Муравьев Ю.А.* Культура, история, память: о некоторых тенденциях новейшей французской историко-методологической мысли // *Вопросы философии*. 1988. № 3. С. 71–87.
2. *Баранова В.В.* Язык и этническая идентичность: урумы и румеи приазовья. М., 2010.
3. *Барт Ф.* Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий. М., 2006.
4. *Башляр Г.* Поэтика пространства. М., 2004.
5. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–407. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronmain.html (дата обращения: 01.10.2022). (In Russ.)
6. *Загрязкина Т.Ю.* Референтные точки языка и культуры: статика и динамика (на примере Квебека) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2014. № 2. С. 61–71.
7. *Караулов Ю.Н.* Вехи национально-культурной памяти в языковом сознании русских в конце XX века // *Актуальные проблемы современной лексикографии. Материалы научно-методической конференции, состоявшейся на факультете иностранных языков МГУ, 22 мая 1997. М., 1999. С. 26–37.*
8. *Крюкова О.А.* Академический ландшафт Международной организации франкофонии // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017. № 3. С. 119–127.
9. *Никифорова Н.В.* «Места знания»: пространственный поворот в истории науки, технологий и общества // *Социология науки и технологий*. 2021. Т. 12. № 3. С. 78–93.
10. *Плассеро И.* Идентичность народов Европы. М.; СПб., 2019.
11. *Рикер П.* Память история, забвение. М., 2004.
12. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., 2006.
13. *Augé M.* Non-lieux; Introduction à une anthropologie de la surmodernité. P., 1992.
14. *Cajole-Laganière H., Martel P.* Un dictionnaire qui reflète notre identité culturelle/ Le français au Québec: 400 ans d'histoire et de vie // *Dir. De M. Plourde et de P. Georgeault*. Québec, 2008.
15. *Dumont F.* Le lieu de l'homme. Montréal, 1968.
16. *Halbwachs M.* La mémoire collective. P., 1950.
17. *Les lieux de mémoire* / *Dir. de P. Nora*. En 3 vol. 7 livres. P., 1984–1992.
18. *Les lieux de savoir* / *Dir. de Ch. Jacob*. En 2 vol. P., 2007.
19. *Létourneau J.* Le Québec entre son passé et ses passages. Québec, 2010.
20. *Villers M.-E.* Le vif désir de durer // *Le français au Québec: 400 ans d'histoire et de vie* / *Dir. De M. Plourde et de P. Georgeault*. Québec, 2008. P. 584–585.

Tatiana Yu. Zagryazkina

DYNAMICS OF CULTURAL SYMBOLIZATION: FROM PLACES OF MEMORY TO PLACES OF TRANSITION (ON THE EXAMPLE OF FRENCH-LANGUAGE SCIENTIFIC DISCOURSES)

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; tatiana_zagr@mail.ru

Abstract. The article discusses the terminology of cultural memory research — the designations of reference points and/or vectors of culture that are important for

the identification of a person and a collective. It is shown that the symbolization of culture can occur in different forms: the author examines the nominations that are used in the French-language scientific literature when developing the concepts of places (lieux): places of memory, places of knowledge, not places, places of transition. Most of the names with the place component are still close to metaphors and are not well known to the Russian-speaking audience. The article aims to trace the evolution of a number of designations proposed by the French-speaking authors of the second half of the XX–XXI centuries within the framework of theories of places of culture that can find wider application in domestic science. Based on the material of France and Quebec, it is established that in the French-speaking scientific discourse, the reference points of culture can be associated with the symbolism of places and reflect two sides of the existence of culture itself: static and dynamic. These sides are mutually reversible: in the process of the development of culture and language, new references arise, while “old” references are stored in memory, forgotten and resurface, revised and processed. The interchange and reinterpretation of old and new reference points, places of memory and places of transition are a sign and condition for the development of society, culture and discourses about society and culture at different stages of history.

Key words: symbolization of culture; cultural memory; cultural reference; places of memory; places of knowledge; not places; places of transition; French-language scientific discourse.

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Zagryazkina T.Yu. (2023) Dynamics of cultural symbolization: from places of memory to places of transition (on the example of France and Quebec). *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 37–48. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana Yu. Zagryazkina — PhD in Philology, Professor, Head of the Department of French Language and Culture at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University; tatiana_zagr@mail.ru

REFERENCES

1. Avtomonova N.S., Karaulov Yu.N., Murav'ev Yu.A. 1988. Kul'tura, istoriya, pamyat': o nekotorykh tendentsiyakh noveishei frantsuzskoi istoriko-metodologicheskoi mysli [Culture, history, memory: about some trends in the latest French historical and methodological thought]. *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 71–87. (In Russ.)
2. Baranova V.V. 2010. *Yazyk i etnicheskaya identichnost': urumy i rumei priazov'ya* [Language and ethnic identity: Urumahs and Rumees of Azov]. Moscow. (In Russ.)
3. Bart F. 2006. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii* [Ethnic groups and social boundaries: The social organization of cultural differences]. Moscow. (In Russ.)
4. Bachelard G. 2004. *Poetika prostranstva* [Poetics of space]. Moscow. (In Russ.)
5. Bahtin M.M. 1975. *Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics].

- Voprosy literatury i estetiki. Moscow, Hudozhestvennaya literatura*, pp. 234–407. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronmain.html (accessed: 01.10.22). (In Russ.)
6. Zagryazkina T.Yu. 2014. Referentnye tochki yazyka i kul'tury: statika i dinamika (na primere Kvebeka) [Reference points of language and culture: statics and dynamics (on the example of Quebec)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 61–71. (In Russ.)
 7. Karaulov Yu.N. 1999. Vekhi natsional'no-kul'turnoi pamyati v yazykovom soznanii russkikh v kontse XX veka [Milestones of national-cultural memory in the linguistic consciousness of Russians at the end of the 20th century]. *Aktual'nye problemy sovremennoi leksikografii. Materialy nauchno-metodicheskoi konferentsii, sostoyavsheysya na fakul'tete inostrannykh yazykov MGU, 22 maya 1997* [Actual problems of modern lexicography. Materials of the scientific and methodological conference held at the Faculty of Foreign Languages of Moscow State University, 22.05.1997]. Moscow, pp. 26–37. (In Russ.)
 8. Kryukova O.A. 2017. Akademicheskii landshaft Mezhdunarodnoi organizatsii frankofonii [Academic landscape of the International Organization of the Francophonie]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 119–127. (In Russ.)
 9. Nikiforova N.V. 2021. «Mesta znaniya»: prostranstvennyj povorot v istorii nauki, tekhnologii i obshchestva [«Places of knowledge»: spatial turn in the history of science, technology and society]. *Sociology of Science and Technology*, vol. 12, no. 3, pp. 78–93. (In Russ.)
 10. Plassero I. 2019. *Identichnost' narodov Evropy* [Identity of the peoples of Europe]. Moscow, Saint Petersburg. (In Russ.)
 11. Ricœur P. 2004. *Pamyat' istoriya, zabvenie* [Memory history, oblivion]. Moscow. (In Russ.)
 12. Foucault, M. 2006. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yū* [Intellectuals and Power: Selected political articles, speeches and interviews]. Part 3. Moscow. (In Russ.)
 13. Augé M. 1992. *Non-lieux ; Introduction à une antropologie de la surmodernité*. Paris, Seuil.
 14. Cajolet-Laganière H., Martel P. 2008. *Un dictionnaire qui reflète notre identité culturelle*. In De M. Plourde et de P. Georgeault (dir.) *Le français au Québec: 400 ans d'histoire et de vie*. Québec, Fides.
 15. Dumont F. 1968. *Le lieu de l'homme*. Montréal.
 16. Halbwachs M. 1950. *La mémoire collective*. Paris.
 17. *Les lieux de mémoire*. 1984-1992. In P. Nora (Ed.). En 3 vol., 7 livres. Paris, Gallimard.
 18. *Les lieux de savoir*. 2007. In Ch. Jacob (Ed.). En 2 vol. Paris, Albin Michel.
 19. Létourneau J. 2010. *Le Québec entre son passé et ses passages*. Québec, Fides.
 20. Villers M.-E. 2008. *Le vif désir de durer*. In De M. Plourde et de P. Georgeault (dir.) *Le français au Québec : 400 ans d'histoire et de vie*. Québec, Fides, pp. 584–585.

Статья поступила в редакцию 11.09.2022;
одобрена после рецензирования 11.10.2022;
принята к публикации 12.10.2022

The article was submitted 11.09.2022;
approved after reviewing 11.10.2022;
accepted for publication 12.10.2022

О.А. Крюкова

ЛИТЕРАТУРНАЯ ФРАНКОФОНΙΑ И ФЕНОМЕН ПОГРАНИЧЬЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; orakukova@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем осмысления франкофонии — рассмотрению этого феномена как особого литературного пространства, где сосуществуют нескольких письменных литератур на разных языках, один из которых — французский. Франкоязычные литературы за пределами Франции возникли как самостоятельное явление в середине XX в. (за исключением провинции Квебек и исторических франкофонных ареалов — Швейцарии, Бельгии), и изучение этих литератур имеет свою историю. Цель исследования — рассмотреть некоторые подходы в трактовке проблематики франкоязычных литератур, формирующихся на стыке культур. Дается краткий обзор используемых концепций и теорий в контексте литературной франкофонии: традиционная дихотомия «центр–периферия», концепция культурной метисации, постколониальный дискурс и теория креолизации. В статье описываются такие маркеры пограничья, как изображение франкоязычными авторами метисной идентичности, поэтика постмодернизма, гибридность языкового кода. Делается вывод о неразрывной связи франкоязычных литератур, существующих на границе двух мировосприятий — «своего» и «чужого», одновременно с локальным и мировым литературным наследием, а также о взаимосвязи постмодернистской концепции и постколониальными исследованиями.

Ключевые слова: литературная франкофония; франкоязычные литературы; пограничье; франкофонные исследования; культурная метисация; постколониальный дискурс; гибридность; гетероглоссия.

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-4

Для цитирования: Крюкова О.А. Литературная франкофония и феномен пограничья: эволюция точек зрения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 49–58.

Феномен границы является предметом изучения различных дисциплин: географии, философии, культурологии, антропологии, лингвистики, межкультурной коммуникации и др. Многочисленные характеристики границы свидетельствуют о ее значимости вне за-

Крюкова Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; orakukova@gmail.com

висимости от характера границы или степени ее проявления. О существенной роли границы пишет Т.Ю. Загрязкина, подчеркивая двусторонний характер понятия: «разделительная роль границы одновременно является объединительной» [Загрязкина, 2022: 63]. Пограничье как литературный феномен было в центре многих исследований, например работ по культуре *чикано*, культурным практикам мексикано-американцев в межнациональном и межцивилизационном контекстах. В отечественной американистике проблемам пограничных зон этнических литератур, мультикультурализма в культуре и литературе США и стран Латинской Америки посвящены работы А.В. Ващенко, Т.В. Воронченко, А.А. Гонгадзе, Н.Н. Сокольских, Я.В. Сорокиной, М.В. Тлостановой и др.

Вопросы пограничья занимают важное место в исследованиях, посвященных франкофонии, особой языковой, культурной и геополитической общности (А.М. Бородина, Т.Ю. Загрязкина, Е.А. Неvejeва, Г.В. Степанов, А. Дорион и др.¹). Одной из актуальных проблем осмысления этого феномена являются исследования франкофонии как литературного пространства, где сосуществуют несколько письменных литератур на разных языках, один из которых — французский.

Впервые термин “*francophonie littéraire*” (литературная франкофония) появился в работе Жерара Туга² в 1973 г., а затем в исследовании Мишеля Беньямино «Литературная франкофония»³, посвященном различным аспектам этого концепта: социально-символическим, историко-политическим, научным. Однако по-прежнему вопросы

¹ См.: *Бородина М.А.* Взаимодействие лингвистических ареалов. Теория, методика и источники исследования. Л., 1980; *Загрязкина Т.Ю.* Факторы «гибридность» и «граница» в контексте языкового образования и функционального полилингвизма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 61–76; *Загрязкина Т.Ю.* Феномен *hybridité* / гибридность в гуманитарном дискурсе, межкультурной коммуникации и культурном трансфере // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 17–34; *Неvejeва Е.А.* Франко-германское пограничье в Швейцарии: аксиологический аспект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 108–119; *Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976; *Шухардт Г.* К вопросу о языковом смещении // Избранные статьи по языкознанию. М., 1950. С. 141–173; *Dorion H.* Éloge de la frontière (Les grandes conférences). Montréal, 2006; *Queffélec A.* Variétés et variations: du français monocentré à la francophonie pluricentrique // Le français: des mots de chacun, une langue pour tous. Des français parlés à la langue des poètes / Argod-Dutard F. Rennes, 2007; *Tuallion G.* Régionalismes de France // Revue de linguistique romane. 1978. Vol. 42. P. 165–166.

² *Tougas G.* Les écrivains d'expression française et la France. P., 1973.

³ *Beniamino M.* La francophonie littéraire: essai pour une théorie. UPRESA 6058 du CNRS/Université de la Réunion, L'Harmattan, 1999.

терминологии, статуса и критериев для определения франкоязычных литератур остаются дискуссионными.

Изучение франкоязычной литературы имеет свою историю, хотя как самостоятельная дисциплина оформилось сравнительно недавно. Так, первые исследования африканской франкоязычной литературы относятся к 1950-м годам, изучение литературы Антильских островов началось с 1913 г.⁴ Однако еще в 1853 г. Пьер-Андре Сейус опубликовал «Историю французской литературы за рубежом с начала XVII века»⁵. Одним из первых комплексных исследований истории франкоязычных литератур является работа Огюста Виаatte⁶, опубликованная в 1980 г., за которой последовали и другие⁷. Значимым этапом в развитии «франкофонных исследований» исследователи называют повсеместное появление центров изучения франкоязычных литератур в университетах⁸, многочисленные конференции по франкоязычной литературе и т.д. [Боруруева, 2015: 4] В связи с этим обращает на себя внимание и избрание в члены Французской Академии не только французских писателей — выходцев из разных стран, но и франкоязычных представителей других стран.⁹ Ключе-

⁴ *Vocabulaire des études francophones: les concepts de base* / Sous la dir. de M. Beniamino et L. Gauvin. Limoges, 2005. P. 84.

⁵ *Sayous P.-A. Histoire de la Littérature Française à l'étranger depuis le commencement du XVIIe siècle.* P., 1853.

⁶ *Viatte A. Histoire comparée des littératures francophones.* P., 1980.

⁷ *Corzani J., Hoffmann L.-F., Piccione M.-L. Littératures francophones II: Les Amériques: Haïti, Antilles-Guyane, Québec.* P., 1998; *Joubert J.-L. Littérature francophone.* Paris, 1992; *Hausser M., Mathieu M. Littératures francophones III: Afrique noire, océan Indien.* P., 1998; *Littérature francophone 1: Le roman* / Sous la dir. de Charles Bonn et Xavier Garnier. P., 1997; *Littérature francophone 2: Récits courts, poésie, théâtre* / Sous la dir. de Xavier Garnier. P., 1999; *Littérature maghrébine et littérature mondiale* / Sous la dir. de Chales Bonn et Arnold Rothe. Wiirzburg, 1995; *Magnier B. L'Afrique noire en poésie.* P., 1986; *Magnier B. Poésie d'Afrique au sud du Sahara.* Unesco / Actes Sud, 1995; *Magnier B. Renaissances africaines* Bruxelles, 2010; *Magnier B. Panorama des littératures francophones d'Afrique,* 2012; *Noiray J. Littératures francophones I: Le Maghreb.* P., 1996; *Rebouillet A. et Tétu M. Guide culturel. Civilisations et littératures d'expression française.* Québec Hachette, PU Laval, 1977; *Riesz J., Ricard A. Le champ littéraire togolais.* Bayreuth, 1991; и др.

⁸ Paris IV (Centre International d'Etudes Francophones), Paris XIII (Centre d'études littéraires francophones et comparées), Rennes II (Centre d'études des littératures et civilisations francophones), Laboratoire de recherche sur les cultures et les littératures francophones du Canada (CLFC).

⁹ Франсуа Чен (*François Cheng* 程抱), франкоязычный поэт китайского происхождения, первый академик — выходец из Азии, избран в 2002 г.; Ассия Джеббар (*Assia Djebar*) — алжирская писательница и кинорежиссер, избрана в 2005 г.; Амин Маалуф (*Amin Maalouf*), франкоязычный писатель ливанского происхождения, избран 2011 г.; Дани Лаферрьер (*Dany Laferrière*), первый представитель Канады и Гаити, избран в 2013 г.; Майкл Эдвардс (*Michael Edwards*), французский и английский поэт и критик, избран в 2013 г.; Андрей Макин, франкоязычный писатель русского происхождения, избран в 2016 г.

вым моментом для теоретического осмысления франкоязычных литератур стало появление трудов Доминика Комба «Франкоязычная поэтика» (1995), Мишеля Беньямино «Литературная франкофония» (1999) и Жан-Марка Мура «Франкоязычные литературы и постколониальная теория» (1999)¹⁰.

В гуманитарных исследованиях, в том числе касающихся художественного дискурса, активно используется концепция метисации (фр. *métissage*) для описания феноменов, формирующихся на стыке культур. Такие исследователи, как Р. Берруэ-Ориоль и Р. Фурнье, Н.Д. Ляховская¹¹, оперируют термином «метисное письмо» (*écriture métisse*) для определения текста на французском языке, изобилующего заимствованиями из родных языков писателей, текста, в котором отражается синтез культур и ментальностей. Тем не менее, по мнению Н.С. Найденовой, концепция культурной метисации постепенно вытесняется теорией креолизации¹² как процесса столкновения гетерогенных элементов, производящего новые непредсказуемые реалии [Найденова, 2014: 11]. Все более актуальными становятся вопросы сопоставительного изучения постколониального художественного дискурса¹³. Современные исследователи¹⁴ постколониального дискурса отказываются от традиционной дихотомии «центр — периферия», хотя, как подчеркивает Т.Ю. Загряжкина, это обозначение условно, и полюса дихотомии находятся в динамических отношениях [Загряжкина, 2018: 49]. Концепция изучения «малых / миноритарных» культур подразумевает их изучение не только и не столько в ракурсе продуктивного взаимодействия с «доминантной» культурой во всевозможных формах и видах, но и понимание связей, возникающих непосредственно между «малыми» культурами в обход центра [Найденова, 2014: 11].

¹⁰ *Combe D. Poétiques francophones. P., 1995; Beniamino M. La francophonie littéraire: essai pour une théorie. P., 1999; Moura J.-M. Littératures francophones et théorie postcoloniale. P., 2007.*

¹¹ *Berrouët-Oriol R., Fournier R. L'Émergence des écritures migrantes et métisses au Québec. Quebec: Studies, 1992. P. 9–35; Ляховская Н.Д. Леопольд Седар Сенгор. М., 1995; Ляховская Н.Д. Развитие реалистического метода во франкоязычной прозе Тропической Африки // Творческие методы и направления в литературах Африки. М. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 90–137; Ляховская Н.Д. Юмор и сатира во франкоязычных литературах Тропической Африки. М., 2011.*

¹² *Lionnet F., Shih Sh. The Creolization of Theory. Durham, 2011.*

¹³ *Moura J.-M. Littératures francophones et théorie postcoloniale. P., 2007; Bery A., Murray P. Comparing Postcolonial Literatures: Dislocations. Houndsmills; N.Y., 2000; Murphy D. How French Studies Became Transnational; Or Postcolonialism as Comparatism // A Companion to Comparative Literature; A. Behdad, D. Thomas (eds.). Maiden, Oxford & Chichester, 2011.*

¹⁴ *Mourra J.-M. Littératures francophones et théorie postcoloniale. P., 1999; Mourralis B. Des comtoirs aux empires \ Littératures postcoloniales et francophonie, textes réunis par Bessièrre J. et Mourra J.-M. P., 2001.*

Сам факт существования подобной литературы С.В. Прожогина определяет как явление «порубежное, пограничное» в самых разных аспектах: историко-политическом, социокультурном, социопсихологическом. По словам исследователя, в литературе, созданной на французском языке, сами писатели и их герои «были и остаются образцами “пограничья”, где осуществлялась и осуществляется некая диффузия, некое культурное и даже социальное взаимопроникновение различных этноконфессиональных общин, *communautés*, казалось бы, разделенных (и в колониальную эпоху, и в постколониальное время) барьером непроницаемости» [Прожогина, 2008]. О пограничном положении франкоязычных писателей, существующих на границе двух мировосприятий — «своего» и «чужого», пишет Н.В. Боруруева, отмечая, что «свое» и «чужое», хоть и находятся в ситуации конфликта, неразрывно связаны в непрерывном диалектическом единстве, что позволяет говорить о гибридной, метисной идентичности франкоязычных писателей, их героев и произведений [Боруруева, 2012]. В качестве иллюстрации приведем цитаты из автобиографического романа «Тебя зовут Аиша» бельгийской писательницы марокканского происхождения Мины Уальдхадж: «С тех пор как отец ушел на пенсию, родители живут в Бельгии, стране моего рождения, а Марокко — это страна моего происхождения» (“Depuis que mon père a pris sa retraite, mes parents vivent en Belgique, mon pays de naissance, et le Maroc, mon pays d’origine”). В другом эпизоде романа героиня вспоминает: «В возрасте семи лет я сделала еще одно неутешительное открытие: Святой Николай и Пэр Ноэль¹⁵ не были мусульманами» [Oualdihadj, 2008: 14, 53]. Примером сосуществования и взаимопроникновения восточной и западной культур может быть и роман магрибинского писателя Салима Баши (Salim Bachi) «Страсти и приключения Синдбада-Морехода» (2010). Его тексты-источники включают сказки «Тысячи и одной ночи», христианско-мусульманскую легенду о спящих отроках эфесских, «Одиссею» и другие литературные мифы, принадлежащие разным культурным традициям.

Авторы используют различные стратегии ассимиляции и дифференциации, чтобы быть услышанными, с одной стороны, и сохранить свою специфику — с другой. Рассмотрим некоторые общие черты, характерные, по мнению исследователей, для художественных текстов различных ареалов. Главная тема произведений франкоязычных авторов — тема культурной идентичности. С этим связаны многочисленные элементы документального автобиогра-

¹⁵ Фольклорный персонаж рождественских праздников во Франции и некоторых франкоязычных странах.

фического повествования, сливающегося с художественным вымыслом. Важное место занимают исторические романы, например, произведения африканских авторов и писателей Антильских островов: Томаса Мофоло (Thomas Mofolo), Леопольда Седара Сенгора (Léopold Sédar Senghor), Камара Лэйе (Camara Laye), Шинуа Ашебе (Chinua Achebe), Эдуарда Глиссана (Glissant), Тьерно Моненембо (Tierno Monénembo), Марис Конде (Maryse Condé) и многих других.

Другой особенностью называют сквозные мотивы франкоязычных литератур, а именно — мотив потери памяти, скитания и скорби. Так, у франко-алжирской писательницы Малики Мокеддем (Malika Mokkeddem) постепенное восстановление памяти героини романа «Н'зид» (2001) после травматического события описано как символический возврат к собственным корням, переход в область сознания ранее отвергавшихся составляющих идентичности. Для главного героя в романе Патрика Шамуазо (Patrick Chamoiseau) «Вопрос отсутствия» (2016) болезнь и смерть матери становятся не только личным потрясением, но и метафорой потери родины, забвения и «культурной эрозии», вызванных разрушительными последствиями колонизации. Тема путешествия также является одной из ключевых для франкоязычных литератур и литературы «мигритуда». Ярким примером этого мотива могут служить такие произведения Салима Баши, как «Страсти и приключения Синдбада-Морехода» (2010), книга эссе «Автопортрет с Гранадой: Фантазии путешественника» (2005).

Кроме того, литературы различных франкофонных ареалов, а именно произведения последней трети XX в., рассматриваются исследователями как явление эпохи постмодерна в свете стирания оппозиции центр — периферия, креолизации языка и трансформации процессов культурной идентификации. Как отмечает Н.В. Боруруева, собственные нарративные формы позволяют франкоязычным литературам выходить «из подчинения «центра» (территориально находящегося в Париже), классических французских повествовательных моделей и академического французского языка» [там же]. Свойственный постмодернизму принцип гетерогенности произведения, по мнению Марка Гонтара, особенно проявляется в современном франкоязычном романе, периферическом и децентрированном, который, в силу своей гетероглоссии и гибридного характера культуры, вписывается в постмодернистскую концепцию, активными сторонниками которой, в частности, являются канадцы (Ж.М. Паттерсон, И. Буавер, П. Непве)¹⁶. Исследователь подчеркивает, что

¹⁶ Paterson J. M. Moments postmodernes dans le roman québécois. Presses de l'université d'Ottawa, 1993; Boivert Y. Le Postmodernisme. Montréal, 1995; Nepveu P. L'Écologie du réel. Montréal, 1988.

«эволюция вынужденного постколониального билингвизма к билингвизму, добровольно и сознательно выбранному, позволила писателю открыть в себе некую форму инаковости, которая привела его к постмодернистской проблематике прерывистого существа. С этой поры франкоязычный текст становится все более и более гетеролингвистическим и мультикультуралистским, статус самоопределения которого движется от идентичности-корня к идентичности-ризоме». Характерную для постмодернизма композитную и децентрированную концепцию существа и культуры иллюстрируют в литературе Антильских островов произведения Глиссана и писателей-креолов, в Магрибе — «метисное» письмо Тахара Бен Джеллуна («Дитя песка», «Священная ночь») или Абдельвахаба Меддеба («Талисман», «Фантазия») [Gontard, 2001].

В этой связи следует упомянуть и гибридность языкового кода. Лингвистические детерминанты этноспецифических художественных текстов создают предпосылки формирования палимпсеста, представляющего собой продукт метисного письма. Н.С. Найденова выделяет следующие стратегии, в которых находят отражение внутренние лингвистические детерминанты: стратегии фольклоризации, индигенизации и приемы дигестирования художественного текста. В стратегии фольклоризации проявляется одна из параллелей многих франкоязычных литератур, в первую очередь — африканских и азиатских. Значимость устного народного творчества служит для создания образцов «псевдоустной традиции». К произведениям, иллюстрирующим эту стратегию, можно отнести роман Малики Мокеддем «Век саранчи» (1992), наполненный элементами сказки и легенды; книги писательницы вьетнамского происхождения Мин Тран Уи (Minh Tran Huy): ее сборник вьетнамских легенд и роман «Принцесса и рыбак» (2007), где повествование автора перемежается с отрывками из вьетнамской литературы.

Стратегия индигенизации текста неразрывно связана с двойственным процессом, в который вовлечены франкоязычные писатели: с одной стороны, деконструкция доминантных моделей, с другой — легитимация отражения собственных культурных ценностей в языке другого. Двумя основными приемами стратегии индигенизации являются пиджинизация и релексификация. Речь идет, в частности, об использовании широкого пласта лексики, обозначающего местные реалии, топонимы, всевозможных девиаций от референтного французского языка на всех языковых уровнях и т.д. Так, в романе камерунца Гастона-Поля Эффа (Gaston-Paul Effa) один из героев с удивлением анализирует дополнительные значения слов, появившихся под влиянием местных языков (“...il avait pieusement restitué le mélange singulier du français et des langues vernaculaires,

s'étonnant que l'on dise "misérer" (pour vivre misérablement), "fréquenter" (pour aller à l'école), "cadeauter" (pour offrir un cadeau), "préparer" (pour faire la cuisine) [Effa, 1996]. Прием пиджинизации может быть представлен целой палитрой фонетических особенностей, например, как в названии романа "Ti t'appelles Aïcha, pas Jouzifine!" вместо *tu t'appelles Aïcha, pas Joséphine* (тебя зовут Аиша, а не Жозефина). Наконец, сущность дигестирования художественного текста выражает приемы внутритекстового комментария и контекстуализации [Найденова, 2014].

В заключение отметим, что франкоязычные литературы объединяют огромное количество произведений, рождающихся на границе двух языков и двух культур, и сегодня, как никогда ранее, они характеризуются многоголосьем и полифоничностью. Обращаясь к актуальным событиям действительности и универсалиям мирового литературного наследия, вписываясь в постмодернистскую концепцию западного мира, франкоязычные авторы пограничья сохраняют свою инаковость: смена культурного кода, связанная с использованием языка «другого», способствует созданию особой культурной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боруруева Н.В.* Поиск культурной идентичности в творчестве франкоязычных писателей магрибинского происхождения: Салим Баши, Малика Мокеддем: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015.
2. *Боруруева Н.В.* Проблемы изучения франкофонной литературы (на примере франкоязычной литературы стран Магриба) // Ярославский педагогический вестник. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-izucheniya-frankofonnoy-literatury-na-primere-frankoyazychnoy-literatury-stran-magriba> (дата обращения: 19.09.2022).
3. *Загряжкина Т.Ю.* Факторы «гибридность» и «граница» в контексте языкового образования и функционального полилингвизма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 61–76.
4. *Загряжкина Т.Ю.* Центр и периферия франкофонии: франкоязычная Африка и роль чувства в защите языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 48–59.
5. *Найденова Н.С.* Лингвистические детерминанты постколониального художественного дискурса Тропической Африки (на материале французского и испанского языков Новой Романии): Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2014.
6. *Прохогина С.В.* Вошедшие в храм Свободы (литературные свидетельства франко-арабов). М., 2008. URL: http://www.independent-academy.net/science/library/prozhogina_xram/2_4.html (дата обращения: 19.09.2022).
7. *Berrouët-Oriol R., Fournier R.* *L'Émergence des écritures migrantes et métisses au Québec.* Quebec, 1992.
8. *Effa G.-P.* *Tout ce bleu.* P., 1996.
9. *Gontard M.* Le postmodernisme en France: définition, critères, périodisation // *Le temps des lettres. Quelles périodisations pour l'histoire de la littérature française du*

20eme siècle? / Sous la dir. De M. Touret et F. Dugast-Portes. Rennes, 2001. P. 283–294.

10. Moura J.-M. Littératures francophones et théorie postcoloniale. P., 2007.
11. Oualldhadj M. Ti t'appelles Aïcha, pas Jouzifine! Nivelles, Clepsydre, 2008.
12. Riffard C. Francophonie littéraire: quelques réflexions autour des discours critiques. Lianes, 2006. P. 1–10. URL: https://www.researchgate.net/publication/278622340_Francophonie_litteraire_quelques_reflexions_autour_des_discours_critiques (дата обращения: 19.09.2022).

Olga A. Kryukova

LITERARY FRANCOPHONIA AND THE BORDER PHENOMENON: EVOLUTION OF VIEWPOINTS

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; opakukova@gmail.com

Abstract. The article is devoted to one of the relevant problems of understanding francophonie — the consideration of this phenomenon as a special literary field, where several texts in different languages (one of which is French) coexist. Francophone literature outside of France emerged as an independent phenomenon in the middle of the 20th century (with the exception of the province of Quebec and the historical francophone areas, such as — Switzerland, Belgium) and the study of these literatures has its own history. The purpose of the study is to consider **several** approaches to interpreting the problems of French-language literatures that are formed at the intersection of cultures. The article gives a brief overview of the concepts and theories used in the context of literary francophonie: the traditional “center-periphery” dichotomy, the concept of cultural miscegenation, post-colonial discourse and the theory of creolization. The research describes such markers of the borderland as the representation of a mestizo identity by French-speaking authors, the poetics of postmodernism, and the hybridity of the language code. The conclusion is made about the inextricable connection of French-language literary texts that exist on the border of two worldviews — “one’s own” and “alien”, simultaneously with the local and world literary heritage, as well as the relationship between the postmodern concept and postcolonial studies.

Key words: literary francophonie; francophone literature; borderlands; francophone studies; cultural miscegenation; postcolonial discourse; hybridity; heteroglossia.

For citation: Kryukova O.A. (2023) Literary francophonie and the border phenomenon: evolution of viewpoints. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 49–58. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Kryukova — PhD in Philology, Associate Professor at the Department of French language and culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; opakukova@gmail.com

REFERENCES

1. Borurueva N.V. 2015. *Poisk kul'turnoy identichnosti v tvorchestve frankoyazychnykh pisateley magribinskogo proiskhozhdeniya: Salim Bashi, Malika Mokeddem* [The search for cultural identity in the work of French-speaking writers of Maghreb origin: Salim Bashi, Malika Mokeddem]. Avtoref. diss. ...kand, filol.nauk, MGU imeni M.V. Lomonosova, Moscow (In Russ.)
2. Borurueva N.V. 2012. Problemy izucheniya frankofonnoy literatury (na primere frankoyazychnoy literatury stran Magriba) [Problems of studying francophone literature (on the example of francophone literature of the Maghreb countries)]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-izucheniya-frankofonnoy-literatury-na-primere-frankoyazychnoy-literatury-stran-magriba> (accessed: 19.09.2022). (In Russ.)
3. Zagryazkina T.Yu. 2022. Faktory "gibridnost'" i "granitsa" v kontekste yazykovogo obrazovaniya i funktsional'nogo polilingvizma [Factors of hybridity and border in the context of language education and functional multilingualism]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 61–76. (In Russ.)
4. Zagryazkina T.Yu. 2018. Tsentr i periferiya frankofonii: frankoyazychnaya Afrika i rol' chuvstva v zashchite yazyka [Center and periphery of Francophonie: Francophone Africa and the role of feeling in the defense of the language]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 48–59. (In Russ.)
5. Naydenova N.S. 2014. *Lingvisticheskiye determinanty postkolonial'nogo khudozhestvennogo diskursa Tropichestkoy Afriki (na materiale frantsuzskogo i ispanskogo yazykov Novoy Romanii)* [Linguistic determinants of the post-colonial artistic discourse of Tropical Africa (based on the French and Spanish of New Romania)]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Moscow (In Russ.)
6. Prozhogina S.V. 2008. *Voshedshiye v khram Svobody (literaturnyye svidetel'stva franko-arabov)* [Entering the Temple of Liberty (literary evidence of the Franco-Arabs)]. Moscow URL: http://www.independent-academy.net/science/library/prozhogina_xram/2_4.html (accessed: 19.09.2022). (In Russ.)
7. Berrouët-Oriol R., Fournier R. 1992. *L'Émergence des écritures migrantes et métisses au Québec*. Quebec. (In French)
8. Effa G.-P. 1996. *Tout ce bleu*. Paris, Grasse. (In French)
9. Gontard M. 2001. *Le postmodernisme en France: définition, critères, périodisation*. In De M. Touret et F. Dugast-Portes (dir.) *Le temps des lettres. Quelles périodisations pour l'histoire de la littérature française du 20ème siècle ?* Rennes, pp. 283-294. (In French)
10. Moura J.-M. 2007. *Littératures francophones et théorie postcoloniale*. Paris. (In French)
11. Ouadhlhadj M. 2008. *Ti t'appelles Aïcha, pas Jouzifine !* Nivelles, Clepsydre. (In French)
12. Riffard C. 2006. *Francophonie littéraire: quelques réflexions autour des discours critiques*. Lianes, pp. 1-10. URL: https://www.researchgate.net/publication/278622340_Francophonie_litteraire_quelques_reflexions_autour_des_discours_critiques (accessed: 19.09.2022). (In French)

Статья поступила в редакцию 03.09.2022;
одобрена после рецензирования 03.10.2022;
принята к публикации 12.10.2022.

The article was submitted 03.09.2022;
approved after reviewing 03.10.2022;
accepted for publication 12.10.2022

А.П. Миньяр-Белоручева, П.И. Сергиенко

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ PR-КОММУНИКАЦИИ В ЭПОХУ НОВОЙ ЭТИКИ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; ostvera@mail.ru; poserg@bk.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются лингвокультурные ценности новой эпохи «культуры отмены» (cancel culture) западного общества в рамках PR-коммуникации. Актуальность исследования заключается в необходимости проследить логическое развитие политкорректности, социокультурной политики постмодернизма, направленной на изменения языка, а следовательно, мышления и образа жизни человечества. Культура отмены является политикой запугивания всех, кто не согласен с пересмотром традиционных и введением новых универсальных ценностей коллективного Запада, направленных на расчеловечивание людей. Цель данной работы состоит в выявлении особенностей технологий PR-коммуникации, направленных на формирование новых идей в обществе, посредством анализа лингвистических средств выражения морально-нравственных установок поликультурного социума. Новизна исследования определяется попыткой охарактеризовать особенности формирования новых ценностей англосаксонского менталитета, оказывающего влияние на весь мир. Методология исследования базируется на достижениях отечественных и зарубежных ученых, посвященных языку, культуре и духовно-нравственным ценностям. В рассмотренных работах прослеживается переход от философской концепции ценностей в рамках антропоцентрической парадигмы к области лингвистических исследований. В ходе данной работы использовались общенаучные методы наблюдения, синтеза и анализа, систематизации и классификации материала на искомую тему и его филологический анализ. В результате проведенного исследования было выявлено, что социально-культурные процессы, происходящие в западном мире, направлены на полную замену традиционных ценностей и воспитание человека, ориентирующегося на новые морально-нравственные установки Запада, которые полностью отвергают традиционные идеалы, уходящие корнями в мировые религии, и могут представлять угрозу остальному миру. Поиск новых ценностей непосредственно связан со сменой парадигм, которая наблюдается в настоящее время в современном социуме.

Ключевые слова: культура отмены; связи с общественностью; английский язык; смена парадигм; традиционные ценности.

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ostvera@mail.ru; *Сергиенко Полина Игоревна* — кандидат филологических наук, преподаватель, кафедра английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; poserg@bk.ru

Для цитирования: Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И. Лингвокультурные ценности PR-коммуникации в эпоху новой этики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 59–69.

К началу XXI в. морально-нравственные ценности прошли несколько этапов в своем формировании. Переломный момент и переход к новым морально-ценностным установкам произошел в 60-е годы XX в., когда постмодернизм и открытые общества допустили культурно-ценностный плюрализм, который привел к дальнейшему размыванию веками существовавших общечеловеческих ценностей. Исследователи, фиксируя появление новых культурных ценностей политкорректного общества и благородные цели подчеркнутой толерантности, выраженной в новых языковых единицах, нивелирующих основы национальной и гендерной идентичности, отмечают, что «политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинство индивидуума привычной языковой бестактностью и / или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [Тер-Минасова, 2000: 216]. «Cancel culture», или «культура отмены», рассматривается как новый этап ценностного плюрализма, связанный с языковым пуризмом нового времени. Придавая особое значение языку человека и его высказываниям, С.Г. Тер-Минасова заключает, что «язык — одна из самобытных семиологических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций» [Тер-Минасова, 2000], а также ценностей, морально-нравственных идеалов и норм поведения. Данный когнитивный процесс обеспечивает «новое структурное знание в существующей концептуальной системе человека» [Левицкий, 2019].

Негативное влияние новых социальных движений, которые посредством языка приводят к целенаправленным изменениям ценностных ориентиров западного общества и мирового сообщества, усиливается повсеместным распространением интернет-коммуникации и появлением социальных сетей. При этом особая роль отводится языку как наиболее эффективному инструменту выражения мысли и внедрения определенных идей в ментальное пространство пользователей. Как было установлено, «концептуальная система человека постоянно изменяется, модифицируется в процессе его

взаимодействия с окружающим миром, создавая так называемое радиальное концептуальное расширение» [Молчанова, 2011: 18]. Изменяясь, культурные ценности получают отражение в языке, отвечая на вызов и идеологическую потребность общества, что позволяет создать цепочку, указывающую на переход толерантности в политкорректность, которая перерастает на современном этапе в “cancel culture”, или культуру новой этики.

Следует подчеркнуть, что в разных культурах и в разные эпохи ценности понимались по-разному. Несмотря на то, что появление философской теории ценностей как отдельной категории, непосредственно связанной с оценкой, восходит ко второй половине XIX в., ее корни уходят в учения античных философов. Платон, размышляя обо «всем сущном» с позиции ценностей, выделил понятие «всеобщего блага», классифицировав его на пять идейно-моральных стадий. Наиболее широкое распространение получили нравственные и этические категории второго (прекрасное, совершенное), третьего (ум и разумение) и четвертого (знания, искусство, правильные мнения) уровней [Платон, 1971: 83, 85]. Развивая идею «высшего блага» как ориентир ценностей, Аристотель отмечал, что «из благ одни относятся к ценным, другие — к хвалимым вещам, третьи — к возможностям» [Аристотель, 1983: 299]. К ценным категориям Аристотель относил наличие ума, души, добродетели, красоты и чести, которые веками рассматривались как универсальные ценности.

Сменившая античные ценности, христианская идеология на протяжении последующих более двух тысяч лет проповедовала такие ценности как любовь, вера, надежда, совесть, которые в IV в. н.э. были проанализированы Августином Аврелием. Выявив субъективные, или индивидуальные ценности, теолог соотнес их с духовным развитием человека, подчеркнув уникальность идеального мира каждого индивидуума [Августин, 2002]. В эпоху Ренессанса наблюдается слияние материальных и духовных ценностей. Эпоха Просвещения знаменуется новым коренным поворотом в восприятии ценностей, которые выводят на первый план земные блага: прогресс, разум, науку, практическую пользу и свободу воли.

Новый виток в восприятии ценностей связан с И. Кантом, объединившим в единое целое ценности, культуру и мораль как высшую цель существования человека [Кант, 1963]. Для Ф. Гегеля абсолютной ценностью является культура, представляющая собой «имманентный момент абсолютного» и обладающая «своей бесконечной ценностью» [Гегель, 2014]. М. Вебер выделял универсальные ценности, единые для конкретного государства, которые способствуют его национальному величию [Вебер, 1990]. Универсальные, или общечеловеческие ценности, существующие сквозь время [Шелер,

1994], разделяет большинство человечества, поскольку они совпадают в мировых религиях, получая отражение в современных документах и уставах по правам человека. Высшие ценности при этом находятся вне временных параметров и «обоснованы духовной деятельностью человека» [Виндельбанд, 1993].

Выделяя различные характеристики ценностей, исследователи уделяют особое внимание месту языка и культуры, в рамках которой существуют определенные морально-этические установки и правила поведения. Для современных дискурсивных исследований особенно актуальным является аксиологический подход, основывающийся на лингвокультурных ценностях, отражающих морально-нравственные установки современного времени, воплощенные в PR коммуникации [Сергиенко, 2020; Minyar-Beloroucheva, Sergienko, 2021].

“Cancel culture” — культура отмены — является новой ценностно-ориентированной парадигмой XXI в., четко обозначившей границу между традиционными ценностями, существующими в течение более двух с половиной тысяч лет, и их новым пониманием современной западной культурой. Согласно словарю Merriam-Webster Dictionary, “cancel culture” определяется следующие образом: “the practice or tendency of engaging in mass canceling as a way of expressing disapproval and exerting social pressure” [Merriam-Webster Dictionary, 2022]. Следует отметить при этом, что некоторые считают ее довольно «токсичным явлением, вызывающим многочисленные проблемы» [Merriam-Webster Dictionary, 2022]. Отмечается, что практика исключения людей средствами массовой информации из общественной жизни происходит на социальных платформах сети Интернет в рамках PR-коммуникаций. Означенное движение не имеет равных по своему размаху и достигнутому лингвистическому успеху. Современный мир оказывается полностью растворен в англосаксонской языковой культуре, передающей посредством языка идеи и ключевые ценности, которые отличаются от универсальных традиционных ценностей, проверенных временем.

В основе “cancel culture” лежит культурно-поведенческая языковая тенденция, направленная на защиту или опровержение новых лингвокультурных ценностей западной цивилизации. Представляя симбиоз слова и действия, каждое перформативное высказывание, которое идет в разрез с культурой новой этики, приводит к ostracism человека или группы людей, лингвистическое поведение которых не соответствует текущей культуре. Новая более жестокая цензура наказывает всех, кто не разделяет официальную господствующую идеологию Запада, основанную на новых ценностях.

Считается, что словосочетание “cancel culture” впервые появилось в песне Нила Роджерса, написанной в 1981 г. о расставании — “Your Love is Cancelled” — «Твоя любовь отменена». Позднее оно было использовано в диалоге фильма 1991 г. “New Jack City” — «Нью-Джек Сити», а впоследствии артисты продолжали использовать эту фразу в музыке и видео на Интернет-хостинге YouTube и в социальных сетях. Данный термин оказывается также популярным среди движения, обозначенного хэштегом #MeToo, поскольку такие американские общественные деятели, продюсеры и актеры, как Харви Вайнштейн, Кевин Спейси, Луис К.К. и Р. Келли, были «отменены» из-за обвинений в недостойном поведении с позиции сторонников новой культурной этики. Означенное движение способствовало введению словосочетания “cancel culture” в социально-политический словарь, а глагол “to cancel” в новом актуализированном значении был в 2021 г. включен в словарь Merriam-Webster Dictionary, напоминая человечеству о новом витке остракизма, или пурификации общества, некогда популярной в Античности.

Древние греки применяли остракизм в качестве профилактической меры ко всем, кто выделялся из общества; среди них были такие выдающиеся государственные деятели как Аристид, Фемистокл, Кимон, Фукидид. Периклу, Никию, Алкивиаду ежегодно грозили остракизмом на остракофориях. Остракизм считался гуманным оружием демоса, и ни знатное происхождение, ни значительное состояние, ни влиятельные друзья, ни заслуги перед обществом не могли отвратить наказания, которое рассматривалось как способ стабилизации социально-политической обстановки внутри полиса [Hatzefeld, 1966]. При этом каждый изгнанный по истечении десятилетней ссылки имел право вернуться в свой полис и продолжить обычную жизнь. В настоящее время человека, ставшего жертвой «культуры отмены», изгоняют из общества без права возвращения, возможности занимать высокое положение, и, следовательно, получать и пользоваться профессиональным, финансовым и личным благом. В современном обществе культуры отмены любые медийные лица без предъявления убедительных доказательств подвергаются и могут подвергнуться остракизму за проступки, не имеющие срока давности. Обвинения в разного рода насилии, трансфобии, использовании цисгендерного языка, расизме и политических предпочтениях являются веским основанием для бойкотирования и освобождения от занимаемой должности и последующего изгнания из общества. В английском языке такие обвинения могут быть представлены следующими фразами: “due to allegations of sexual abuse; due to allegations of serious sexual violence; due to allegations by multiple women”, что приводит к тому, что человек без суда и следствия ста-

новился преступником — perpetrator. Человека могут обвинить в трансфобии — “to be labelled as transphobic”, как Джоан К. Роулинг, навесить ярлык насильника в семье — “wife beater”, как на Джонни Деппа, обвинить в пропаганде «токсичной» культуры на рабочем месте — to be accused of fostering a “toxic” workplace culture, как Такера Карлсона, Шона Хэннити и Лору Ингрэм — ведущих Fox News, которые в эфире программы новостей боролись с “cancel culture” [Mintz, 2021] за право придерживаться своих консервативных взглядов.

Апологеты «новой этики» ведут борьбу не только с реальными творческими и политическими персоналиями, но и не оставляют в покое исторических личностей. Имена таких выдающихся президентов США как Джордж Вашингтон, Авраам Линкольн, Томас Джефферсон, стоявших у истоков формирования государства, были стерты из названий сорока четырех государственных школ Сан-Франциско по решению школьного Совета города на том основании, что их носители были непосредственно «связаны с расизмом» и ассоциировались с «трудным, травматическим наследием» [Mintz, 2021].

Культура отмены — “cancel culture”, являясь одной из форм психологического воздействия, подтверждает когнитивную силу слова, которое приводит к пересмотру всего творчества и лишает материального состояния «обвиняемого». В культуре отмены немалую роль играет вышедшая из-под контроля ментальность толпы — а «mob mentality» that’s gone out of control. Еще в конце XIX в. Гюстав Лебон писал, что «простое утверждение, не подкрепляемое никакими рассуждениями и никакими доказательствами, служит одним из самых верных средств для того, чтобы заставить какую-нибудь идею проникнуть в душу толпы. Чем более кратко утверждение, чем более оно лишено какой бы то ни было доказательности, тем более оно оказывает влияние на толпу» [Лебон, 1995]. Г. Лебон выделил три причины, позволяющие толпе не нести ответственность за совершаемые действия. Первая из них заключается в анонимности, поскольку индивид в толпе приобретает, благодаря только численности, сознание непреодолимой силы, которое позволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он не дает волю, оставаясь наедине с собой. Вторую причину ученый причисляет к разряду гипнотических явлений — в толпе любое чувство и действие заразительно настолько, что индивид легко приносит в жертву свои личные интересы ради коллективной идеи. Третья причина, которая является самой главной, — это восприимчивость к внушению. Под влиянием внушения субъект в толпе будет совершать действия с неудержимой стремительностью и невероятной силой [Лебон, 1995],

так как влияние внушения, одинаковое для всех, увеличивается под влиянием толпы.

На современном этапе ментальность толпы представлена нелогическими языковыми единицами, отражающими нынешнее психологическое состояние и страхи общества, составляющими часть новой картины мира [Миньяр-Белоручева, 2020], изменяющей представления о «высшем благе», к которому относятся традиционные ценности семьи, чести, благородства, милосердия, достоинства, ума и справедливости. Такие лексические единицы, как *white supremacy*, *white supremacist*, *imperialism*, *wokeness*, *whatabolism*, *to otherise* и т.д. актуализируются в новом значении и служат ярлыками, являющимися причинами изгнания человека из профессиональной и общественной жизни, для которых представляется возможным выделить список лингвистических ярлыков — *a list of words for which people are cancelled: a work place toxic culture, a mooch, an emotional leech, do cringey things and make dumb mistakes.*

Анализ официальных пресс-релизов, посвященных судьбе известных личностей, подвергшихся остракизму, позволил составить типологию обвинений, согласно которой «преступниками» (*perpetrators*) называют людей, использующих расистские оскорбительные высказывания (*name calling*), такие как обозначение цвета кожи (*black / white*). При этом неуместными с точки зрения сторонников “cancel culture” для темнокожего населения считаются следующие слова и выражения: *negro, nigger, niggah, uncle Tom, black Buck, buckwheat; Chock-ice, darky, darkie, nigger toe*; для темнокожих женщин: *aunt Jemima, aunt Jane, aunt, Marry, aunt Jane, spool, teapot*; для белого населения неподобающими считаются следующие выражения: *crackers* (бедняки из числа белого населения в США), *honky, honkie, ofay, redlegs, white ears, white trash*; для исконного населения Америки: *redskins, wagon burner*. В современном медиа пространстве подобные лингвистические нарушения стали основой движения за права темнокожего населения в США под названием *#BLM* (*#BlackLifeMatters*). При этом за поддержку белого населения, использование выражения или хештэга в социальных сетях *#WhiteLifeMatters* виновник также подвергается осуждению и общественному гонению. К другому типу лингвистических преступлений относятся слова и выражения, указывающие на часто не обоснованные сексуальные домогательства, а также скандалы на поприще насилия, получившие огласку спустя десятилетия, известные как движение *#MeToo: sexual harassment, assault, abuses, rapes, wifebeating*. Еще к одной группе, подвергающейся общественному порицанию, относятся слова и выражения, указывающие на политические предпочтения одного из участников коммуникации: *to support the*

president, an anomaly in their liberal group, to crack a political joke. Также актуальным аспектом является использование цисгендерного языка, в том числе в условиях трансформаций социальных, демографических и общественно-политических аспектов жизни общества [Загрязкина, 2014]. Развитие гендерной проблематики на современном этапе происходит на фоне парадигмального сдвига, приводящего к увеличению числа социальных гендеров в западном обществе. Апологеты культуры новой этики, отказавшись от гендерной бинарности, признают существование большего количества гендеров, выделяемых на основе желания индивида или его определенных характеристик: to discuss pronoun use, to battle heteronormativity and cisgender language, to accidentally misgender someone.

В современном англоязычном обществе культура отмены, по сути, культура страха и «оруэлловская полиция мышления и языка» [Von et al., 2022] стали настолько широко распространенными, что любого члена социума могут исключить из общественной жизни коллектива или профессиональной среды, даже если он не допускает никаких опрометчивых лингвистических высказываний: If you are not canceled you are canceled. Особенно показательно данное движение западного общества, относящееся к отрицанию традиционных ценностей, проявляется в современную эпоху глобализации и поиска нового мироустройства и становления новой парадигмы.

Проведенное исследование отражает лингвистические изменения, происходящие в современном английском языке, связанные с заменой парадигмальных ориентиров развития западного мира. Для обеспечения безопасности традиционных ценностей и сохранения нематериального культурного наследия человечества необходимо изучать новые тенденции, бросающие вызов устоявшимся традиционным морально-нравственным установкам и образу жизни людей. Вместе с тиражированием англоязычных слов и выражений происходит навязывание англосаксонского менталитета, который пестует современные ценности в рамках новой этики культуры отмены, предпринимая попытки вернуть мир к дохристианским ценностям. С целью сохранения традиционных универсальных ценностей необходимо изучить угрозы общепланетарной идеологической экспансии и вызовы, которым они подвергаются, и выработать лингвистическую стратегию противостояния им.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Августин: pro et contra*. СПб., 2002.
2. *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1983.

3. Вебер М. Избранные произведения. 1990. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/m_komm/index.php (дата обращения: 22.07.2022).
4. Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия. М., 1993.
5. Гегель Ф. Лекции по философии духа. М., 2014.
6. Загряжская Т.Ю. Madame — monsieur — mademoiselle: гендер и пол сквозь призму языка и культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 9–37.
7. Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1963.
8. Лебон Г. Психология народов и масс. 1995. URL: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-1159.html?ysclid=15vkfn7sxs590856923> (дата обращения: 22.07.2022).
9. Левицкий А.Э. Текст и дискурс с позиции трансфера знаний: «им не жить друг без друга» // Германистика 2019: nova et nova. Материалы Второй Международной научно-практической конференции. 2019. С. 236–238.
10. Миньяр-Белоручева А.П. Роль национальной культурной картины мира в изучении иностранных языков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 182–191.
11. Молчанова Г.Г. Методы исследования в межкультурной коммуникации: символ как когнитивная память культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 7–24.
12. Платон. Соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1971.
13. Сергиенко П.И. Способы выражения аксиологических установок в англоязычных PR-текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 9. С. 227–232. DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.42
14. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
15. Шелер М. Избранные произведения. М., 1994.
16. Hatzefeld J. History of Ancient Greece. New York, 1966.
17. Merriam-Webster Dictionary, Release Date: 03.15.2022. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/cancel%20culture> (дата обращения: 21.07.2022)
18. Mintz S. Famous People Victims of the Cancel Culture // Ethics Sage. 05.13.2021. URL: <https://www.ethicsage.com/2021/05/famous-people-victims-of-the-cancel-culture-now-that-i-have-created-a-series-of-blogs-on-the-cancel-culture-and-its-effects.html> (дата обращения: 16.08.2022)
19. Minyar-Beloroucheva A., Sergienko P. Linguistic approach to axiological particularities of PR discourse study as an interdisciplinary field // AMAZONIA INVESTIGA. 2021. Vol. 10. No. 45. P. 242–251. DOI: 10.34069/AI/2021.45.09.24
20. Von H., Verlag H., Thiele M. Political correctness and Cancel Culture — a question of power! // Journalism Research. 2022. Vol. 2 (5). DOI: 10.1453/2569-152X-12021-11282-en (дата обращения: 16.08.2021)

Alla P. Minyar-Beloroucheva, Polina I. Sergienko

**LINGUISTIC AND CULTURAL VALUES
OF PR COMMUNICATION AT THE CANCEL
CULTURE TIME**

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
ostvera@mail.ru, poserg@bk.ru*

Abstract. The article discusses linguistic and cultural values at the time of “cancel culture” within PR communications framework. The relevance of the research is determined by the need to trace the logical development of Political Correctness, the socio-cultural policy of Postmodernism, aimed at the transformation of the language and likewise the mode of thinking and lifestyle. Cancel culture is a policy of intimidation of all those who disagree with the abolition of traditional and the introduction of new universal values of the collective West, aimed at people’s dehumanization. The objective of this work is to identify the features of PR communication technologies aimed at shaping new ideas in society. The novelty of the research is determined by an attempt to characterize new values formation features of the Anglo-Saxon mentality that affect the whole world. The research methodology is based on the academic achievements in studying language, culture and spiritual and moral values, analysed from the philosophical and linguistic views. The research methods consist in the analysis and synthesis of the material on the chosen topic and its philological analysis. The study reveals that the social and cultural processes taking place in the Western world are aimed at completely replacing traditional values rooted in world religions, which may pose a threat to the rest of the world. The search for new values that are currently observed in modern society is directly related to the shift of paradigms.

Key words: cancel culture; public relations (PR); the English language; paradigm shift; traditional values.

For citation: Minyar-Beloroucheva A.P., Sergienko P.I. (2023) Linguistic and cultural values of PR communication at the cancel culture time. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 59–69. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHORS

Alla P. Minyar-Beloroucheva — Dr. Habil. in Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; ostvera@mail.ru; *Polina I. Sergienko* — PhD in Philology, Lecturer, Department of the English Language for Humanities Faculties, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; poserg@bk.ru

REFERENCES

1. *Augustine of Hippo: pro et contra*. 2002. SPb., Izdatelstvo RHGI. (In Russ.)
2. Aristotel'. 1983. *Soch. v 4-x t. T. 4* [Essays in 4 vols. Vol. 4]. Moscow, Mysl. (In Russ.)
3. Weber M. 1990. *Izbranny'e proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Progress. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/m_komm/index.php (accessed: 22.07.2022). (In Russ.)
4. Windelband W. 1993. *Filosofiya v nemeczkoy duxovnoj zhizni XIX stoletiya* [Philosophy in the German spiritual life of the 19th century]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
5. Hegel F. 2014. *Lekcii po filosofii duxa* [Lectures on the philosophy of the spirit]. Moscow, Delo. RaNXIGS. (In Russ.)
6. Zagryazkina T.Yu. 2014. Madame — monsieur — mademoiselle: gender i pol skvoz' prizmu yazyka i kul'tury' [Madame-monsieur-mademoiselle: gender and through the prism of language and culture]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–37. (In Russ.)

7. Kant I. 1963. *Soch. v 6-i t. T.I* [Essays in 6 vols. Vol.1]. Moscow, Mysl. (In Russ.)
8. Lebon G. 1995. *Psixologiya narodov i mass* [The psychology of peoples and masses]. St. Petersburg: Maket. URL: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-1159.html?ysclid=15vkfn7sxs590856923> (accessed: 22.07.202). (In Russ.)
9. Leviczkiy A.E. 2019. Tekst i diskurs s pozicii transfera znanij: “im ne zhit drug bez druga” [Text and discourse from the perspective of knowledge transfer: “they cannot live without each other”]. *Germanistika 2019: nova et nova. Materialy Vtoroj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*, pp. 236–238. (In Russ.)
10. Minyar-Beloucheva A.P. 2020. Rol nacionalnoj kulturnoj kartiny mira v izuchenii inostrannyx yazykov [The role of the national cultural worldview in modern language learning]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 182–191. (In Russ.)
11. Molchanova G.G. 2011. Metody issledovaniya v mezhkulturnoj kommunikacii: simbol kak kognitivnaya pamyat' kul'tury' [Research methods in intercultural communication: a symbol as a cognitive memory of culture]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 7–24. (In Russ.)
12. Platon. 1971. *Soch. v 3 t. T.I* [Essays in 3 vols. Vol.1]. Moscow, Mysl. (In Russ.)
13. Sergienko P.I. 2020. Sposoby vyrazheniya aksiologicheskix ustanovok v angloyazychnyx PR-tekstax [Ways of Expressing Axiological Attitudes in the English-Language PR-Texts]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 13, no. 9, pp. 227–232. DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.42 (In Russ.)
14. Ter-Minasova S.G. 2000. *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikaciya* [Language and cross-cultural communication]. Moscow, Slovo. (In Russ.)
15. Scheler M. 1994. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Gnozis. (In Russ.)
16. Hatzefeld J. 1966. *History of Ancient Greece*. New York, Oliver & Boyd.
17. *Merriam-Webster Dictionary*, Release Date: 03.15.2022. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/cancel%20culture> (accessed: 21.07.2022)
18. Mintz S. 2021. Famous People Victims of the Cancel Culture. *Ethics Sage*. 05.13.2021. URL: <https://www.ethicsage.com/2021/05/famous-people-victims-of-the-cancel-culture-now-that-i-have-created-a-series-of-blogs-on-the-cancel-culture-and-its-effects.html> (accessed: 16.08.2022)
19. Minyar-Beloucheva A., Sergienko P. 2021. Linguistic approach to axiological particularities of PR discourse study as an interdisciplinary field. *AMAZONIA INVESTIGA*, vol. 10, no. 45, pp. 242–251. DOI: 10.34069/AI/2021.45.09.24
20. Von H., Verlag H., Thiele M. 2022. Political correctness and Cancel Culture — a question of power! *Journalism Research*, vol. 2 (5). DOI: 10.1453/2569-152X-12021-11282-en

Статья поступила в редакцию 30.08.2022;
одобрена после рецензирования 30.09.2022;
принята к публикации 12.10.2022

The article was submitted 30.08.2022;
approved after reviewing 30.09.2022;
accepted for publication 12.10.2022

А.Ю. Калинин

К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ТЕКСТА

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; a_kalinine@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена эпистемологическим проблемам изучения аудиовизуальных текстов. Аудиовизуальный текст рассматривается как разновидность семиотически гетерогенных сообщений, предназначенная для зрительно-слухового восприятия. При этом лингвистическому описанию подлежат аудиовизуальные тексты, содержащие вербальный компонент, который может быть представлен как в звучащей (аудиальной), так и в графической (визуальной) формах. В ходе исследования выявлена высокая степень вариативности терминологической номинации объекта изучения, получившая распространение в российских исследованиях, посвященных текстам комплексной семиотической природы. На основе анализа содержания и когнитивно-денотативного потенциала терминов, предложенных в разное время в отечественной и зарубежной литературе для описания семиотически гетерогенных конструктов, а также наблюдений над структурой и функционированием аудиовизуального контента различных типов, форматов и жанров, идентифицированы характеристики, которые могут рассматриваться в качестве онтологических свойств аудиовизуальных текстов. К числу таких свойств могут быть отнесены полимодальность, многоканальность, поликодовость, а в ряде случаев также и мультимедийность. Предлагается схема информационно-семиотической структуры архетипичного аудиовизуального текста, в основу которой положены представления о сенсорных (перцептивных) модальностях, каналах передачи информации и кодовой природе компонентов, взаимодействующих при порождении смысла аудиовизуального произведения.

Ключевые слова: аудиовизуальный текст; семиотически гетерогенный текст; семиотический код; поликодовость; сенсорная модальность; полимодальность; многоканальность; модус; мультимодальность.

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-6

Для цитирования: Калинин А.Ю. К вопросу об онтологических свойствах аудиовизуального текста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 70–84.

Калинин Андрей Юрьевич — старший преподаватель кафедры французского языка для факультета иностранных языков и регионоведения факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; a_kalinine@mail.ru

Одним из наиболее заметных результатов бурного развития цифровых технологий в последние десятилетия является прогрессирующая *аудиовизуализация* информационного пространства. Если в XX в. практически единственными аудиовизуально-информационными сферами были сначала кино, а затем телевидение, имевшие хоть и широкую, но все же ограниченную аудиторию зрителей, то сегодня основным средством распространения информации, предназначенной для зрительно-слухового восприятия, является Глобальная сеть. В наши дни практически невозможно представить себе ни один интернет-ресурс, будь то сайт официальной организации, коммерческой компании или социальная сеть, на котором не размещался бы аудиовизуальный контент. Ученые все чаще говорят о «визуальной революции» как культурно-антропологической реальности современного общества [Ventrella, 2015]. Антропологи, социологи и психологи констатируют, что начиная с 1990-х годов каждое из новых поколений все более «экраноактивно» и «экранозависимо», а родившихся после 2010 г. даже называют «скринейджерами» (screenagers) [Cashmore et al., 2018]. Не остаются в стороне и представители более старших поколений: аудиовизуализация считается эффективным инструментом повышения наглядности и аутентичности в таких разнородных областях, как политтехнологии, маркетинг и реклама, образование и т.п. Более того, банализация и доступность компьютерных технологий сделали возможным создание рядовыми пользователями Сети собственного аудиовизуального контента (user-generated content), которым они делятся с другими в социальных медиа.

Основной единицей аудиовизуальной коммуникации является аудиовизуальный текст (АВТ). Определение такого текста, ставшее классическим, может показаться донельзя примитивным: АВТ — это «коммуникативный акт, действующий звуками и изображениями» [Zabalbeascoa, 2008: 21] (здесь и далее перевод наш. — *А.К.*). С этой точки зрения, в феномене аудиовизуальности нет ничего нового, а АВТ существует столько же тысячелетий, сколько насчитывает «живое» человеческое общение: собеседники обычно (за исключением разговоров по телефону и радиосвязи) видят и слышат друг друга, и так, вероятно, было даже тогда, когда речь людей еще не отличалась членораздельностью. Однако для того, чтобы стать объектом научного изучения в статусе АВТ, такие коммуникативные акты должны быть зафиксированы на аналоговом или цифровом носителе, что стало возможным лишь с изобретением братьями Люмьер кинематографа в 1895 г. Независимо от того, идет ли речь о неотредактированных съемках реальных событий или сложном производственном процессе, включающем множество этапов, на-

чая с идейного замысла и написания сценария и заканчивая итоговым монтажом, мы можем утверждать, что результатом такой видеографической фиксации является возникновение АВТ или *аудиовизуального произведения*. Последний термин имеет также и юридический смысл, поскольку его денотат может быть объектом авторского права и определяется Гражданским кодексом РФ как «... произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств»¹. В наши дни виды, форматы и жанры АВТ чрезвычайно разнообразны: игровые, видовые, документальные и анимационные кино- и видеофильмы, телевизионные программы, рекламные и музыкальные видео, презентационные ролики, элементы дополненной и виртуальной реальности, видеоигры, видеоблоги и прочий аудиовизуальный контент социальных медиа. Кроме того, с развитием телевидения, а затем и потокового интернет-вещания появилась возможность транслировать аудио- и видеосигналы текущих событий в режиме реального времени, «прямо в эфире». Подобные трансляции также представляют собой разновидность АВТ, даже если рассматривать гипотетическую возможность того, что они не записываются. Таким образом, в рецептивном аспекте АВТ представляют собой экранные тексты, которые предназначены для восприятия с больших экранов кинозалов, мониторов компьютеров или дисплеев мобильных устройств.

Полноценное описание АВТ невозможно без учета двух аксиологических факторов. Во-первых, как на уровне порождения, так и в плане восприятия, АВТ представляет собой не механическую адьюнцию разрозненных элементов звукового и визуального рядов, а целостный коммуникативный конструкт [Калинин, 2019], обладающий всеми признаками текстуальности: когезией, когерентностью, интенциональностью, информативностью, приемлемостью, ситуационностью и интертекстуальностью [Beaugrande, Dressler, 1992]. Во-вторых, АВТ относится к числу семиотически гетерогенных текстов [Полубиченко, 2021], то есть сообщений, макросемантика которых формируется в результате синергетического взаимодействия компонентов, относящихся к различным знаковым системам. Разумеется, объектом лингвистического изучения становятся лишь те семиотически гетерогенные тексты, в которых среди прочих содержится вербальный компонент, иначе говоря, знаки естественно-го языка, представленные в звучащей и / или графической форме.

¹ URL: <https://www.zakonrf.info/gk/1263/> (дата обращения: 25.09.2022).

В последние 30 лет тексты комплексной семиотической природы регулярно привлекают внимание отечественных лингвистов, вследствие чего список работ на данную тему занял бы по меньшей мере несколько сотен страниц. Столь обширная библиография обнаруживает не только разные углы зрения и различные методологические подходы, но и чрезвычайное разнообразие номинаций самого объекта исследований. Авторы говорят о поликодовых / дикодовых, креолизованных, синкретических, составных, семиотически осложненных, полимодальных, полимедиальных / бимедиальных, мультимедиальных и мультимодальных, многоканальных, изовербальных, видеовербальных, гетерогенных, контаминированных, интерсемиотических, гибридных текстах и даже о «супертекстах». Хотя столь чрезмерная терминологическая вариативность и не способствует формированию общепринятого метаязыка лингвистического описания указанного типа текстов, всякий исследователь, разумеется, вправе выбирать ту из существующих в литературе номинаций, которая представляется ему релевантной, или создавать свой вариант наименования. Вместе с тем мы полагаем, что в идеале термин (или термины), используемые для обозначения объекта изучения, должны отражать его сущностные свойства, идентификация которых, во-первых, способствует категоризации исследуемых текстов, являющейся «адаптивной потребностью человеческого сознания» [Martinelli, 2020: 18], а во-вторых, расширяет понимание их коммуникативных функций. В связи с этим нами был предпринят анализ терминологических номинаций текстов комплексной семиотической природы, используемых в специальной литературе, на предмет выявления характеристик, которые могут рассматриваться как *онтологические свойства* применительно к АВТ.

В 1971 г. Р. Якобсон обратил внимание лингвистического сообщества на необходимость аналитического разграничения «гомогенных сообщений, при порождении которых используется одна знаковая система, и синкретических (syncretic) сообщений, основанных на комбинации или слиянии различных семиотических паттернов» [Jakobson, 1971: 705]. С учетом того факта, что, согласно современным воззрениям на сущность коммуникации, любое сообщение, представляющее собой содержательно взаимосвязанную последовательность знаков, признается текстом, мы можем рассматривать «синкретические сообщения», о которых писал Р. Якобсон, в качестве полисемиотических или, как минимум, диссемиотических текстов. Развивая мысль о семиотической гомогенности / гетерогенности как типологическом критерии, немецкие ученые Г.В. Эйгер и В.Л. Юхт предложили классифицировать тексты в рамках оппозиции моно- и поликодности [Эйгер, Юхт, 1974]. Термин «*поликодовый*

текст» представляется вполне логичным, поскольку очевидно, что в основе всякой семиотизации лежит специфический для данной системы код, и в дальнейшем получил признание в работах отечественных лингвистов, семиологов и методистов². Однако на протяжении почти 20 лет интерес к текстам такого рода носил фрагментарный характер.

Сдвиг научной парадигмы в сторону плюри- и междисциплинарности, наметившийся в последнее десятилетие XX в., привел к тому, что тексты полисемиотической структуры все чаще становятся объектом научных изысканий. В работе 1990 г. Ю.А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов назвали «...тексты, которые в своем составе имеют две неомогенные части — вербальную (речевую) и невербальную...» *креолизрованными* [Сорокин, Тарасов, 1990: 180–181]. По непонятной для нас причине именно этот термин, несмотря на свою нарочитую метафоричность и невысокий денотативно-когнитивный потенциал, получил широкое распространение в российской лингвистике: его можно обнаружить в названиях целого ряда статей, диссертаций [Косенко, 2021] и даже монографий [Вашунина и др., 2020; Ворошилова, 2013]. Справедливости ради стоит отметить и тот факт, что термин «креолизированный текст» неоднократно критиковался в научной литературе. Так, известный психолингвист А.Г. Сонин отмечает, что подобная «...номинация создает представление об интересующих исследователей текстах как возникших на основе каких-либо других (вербальных?) через процедуру их «креолизации» <...> для большинства произведений, обозначаемых словом “креолизированный”, такого исходного текста просто не существует, как не существует и самого действия по его “креолизации”» [Сонин, 2006: 20]. Тем не менее указанный термин продолжает использоваться многими авторами для обозначения текстов комплексной знаковой природы.

Другой аспект изучения полисемиотических артефактов связан с исследованием их восприятия. В этой связи психологи и психолингвисты оперируют понятием *полимодальных текстов*, гипонимичным по отношению к термину поликодовых сообщений. В основе данной терминологической категоризации лежит представление о перцептивных модальностях, т.е. восприятию стимула той или иной сенсорной системой. Е.Д. Некрасова справедливо замечает, что если «поликодовым является текст, соединяющий в себе разные семиотические коды, то полимодальным может быть назван текст,

² В англоязычных работах этот термин не прижился, несмотря на то, что зарубежные ученые также активно говорят о многообразии кодов в семиотически гетерогенных текстах. Так, например, И. Гамбие при анализе семиоструктуры АВТ упоминает 14 различных кодов [Gambier, 2013].

воспринимаемый при помощи различных модальностей — каналов восприятия информации, в частности зрительной и аудиальной» [Некрасова, 2014: 45]. АВТ, как явствует из их названия, полностью подпадают под определение полимодальности, хотя, поскольку они предназначены лишь для зрительно-слухового восприятия, мы могли бы обозначить их и как *бимодальные*. Реже встречаются иные типы бимодальных произведений, в которых наряду со зрительной сенсорной модальностью (восприятие текста и иллюстраций) задействовано осязание, например так называемые «тактильные книги» для детей.

В таксономии, предложенной А.Г. Сониным, полимодальные тексты отождествляются с поликодовыми (в качестве примера упомянуты иллюстрированные журналы), а для обозначения артефактов, воспринимаемых в двух и более сенсорных модальностях, используется термин «*многоканальные тексты*» [Сонин, 2003]. Судя по перечислению элементов, которое приводит автор (письменный вербальный текст, устный текст диалогов и квазиустный текст комментариев, шумовые эффекты, анимация и т.д.), речь идет о текстах аудиовизуальных. АВТ безусловно является многоканальным по своей сути, однако данное качество, по нашему мнению, характеризует не только и не столько, уровень восприятия сообщения, сколько его содержательный аспект и способ передачи информации, поэтому мы полагаем целесообразным рассматривать многоканальность не как категориальную характеристику типа текста, более сложноорганизованного, нежели полимодальный, а как одно из его онтологических свойств.

Третий тип полисемиотических произведений, описанный А.Г. Сониным, получил название *мультимедийного текста*. Ключевыми факторами идентификации текстов указанного типа автором признается наличие компьютерной программы, обеспечивающей доступ к ним, и интерактивный характер «чтения» [там же: 45]. Исследователь не рассматривает подробно такие тексты, приведя в качестве примера лишь явление гипертекста. По нашему мнению, *мультимедийность* может расцениваться как характеристика АВТ в рамках двух подходов. Во-первых, если обратиться к традиционному определению мультимедиа³ как соединения в одном артефакте средств-носителей гетерогенной информации (аудио, видео, текстовая графика), то даже такие АВТ, созданные в доцифровую эпоху, как кинофильмы, безусловно являются мультимедийными,

³ “A technique (such as the combining of sound, video, and text) for expressing ideas (as in communication, entertainment, or art) in which several media are employed” URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/multimedia/> (дата обращения: 25.09.2022).

поскольку при их создании применялись различные технологии: съемка на киноплёнку и монтаж, запись звука на магнитную дорожку, создание титров и т.д. Во-вторых, современное понимание мультимедийной продукции действительно предполагает использование в качестве средств их производства и потребления компьютеров и программного обеспечения [Li et al., 2004]. При этом ни для кого не секрет, что сегодня практически любые аудиовизуальные произведения создаются исключительно с использованием информационно-коммуникационных технологий, а хранятся и распространяются в цифровых форматах. Однако среди таких произведений целесообразно различать те, которые по своей коммуникативной функции являются однонаправленными и условно интерактивными на уровне пользования (формирование потока по запросу, управление просмотром и обмен контентом DVD, IP-телевидения, видеохостингов и других социальных медиа), и мультимедийную аудиовизуальную продукцию, интерактивность которой изначально заложена в ее архитектуре (инструменты дополненной и виртуальной реальности, видеоигры и т.п.). Таким образом, хотя мультимедийность, вероятно, и должна рассматриваться как имманентное свойство АВТ в зависимости от типа, жанра и назначения аудиовизуального произведения, данная характеристика может выступать либо как ключевая, либо как вторичная.

Если в отечественном языкознании при описании текстов множественной семиотической природы наблюдается значительная терминологическая вариативность, то зарубежные исследователи проявляют в этом отношении редкое единодушие: в подавляющем большинстве англоязычных работ для обозначения таких произведений используется термин “*multimodal text*” (мультимодальный текст). Внешнее подобие прилагательных *multimodal* и *полимодальный* в некоторых случаях способно даже привести российских ученых к их ошибочному отождествлению, как, например, в [Ржешевская, 2019]. В действительности термин “*multimodal text*” представляет собой одно из фундаментальных понятий социальной семиотики и сформировался в недрах так называемой теории мультимодальности Гюнтера Кресса [Kress, 2001]. Ключевыми концептами данной теории выступают ресурс (*resource*), средство или инструмент (*medium*), метафункция (*metafunction*), смыслообразующий потенциал (*affordance*) и, наконец, *модус* (*mode*), который, собственно, и дал название теории. В статье «Что такое модус?» Г. Кресс дает вполне четкую дефиницию этого понятия: «Модус — это социально сформированный и культурно обусловленный ресурс для порождения смысла. Изображение, письменный текст, типографика, музыка, жестикуляция, устная речь, движущееся изображение,

звуковое оформление являются примерами модусов, используемых в репрезентации и коммуникации» [Kress, 2011: 54]. Из процитированного определения становится очевидным, что семантика понятия «модус» в теории мультимодальности имеет мало общего с сущностью психологических категорий моно / полимодального восприятия. Напротив, концепт модуса, как его понимают представители теории мультимодальности, чрезвычайно близок, если не совпадает, по содержанию с понятием *кода* в том значении, в котором оно давно и прочно закрепилось в лингвосемиотике (см., например, [Jacobson, 1963]). Тем самым термин “*multimodal text*” выступает в качестве варианта англоязычной номинации текста скорее поликодового, нежели полимодального, а сам концепт модуса в эпистемологическом отношении не представляет из себя практически ничего нового.

Как мы видим, выбор терминологической номинации таких объектов изучения, как тексты комплексной семиотической природы, во многом предопределен теоретической парадигмой, методологическим ракурсом и заданными целями исследования. В то же время с целью объективного описания АВТ требуется выявить такие его характеристики, на основании которых возможна таксономическая идентификация его места в ряду прочих полисемиотических конструкторов, равно как и спецификация его отличительных особенностей. В этой связи в качестве онтологических свойств АВТ мы предлагаем рассматривать *полимодальность*, *многоканальность*, *поликодовость* и отчасти *мультимедийность*. Означенные свойства характеризуют многокомпонентную синергетическую систему АВТ, организация которой носит не столько вертикальный (иерархический), сколько горизонтальный (иррадирующий) характер (рисунок)⁴.

Итак, АВТ создается с расчетом на восприятие в двух *перцептивных модальностях*: аудиальной и визуальной. С этой целью при цифровом способе фиксации информации изображение записывается в одном из видеоформатов, а звук — в одном из аудиоформатов, и затем совмещаются на одном цифровом (*мультимедийном*) носителе, подобно тому как в аналоговую эпоху отснятый киноматериал и магнитная запись звука синхронизировались в совмещенных фильмокопиях. Информация передается реципиенту по нескольким *каналам*, причем неречевой (музыкально-шумовой) акустический

⁴ Отметим, что выявление и в особенности номинация кодов, задействованных в порождении смысла АВТ, могут варьироваться от одного исследования к другому. Так, например, Л.В. Полубиченко и М.М. Донская, анализируя произведения видеорекламы, идентифицируют в них такие семиотические системы, как «буквенная тактика», раскадровка, танец, кинесика, статика, мимика, пение, а также «вид и состояние героев\явлений\объектов» [Полубиченко, Донская, 2007].

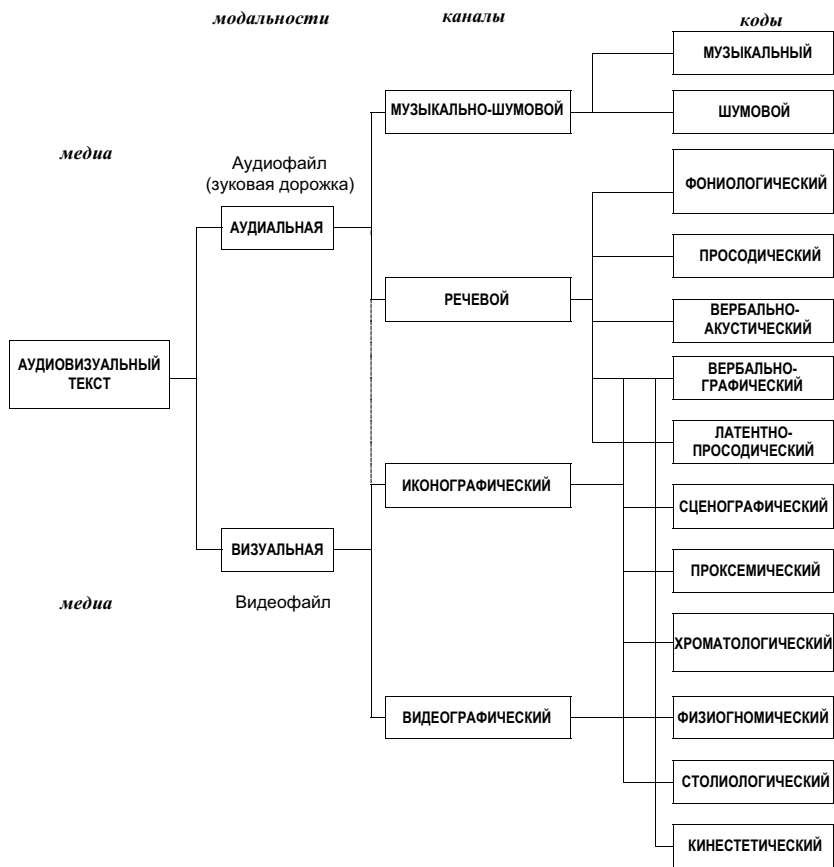

Рисунок. Структурно-семиотическая организация аудиовизуального текста

канал используется для передачи содержания, воспринимаемого исключительно на слух, так же, как иконографический и видеографический — для зрительного восприятия. Пожалуй, наибольшие сложности структурной типологизации представляет речевой канал, поскольку в семиотическом дискурсе отсутствует единство по вопросу о том, образуют ли устная и письменная формы языка единую знаковую систему или должны рассматриваться как самостоятельные. Так, основатель аксиологического функционализма Ян Мюлдер отстаивает позицию о принципиальной отдельности семиотических систем письменной и устной речи [Mulder, 1994]. Р. Якобсон, основываясь на дифференциальном критерии материальной сущности сигнификанта (означающего), относит устную форму языка к аудиальным, а письменную — к визуальным знаковым системам и уточняет, что в системах аудиальных знаков в качестве структурного фактора

никогда не выступает пространство, но всегда время, причем в двух ипостасях — последовательности и одновременности [Jakobson, 1971]⁵. С другой стороны, известный лингвист и переводовед Х. Готтлиб полагает, что единственная лингвистическая знаковая система — семиотическая система естественного человеческого языка, независимо от того, идет ли речь о письме или говорении. В данной парадигме даже различные языки рассматриваются как разновидности одной и той же семиосферы [Gottlieb, 2018]⁶. Для нас вербальный язык представляет собой единую семиотическую *надсистему*, образованную кодовыми системами устной и письменной форм речевой коммуникации и представленную различными вариантами (естественными языками). В пользу единства вербальной надсистемы говорит *общность семиозиса*, то есть типа логико-семантических связей между сигнансом и сигнификатом (означаемым), практически идентичных как для устной и письменной форм существования вербального языка, так и для различных естественных языков. Это обстоятельство делает принципиально возможными и диамезический (из устной формы в письменную и наоборот), и межъязыковой трансфер любого высказывания. Разграничение же обусловлено структурно-онтологическим характером сигнанса: например, звукофонематическая и буквенно-графическая репрезентации такого языкового знака, как слово, имеют неидентичную материальную природу и различную степень симметрии, при этом коды разных естественных языков гетерофонны и гетерографичны относительно друг друга. Заметим также, что в рамках вербальной надсистемы письмо воплощает вторичный, производный семиотический код, поскольку графемы слов выступают в качестве сигнанса элементов устно-вербальной системы (фонематического облика слов).

В структуре АВТ речевой канал представлен как в аудиальной, так и в визуальной модальностях, хотя и не в равной степени. Информация речевого канала кодируется в нескольких семиотических системах, не равнозначных по уровню диверсифицированности. «Полным и совершенным» [Степанов, 1971] вербальным кодам противопоставлен *фонологический (вокологический) код*, ограниченный несколькими дифференцирующими говорящих признаками

⁵ В то же время Р. Jakobson в своей, пожалуй, самой известной работе подчеркивает, что письменная речь является «трансформом» устной и что любые системы письменных символов используются исключительно для фиксации произносимых слов [Jacobson, 1959/2004].

⁶ Любопытно, что Р. Jakobson классифицирует межъязыковой перевод (interlingual translation) как *интрасемиотический* и противопоставляет его переводу *интерсемиотическому*, трансмутации. Мы, по-видимому, можем сделать из такой классификации вывод о том, что для Р. Jakobsonа границы семиотических систем также не пролегают между разными языками [там же].

(пол, возраст, регистр, иногда наличие голосовой патологии). *Просодические* явления в речи значительно более разнообразны, нежели проявления качества голоса, однако не все они носят знаковый характер. *Латентно-просодический (пунктуационный) код* визуальной модальности является менее вариативным: даже в письменном тексте знаки препинания коррелируют лишь с некоторыми интонационными событиями, а в видеоряде АВТ пунктуация вообще используется нечасто.

Музыкальный код дискретизирует информацию о гармонических звуках, мотиве, интервале, темпе и мелодии; *шумовой* — содержит индексные знаки: природные шумы, а также шумы техногенного (звуки различных устройств, взрывов и т. п.) и антропогенного (стоны, смех, кашель и т. п.) происхождения. Большинство *визуальных кодов* (природные объекты и артефакты в кадре, распределение пространства и расстояние между персонажами, их внешний облик и одежда) равно могут быть представлены как в *иконографическом* канале (статичное изображение), так и в *видеографическом* (движущееся изображение). Исключение определенно составляет *кинестетический код*: жесты, движения людей и объектов, зримые природные процессы и т. п. Само собой разумеется, что обычно в АВТ информация распределена между вышеупомянутыми семиотическими кодами неравномерно, а иногда некоторые из них и вовсе не задействованы. Примером могут служить игровые, анимационные и видовые фильмы «без слов», т. е. такие аудиовизуальные произведения, в которых вербальный компонент отсутствует в принципе, за исключением титров в начале и / или конце картины. В аудиовизуальных СМИ также существует особый жанр невербального нарратива: так, например, каналами Евроньюс периодически транслируются зарисовки жанра «*No comments*», языковое содержание которых ограничено геолокационными титрами.

Таким образом, поликодовый, многоканальный и бимодальный характер АВТ не только детерминируют его эпистемологическую специфику в ряду прочих единиц коммуникации, но и во многом предопределяют методологическую целесообразность применения для его изучения меж- и кросс-дисциплинарных подходов, без которых описание текстов подобного рода вряд ли может быть признано полноценным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вашунина И.В., Матвеев М.О., Нустратов А.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованный текст: смысловое восприятие: коллективная монография. М., 2020.
2. *Ворошилова М.Б.* Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург, 2013.

3. *Ейгер Г.В., Юхт В.Л.* К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы науч. конф. при МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1974. Ч. 1. С. 103–109.
4. *Калинин А.Ю.* Прагматически детерминированные приемы аудиовизуального медиаперевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. *Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. № 2. С. 45–57.
5. *Косенко В.С.* Смысловое восприятие креолизованного текста: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2021.
6. *Некрасова Е.Д.* К вопросу о восприятии полимодальных текстов // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 45–48.
7. *Полубиченко Л.В.* Межсемиотический перевод в семиотически гетерогенных текстах // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. *Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2021. № 4. С. 130–145.
8. *Полубиченко Л.В., Донская М.М.* Семиотика вербального и невербального в мультимедийном рекламном дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. *Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2007. № 2. С. 36–52.
9. *Ржешевская А.А.* О полимодальности и перспективе в дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. №7 (823). С. 43–51.
10. *Сонин А.Г.* Общепсихологические и когнитивные механизмы понимания мультимедийных текстов // Вопросы психолингвистики. 2003. №1. С. 43–56.
11. *Сонин, А.Г.* Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006.
12. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–186.
13. *Степанов Ю.С.* Семиотика. АН СССР. Ин-т языкознания. М., 1971.
14. *Beaugrande R. de, Dressler W. U.* Introduction to Text Linguistics. London, New York, 1992.
15. *Cashmore E., Cleland J., Dixon K.* Screenagers // Screen Society. Palgrave Macmillan. 2018. P. 37–50.
16. *Gambier Y.* The Position of Audiovisual Translation Studies // The Routledge Handbook of Translation Studies, ed. by C. Millan and F. Bartrina. London, 2013. P. 45–59.
17. *Gottlieb H.* Semiotics and Translation // The Routledge Handbook of Translation Studies and Linguistics. Abingdon, 2018. P. 45–63.
18. *Jakobson R.* [1959/2004]. On linguistic aspects of translation. In The Translation Studies Reader. New York and London, 2004. P. 138–143.
19. *Jakobson R.* [1963/2003]. Essais de linguistique generale. Les fondations du langage. Paris, 2003.
20. *Jakobson R.* Language in Relation to Other Communication Systems // Selected Writings. The Hague: Mouton. 1971. Vol. 2. P. 697–708.
21. *Kress G.* What is mode? // The Routledge handbook of multimodal analysis (2nd ed.). London, 2011. P. 54–67.
22. *Li Z. N., Drew M. S., Liu J.* Fundamentals of multimedia. Upper Saddle River (NJ): Pearson Prentice Hall, 2004.
23. *Martinelli D.* What you see is what you hear: Creativity and communication in audiovisual texts. Springer International Publishing, 2020.
24. *Mulder J. W. F.* Written and spoken languages as separate semiotic systems // Semiotica. 1994. Vol. 101 (1/2). P. 41–72.
25. *Ventrella F.* Visual Turn // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences Reference Work. 2nd Edition. Oxford, 2015. P. 207–213.

26. *Zabalbeascoa P.* The Nature of the Audiovisual Text and its Parameters // The Didactics of Audiovisual Translation. Amsterdam and Philadelphia, 2008. P. 21–39.

Andrei Yu. Kalinin

ON THE ONTOLOGICAL PROPERTIES OF AUDIOVISUAL TEXTS

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; a_kalinine@mail.ru

Abstract. The article focuses on epistemological issues of studying audiovisual texts. Audiovisual text is considered as a type of semiotically heterogeneous messages intended for visual and auditory perception. Moreover, audiovisual texts containing a verbal component, which can be presented both in aural (auditory) and graphic (visual) forms, can serve as a subject of linguistic inquiry. The study reveals a high degree of variability in the terminological nomination of the investigated object, which is common in Russian studies of texts of a semiotically syncretic nature. Starting from the analysis of the origin and denotative load of terms proposed at different periods in Russian and international literature to describe semiotically heterogeneous artifacts, as well as observations of the structure and functioning of audiovisual content of various types, formats and genres, some characteristics that can be considered as ontological properties of audiovisual texts were identified. Such properties might include polymodality, multichannel and polycode nature and, in some cases, multimedia as well. An informational and semiotic matrix of the archetypal audiovisual text is suggested, based on the concepts of sensory (perceptual) modalities, information conveying channels and the code nature of components interplaying in the meaning-making within audiovisual works.

Key words: audiovisual text; semiotically heterogeneous text; semiotic code; polycodity; sensory modality; polymodality; multichannelity; mode; multimodality.

For citation: Kalinin A.Yu. (2023) On the ontological properties of audiovisual texts. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 70–84. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Andrei Y. Kalinin – conference interpreter and Assistant Professor at the Department of French Language, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, M.V. Lomonosov Moscow State University; a_kalinine@mail.ru

REFERENCES

1. Vashunina I.V., Matveev M.O., Nistratov A.A., Tarasov E.F. 2020. *Kreolizovannyj tekst: smyslovoe vosprijatie: kolektivnaja monografija* [Creolised text: perception of sense]. Moscow. (In Russ.)
2. Voroshilova M.B. 2013. *Politicheskij kreolizovannyj tekst: kljuchi k prochteniju* [Political creolised text: cues for reading]. Ekaterinburg. (In Russ.)
3. Ejger G.V., Juht V.L. 1974. K postroeniju tipologii tekstov [Towards typology of texts]. *Lingvistika teksta: materialy nauch. konf. pri MGPIIJa im. M. Toreza* [Text

- linguistics: proceedings of conference held at Moscow State Institute of Foreign Languages]. Vol. 1, pp. 103–109. (In Russ.)
4. Kalinin A.Y. 2020. Pragmatische determinirovannye priemy audiovizual'nogo mediaperevoda [Pragmatics-driven techniques of audiovisual media translation]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 45–57. (In Russ.)
 5. Kosenko V.S. 2021. Smyslovoe vosprijatie kreolizovannykh tekstov [Perception of sense of creolised texts]: Avtoref. diss. ... kand. filol. Nauk. Moscow. (In Russ.)
 6. Nekrasova E.D. 2014. K voprosu o vosprijatii polimodal'nykh tekstov [On multimodal perception of the text: a psycholinguistic experiment]. *Tomsk State University Bulletin*, no. 378, pp. 45–48. (In Russ.)
 7. Polubichenko L.V. 2021. Mezhsmioticheskij perevod v smioticheski geterogennykh tekstakh [Intersemiotic translation in semiotically heterogeneous texts]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 130–145. (In Russ.)
 8. Polubichenko L.V., Donskaja M.M. 2007. Semiotika verbal'nogo i neverbal'nogo v mul'timedijnom reklamnom diskurse [The interplay of verbal and non-verbal semiotics in multimedia commercials]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 36–52. (In Russ.)
 9. Rzheshhevskaja A.A. 2019. O polimodal'nosti i perspektive v diskurse [On polymodality and perspective in discourse]. *Moscow State Linguistic University Bulletin. Humanities*, no. 7 (823), pp. 43–51. (In Russ.)
 10. Sonin A.G. 2006. Modelirovanie mehanizmov ponimaniya polikodovykh tekstov [Modelling the mechanisms of polycode texts understanding]: Avtoref. diss. ... d-ra. filol. Nauk. Moscow. (In Russ.)
 11. Sonin A.G. 2003. Obshhepsihologicheskie i kognitivnye mehanizmy ponimaniya mul'timedijnykh tekstov [General psychological and cognitive mechanisms of multimedia texts understanding]. *Voprosy psiholingvistiki* [Issues in psycholinguistics], no.1, pp. 43–56. (In Russ.)
 12. Sorokin Ju.A., Tarasov E.F. 1990. Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaja funkciya [Creolised text and their communicative function]. *Optimizacija rechevogo vozdeystvija* [Optimising the speech effect]. Moscow, pp. 180–186. (In Russ.)
 13. Stepanov Ju.S. 1971. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow. (In Russ.)
 14. Beaugrande R. de, Dressler W. U. 1992. Introduction to Text Linguistics. London, New York: Longman.
 15. Cashmore E., Cleland J., Dixon K. 2018. Screenagers. *Screen Society*. Palgrave Macmillan, pp. 37–50.
 16. Gambier Y. 2013. The Position of Audiovisual Translation Studies. *The Routledge Handbook of Translation Studies*, ed. by C. Millan and F. Bartrina. London, Routledge, pp. 45–59.
 17. Gottlieb H. 2018. Semiotics and Translation. In *The Routledge Handbook of Translation Studies and Linguistics*. Abingdon, Routledge, pp. 45–63.
 18. Jakobson R. [1959/2004]. On linguistic aspects of translation. *The Translation Studies Reader*. New York and London: Routledge, pp. 138–143.
 19. Jakobson R. [1963/2003]. *Essais de linguistique generale*. Les fondations du langage. Paris, Minuit.
 20. Jakobson R. 1971. Language in Relation to Other Communication Systems. *Selected Writings*, vol. 2, Mouton, The Hague, pp. 697–708.
 21. Kress G. 2011. *What is mode? The Routledge handbook of multimodal analysis* (2nd ed.). London, Routledge, pp. 54–67.

22. Li Z. N., Drew M. S., Liu J. 2004. *Fundamentals of multimedia*. Upper Saddle River (NJ): Pearson Prentice Hall.
23. Martinelli D. 2020. *What you see is what you hear: Creativity and communication in audiovisual texts*. Springer International Publishing.
24. Mulder J. W. F. 1994. Written and spoken languages as separate semiotic systems. *Semiotica*, vol.101(1/2), pp. 41–72.
25. Ventrella F. 2015. Visual Turn. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences Reference Work*. 2nd Editio, pp. 207–213.
26. Zabalbeascoa P. 2008. The Nature of the Audiovisual Text and its Parameters. *The Didactics of Audiovisual Translation*. Amsterdam and Philadelphia John Benjamins, pp. 21–39.

Статья поступила в редакцию 01.09.2022;
одобрена после рецензирования 01.10.2022;
принята к публикации 12.10.2022.

The article was submitted 01.09.2022;
approved after reviewing 01.10.2022;
accepted for publication 12.10.2022

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.В. Робустова

ИНФОРМАЦИОННОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; nikarbs@yandex.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению структуры внеязыкового значения имени собственного, слоям информации, которые в него входят, и условиям их актуализации. Оним характеризуется наличием как языкового, так и внеязыкового аспектов значения, что обуславливает возможность развития и динамики информации, репрезентированной внелингвистическим компонентом значения. В его структуре выделяются архетипический, мифологический, религиозный, научный, исторический, географический, социокультурный, литературный и эстетический типы информации, актуализация которых зависит как от контекста употребления имени собственного, так и от фоновых знаний реципиента. Наличие нескольких информационных слоев в структуре значения онима рассматривается с позиции концепции спирального развития значения имени собственного. Подчеркивается кумулятивная функция ономастических единиц и их способность выступать в качестве компонентов культурной памяти, репрезентантов культурно-исторического наследия. Приведен анализ функционирования имен собственных в научно-популярном тексте на материале произведения Lynne Truss “Eats, Shoots & Leaves”, рассмотрен интерпретирующий потенциал онимов, выявлена специфика актуализации определенной информации в структуре значения имени для достижения цели коммуникации и с точки зрения передачи определенно-го сообщения, и с точки зрения выразительности использования языкового материала, что подчеркивается актуализацией иронической функции.

Ключевые слова: имя собственное; информационное варьирование; спиральное развитие значения.

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-7

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Робустова Вероника Валентиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; nikarbs@yandex.ru

Для цитирования: Робустова В.В. Информационное варьирование в структуре значения имени собственного // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 85–95.

«Коммуникативная сущность языка должна быть главной целью лингвистических исследований, предполагающей, естественно, поэтапное, поуровневое, а равно и обособленное, изучение в статике и в динамике отдельных аспектов и единиц речи» [Колшанский, 1977: 100]. Комплексный подход к изучению языкового и внеязыкового аспектов значения имен собственных позволяет приблизиться к достижению поставленной ученым цели и рассмотреть, какая информация может быть представлена в структуре значения онима, проанализировать ее статический и динамический аспекты, выявить особенности репрезентации, сохранения и передачи внеязыкового значения ономастической единицы в процессе коммуникации.

Реализуя коммуникативную функцию в языке и речи, имя собственное аккумулирует различную информацию о референте, тем самым расширяя границы своей функциональной специфики. Согласно концепции спирального развития значения имени собственного, его значение, развиваясь по спирали, проходит несколько витков, которые символизируют расширение интерпретирующего потенциала онима. Все имена, изначально возникая в языке, находились на одном и том же уровне. Некоторые из них обогатили свое экстралингвистическое значение благодаря жизни и деятельности референта (деяниям носителя имени / событиям, происходившим в определенной местности) и перешли на следующий уровень. В их значении образовались определенные характеристики / характерные черты, которые дали возможность реципиенту (коммуниканту) употреблять их в непрямой функции наречения, сделали данный оним узнаваемым [Робустова, 2022: 47–58].

Представляется возможным рассмотреть ономастические знаки в качестве элементов культурной памяти, благодаря которым осуществляется процесс сохранения и накопления (как постепенного наращивания) селективной культурной информации, то есть информации, отражающей наиболее ценный и релевантный опыт постижения мира тем или иным лингвокультурным сообществом. Ономастические форманты, благодаря которым происходит закрепление и наращивание со временем культурно значимой информации в ономастическом знаке, помогают определить разряд имени собственного, проследить его развитие с позиций исторической ономастики. Традиционно под формантами понимают повторяющиеся части имен собственных, которые его формируют как оним; это могут быть суффиксы, окончания, основа слова (чаще имени существительного).

В нашем исследовании мы рассматриваем в качестве форманта как исходную форму, так и «нулевое» значение имени собственного, куда входят как языковой, так и внеязыковой аспекты. Приведем в качестве примера название широко известной куклы Barbie. Имя в переводе с греческого означает чужеродная, чужеземная; данное имя в XX в. было одним из самых популярных английских женских имен. С появлением первой куклы Барби в 1959 г. личное имя обросло множеством ассоциаций и линейкой коннотаций от абсолютно положительных до сугубо отрицательных. Возникло несколько ономастических дериватов — Barbie-style, Barbie-like, Barbie-Doll Look, Barbiesque, barbie, в семантике которых обнаруживаются разные пласты информации, получающие актуализацию в зависимости от контекста употребления языковой единицы.

Остается неизученным вопрос об объеме культурной информации, которую может репрезентировать, хранить и передавать ономастический знак; рассматриваются способы декодирования различных слоев информации в семантике онима. Хранящаяся в онимах информация отражает разные формы осознания мира. Исследуя фразеологизмы, В.Н. Телия, в соответствии с определенной формой осознания мира (архитипической, мифологической, религиозной), а также других возможных источников культурного содержания, выделяет такие базисные слои культуры, оставившие свой след в виде соответствующих культурных смыслов или культурной информации в образном содержании фразеологизма, как архитипический слой, мифологический слой, библейский слой, фольклорный слой, литературно-публицистический слой [Телия, 2004]. И.В. Зыкова исследует представленность культурно маркированной информации во фразеологизмах и выделяет «макрометафорические концептуальные модели — глубинные, культуру обусловленные основания значения фразеологизмов, являющиеся носителями постепенно накапливаемых в них следующих типов чувственной и интеллектуальной информации: эмоционально-чувственной, этической и эстетической информации, архитипической, мифологической, религиозной, философской и научной информации» [Зыкова, 2019: 218]. Основные типы культурной информации образуются вследствие соответствующих форм переживания и осмысления человеческого мира (эмоционально-чувственного, мифологического, научного и т.д.).

Проблемой наличия нескольких пластов значения в собственном имени занимался В.А. Никонов, который выделял доономастическое, ономастическое и отономастическое значения, однако мы рассматриваем семантические слои с точки зрения их тематической мотивированности и социокультурной информации, накопленной во

внеязыковом аспекте их значения во время функционирования в актах коммуникации — наличия архетипической, религиозной, мифологической, исторической, социокультурной, научной, эмоционально-чувственной и эстетической информации. Под информационным варьированием понимаем динамику смысловых компонентов внеязыкового значения онама под воздействием фрейма репрезентации и коммуникативного контекста, способность того или иного информационного слоя выходить на первый план, «высвечиваться» в рамках коммуникации для передачи информации.

Для иллюстрации информационного варьирования приведем примеры из книги Lynne Truss “Eats, Shoots & Leaves” (2006), написанной в научно-популярном жанре. Книга адресована британскому читателю и содержит множество ономастических аллюзий, что актуализирует эстетическую функцию чтения. В живой и увлекательной форме автор говорит о пунктуации в английском языке, ироничный и метафорический стиль изложения позволяет не только увидеть, но и почувствовать экспрессивную окраску, колкую иронию, меткий юмор автора, и все это достигается путем использования имен собственных и актуализации их интерпретирующего потенциала путем фокусирования на определенных, релевантных для достижения цели автора, информационных пластах.

“In the meantime, however, I suggest that we ponder the case of Defeatist Bookshop Woman, and consider what she must be like to live with. I can see her now, holding up the queue at an ice-cream vendor, explaining her predicament: “If only one could get an ice cream from somewhere, but it’s hopeless!” Jr standing outside Lincoln Center with a ticket labelled “Bolshoi” in her hand, saying, “If only I could see a ballet once in my life! But I suppose it’s not to be” (Truss xxvii). Автор приводит замечательный пример, иллюстрируя даму с помощью имен нарицательных и с помощью имен собственных, что дает нам возможность проанализировать функционирование имен и их восприятие в коммуникации. Метафора с мороженым выглядит менее экспрессивно, чем метафора с Большим театром и Линкольн-центром, но первая метафора проще (понятнее, особенно для представителей других культур). В прилавке с мороженым дама может выбрать любое мороженое, актуализировано значение наличия большого количества предложений по ее запросу, но она их не видит. Во втором случае метафора актуализирует сразу два значения: перед дамой не один прилавок (как в первом примере), а сразу несколько театров (Линкольн-центр — крупнейший культурный центр Нью-Йорка, местонахождение театра «Метрополитен-опера», Нью-Йоркского филармонического оркестра и ряда других концертных, театральных и образовательных организаций), при том не просто театров, а самых

лучших; это знание мы выводим из энциклопедического значения онима Lincoln Center. И дама находится не только в шаговой доступности от прекрасных театров (нужно только сделать шаг), она еще и держит билет, из названия которого мы понимаем, что это балет Большого театра, одного из лучших театров мира. Ирония фразы и эскалация ее эмоционального посыла во втором примере построена на когнитивном механизме гипербализации с помощью имени собственного в качестве языкового механизма.

В случае реализации оценивающей функции на первый план выходит не образ носителя имени или совокупность информации о нем, а какая-либо ассоциативная черта, профилируемая в его значении и лежащая в основе непрямого употребления данного онима. Отметим, что непрямая функция может быть представлена в двух вариантах: когда с помощью прецедентного имени собственного называют какой-либо другой объект действительности благодаря наличию сходных характеристик в обоих объектах (Шерлок Холмс — любой искатель загадок и разгадок) и когда отсылка идет к исходному носителю имени, но не к его образу в целом (как в селективной и классифицирующей функциях), а к гипербализованному представлению определенной характеристики, с которой данный субъект / объект действительно связан.

“... and we got very worked up after 9/11 not because of Osama bin-Laden but because people on the radio kept saying “enormity” when they meant “magnitude”, and we really hate that” (Truss 5). В данном примере оним Усама бен Ладен репрезентирует терроризм в целом, данное значение формируется с помощью когнитивного механизма генерализации и усиливает эмоциональный посыл отсылки к 11 сентября 2001 г., что происходит благодаря когнитивному механизму профилирования. Автор подчеркивает, что терроризм — это не единственная проблема нашего общества и есть много других, менее заметных вначале, но наносящих более разрушительный вред в итоге. Профилируется идея падения качества образования в Великобритании и всеобщего падения уровня грамотности в целом.

“Of course I punctuate my text messages, I did A-level English,” one young man explained, with a look of scorn. Evidently an A level in English is a sacred trust, like something out of *The Lord of the Rings*” (Truss 19). Здесь мы находим объективацию иронической функции в рамках оценивающей интерпретации, основанной на использовании имени собственного. Произведение «Властелин колец» безусловно широко известно в мире литературы, его содержание знакомо, и скрытая аллюзия на сакральность кольца читается между строк. Одновременно видим иронический укол в сторону восприятия образования

(если у меня A-level, я точно все знаю, и не важно, где и когда этот уровень был подтвержден).

“Every language expert from Dr. Johnson onwards has accepted that it’s a mistake to attempt to “embalm the language” (Truss 21). Имя собственное здесь репрезентирует время с незапамятных времен. Сэмюэл Джонсон являлся английским литературным критиком, лексикографом и поэтом эпохи Просвещения, чье имя, по оценке «Британники», стало в англоязычном мире синонимом второй половины XVIII в. Актуальное значение онима предполагает знание о его годах жизни. В примере также актуализируется эстетическая функция. Представляется возможным говорить о механизме метонимизации образа, его редукции до одной характеристики, проецировании перспективируемой черты для объективации определенно-го значения (с XVIII в.).

“He will opine that if (say) the apostrophe is turning up in words such as “Books”, then that’s a sure sign nobody knows how to use it any more; that it has outlasted its usefulness; it is like Tinkerbell with her little light fading, sustained only by elicited applause; it will ultimately fade, extinguish and die” (Truss 26). В данном случае работает механизм сравнения на основе гештальтного образа феи Динь-Динь. Если люди перестанут верить в существование феи, она умрет. Так и с правилами пунктуации: если люди будут считать их ничего не значащими, ненужными, они исчезнут из употребления. Можно провести и еще одну параллель: голоса фей слишком тихие, чтобы люди их слышали; так и пунктуация, на первый взгляд очень неприметная, и внимание ей почти не отводится в грамматиках и школьной программе. Вспомним также и роль Динь-Динь в сказочной повести “Peter and Wendy” или «Питер Пэн» Джеймса Барри, что дает возможность дополнительной интерпретации актуального значения онима. Через несколько страниц автор возвращается к этому образу и пишет: *“What gives the Civil Service — or, indeed, Warner Brothers — the right to decide our Tinkerbell should die?” (Truss 28).* Здесь Динь-Динь олицетворяет всю систему английского языка, нежелание принимать трансформации, возникшие на американской почве. Динь-Динь символизирует огонек надежды, грамотность восторжествует.

“It’s about how we got punctuation we have today; how such a tiny but adaptable system of marks allows us to notate most (but not all) types of verbal expression; and how (according to Beachcomber) a greengrocer in days of yore inspired Good Queen Bess to create the post of Apostropher Royal” (Truss 34). В данном примере имена собственные реализуют как идентифицирующую функцию (прозвище королевы Елизаветы I), так и оценочную функцию, но последняя не профи-

лируется в актуальном значении онима, образ королевы не репрезентируется, и оценка ее деятельности не важна для понимания настоящего высказывания. Отметим, что в книге довольно много аллюзий на современный британский мир, которые не всегда легко понять носителю другой культуры.

“This was the 1644 equivalent of Ronnie Barker in Porridge, reading the sign-off from a fellow lag’s letter from home, “Now I must go and get on my lover” (Truss 8). Автор использует аллюзию на ситком «Овсянка» с участием известного британского комика Ронни Баркера для иллюстрации комичности сообщений, в которых отсутствуют знаки препинания (и как отсутствие запятой может полностью изменить содержание сообщения). В данном случае персоналия использована в прямой функции наречения, актуализирована для иллюстрирования комического эффекта. Для понимания авторского посыла необходимо знакомство с популярной британской культурой.

“Panellists such as Isobel Barnett and David Nixon would interrupt Roy Plomley with a buzz and say “Tautology!” Around this same time, when other girls of my age were attending the Isle of Wight Festival and having abortions, I bought a copy of Eric Partridge’s Usage and Abusage and cover it in sticky-backed plastic so that it would last a lifetime” (Truss 16). Изабель Барнетт — шотландская радио- и телеведущая, пользовалась высокой популярностью в 1950–1960 годы, Дэвид Никсон — британский телеведущий и фокусник, Рой Пломли — британский радиоведущий, продюсер и драматург, работал на ВВС. Данные личности являются знаковыми, своего рода иконами истории британского телевидения. Они мало известны иностранному читателю, их имена используются для воссоздания определенной ситуации, а именно передачи, в которой ведущие участвовали, для подчеркивания важности грамотной речи, сравнения того, как говорили тогда и что происходит сейчас. Музыкальный Фестиваль на острове Уайт ежегодно проводится в первых числах июня, является одним из самых многочисленных молодежных мероприятий и пользуется высокой популярностью. Будучи лингвистами, с книгой Эрика Партриджа мы знакомы, приведем аннотацию к ней: *“Usage and Abusage is Penguin’s classic linguistic reference book that not only tells you how to use English correctly, but is also a declaration of war on its misuse. Covering grammatical problems, words that are commonly abused and confused, matters of style, as well as providing advice on how to communicate clearly and elegantly, it is the perfect reader for every writer”*. Название известнейшего музыкального фестиваля и название не менее известного справочника по использованию языка конструируют своеобразную полярность, гипербализированную

антонимическую связь, сквозь которую проглядывают полюса грамотности и безграмотности и перспектив реализации грамотной и неграмотной личности в жизни. Имена помогают образно нарисовать картинку и дают ей возможность заиграть понятными читателю красками.

*“If you resort to full stops all the time, by the way, and don’t use anything else, and keep to very short sentences, people who have read H.W. Fowler’s *The King’s English* (1906) will accuse you of “spot plague” and perhaps also assume you are modelling yourself on Ernest Hemingway”* (24). Книга «Королевский английский» была написана братьями Генри Уотсоном Фаулером и Фрэнсисом Джорджем Фаулером и опубликована в 1906 г. и на двадцать лет опережала современное употребление английского языка. Текст характеризуется пространными статьями на тему использования лексики и правил грамматики, приводятся сложные примеры. Стилль Эрнеста Хемингуэя известен своей простотой и отсутствием стилистических оборотов, отвлекающих, по его мнению, читателя от сути. В примере автор использует антропонимы для реализации юмористического эффекта, с одной стороны, и эстетической функции — с другой, знакомство с данными онимами подразумевает наличие довольно высокого уровня читательской компетенции.

“Who cares if members of your family abhor your Inner Stickler and devoutly wish you had an Inner Scooby-Doo instead?” (29). Скуби-Ду не является сегодня героем популярных мультсериалов, как это было когда-то, но его образ вполне узнаваем, и ключевые характеристики «прыгает на руки близким, непоседлив, подвижен» легко актуализируются до сих пор.

“I am reminded of a scene in Woody Allen’s small crooks when an oily Hugh Grant offers to help ignoramus Allen and Tracey Ullman (newly wealthy) with any sort of cultural education” (33). Не будем приводить подробный анализ, лишь подчеркнем, что в данном случае онимы используются в качестве прямой номинации, реализуют как идентифицирующую, так и характеризующую функцию, в которой актуализируется функция комического. Реализация информационного и эстетического потенциала имен собственных зависит от фоновых знаний реципиента.

“This seems simple. But not so fast, Batman” (Truss 41). Данный антропоним легко узнается нашим поколением, так как, можно сказать, каждый знаком с героем популярных американских комиксов. В примере актуализировано значение «герой», который способен быстро решить все проблемы и спасти мир. Актуализируется как ироническая, так и парольная функция, так как современный читатель не часто склонен задумываться над текстом, глубоко вни-

каты и анализировать формы употребления тех или иных единиц языка. Правило должно быть простым и понятным. Однако не все можно решить с наскока, поэтому апелляция к Бэтмену намекает и на современное поколение в целом, не надо спешить.

“The confusion of the possessive “its” (no apostrophe) with the contractive “it’s” (with apostrophe) is an unequivocal signal of illiteracy and sets off a simple Pavlovian “kill” response in the average stickler” (Truss 43). Дискурс Линн Трусс отличается обширностью сфер, которые она использует для иллюстрации правил грамматики английского языка с целью представления текста, перченого юмором с привкусом глубоких и разнообразных знаний, что поддерживает интерес читателя на протяжении всего произведения. Условный рефлекс, описанный И.П. Павловым, вырабатывается при определенных раздражителях, в нашем случае — безграмотном употреблении проиллюстрированных выше форм. Антропоним реализует юмористическую функцию, актуализированную путем гиперболизации как уровня раздражимости, так и ее последствий.

“No matter that you have a PhD and have read all of Henry James twice” (Truss 44). Генри Джеймс за 51 год написал 20 романов, 112 рассказов и 12 пьес, его творчество связывают с переходом от литературного реализма к литературному модернизму, что подчеркивает определенную двусмысленность и сложность как его сюжетных линий, так и языка в целом. В данном примере антропоним реализует функцию индикатора статуса (уровень образования) и одновременно ироническую функцию (даже люди с ученой степенью делают грамматические ошибки).

“Go and tell Virginia Woolf it should be A Room of Ones Own and see how far you get” (Truss 61). Использование ономастического материала преимущественно в прямой функции номинации позволяет автору изящно реализовать ироническую функцию, актуализировать эстетическую функцию и поддерживать интерес читателя как к языку, так и к содержанию произведения до его конца. Примеры, с помощью которых Линн Трусс иллюстрирует правила орфографии английского языка, изобилуют именами собственными, подчеркивая запрос на определенную читательскую компетенцию, с одной стороны, и вариативность языкового изложения — с другой.

Н.Д. Арутюнова писала: «Выбор речевой номинации определяется рядом факторов: стилем повествования, количеством содержащейся в значении имени информации, логико-синтаксической структурой предложения, в которое входит имя, его коммуникативной функцией, фондом общих знаний собеседников, местом данного сообщения в тексте, ситуацией общения, т.е. прагматическим аспектом в речи, этическими нормами, принятыми в данном обще-

стве» [Арутюнова, 1977: 188]. Функциональная вариативность использования имен собственных в коммуникации обусловлена наличием нескольких слоев информации в структуре их значения, что позволяет реализовать идентифицирующую, характеризующую, оценочную, парольную, ироническую, эстетическую и другие функции в одном акте коммуникации. Наличие того или иного типа информации в структуре имени обусловлено спецификой существования его референта в той или иной культуре, что позволяет значению имени развиваться и передавать тончайшие оттенки значения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация (общие вопросы). М., 1977.
2. Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М., 2019.
3. Колианский Г.В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация (общие вопросы). М., 1977.
4. Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 2011.
5. Робустова В.В. Основы концепции спирального развития значений имен собственных // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1. С. 47–58.
6. Телия В.Н. Глубинно-смысловые пласты культуры и ее симболярий в архитектонике фразеологизмов-идиом // Язык и действительность. Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. М., 2007.
7. Truss L. Eats, Shoots & Leaves. L., 2006.

Veronika V. Robustova

THE PROPER NAME MEANING STRUCTURE: INFORMATION VARIATIONS

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; nikarbs@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the structure of the extralinguistic meaning of a proper name, the layers of information that it includes and the circumstances for their actualization. Onym possesses both linguistic and non-linguistic aspects of meaning, which makes possible the development and dynamics of information represented by the non-linguistic component of meaning. In its structure, archetypal, mythological, religious, scientific, historical, geographical, sociocultural, literary and aesthetic types of information are distinguished, the actualization of which depends both on the context of the use of a proper name and on the background knowledge of the recipient. The existence of several information layers in the structure of the meaning of the onym is analyzed from the standpoint of the theory of spiral development of the meaning of the proper name. The cumulative function of onomastic units and their ability to act as components of cultural memory, representative of the cultural and historical heritage is emphasized. The analysis of the functioning of proper names in a popular science text is illustrated with the examples from the work of Lynne Truss “Eats, Shoots & Leaves”. The

interpretive potential of onyms is analyzed, the specifics of dynamics of certain information is singled out in the structure of the meaning of a name in order to achieve the goal of communication both from the point of view of transmitting a certain message, and from the point of view of the expressiveness of the use of linguistic material, which is underlined with the help of the ironic function as realized in it.

Key words: proper name; information variation; spiral development of meaning.

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage».

For citation: Robustova V.V. (2023) The proper name meaning structure: information variations. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 85–95. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Veronika V. Robustova—PhD, Associate Professor, Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; nikarbs@yandex.ru

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. 1977. Nominaciya, referenciya, znachenie // Yazykovaya nominaciya (obshchie voprosy) [Nomination, reference, meaning. *Language nomination (general questions)*]. Moscow, Nauka Publishing House. (In Russ.)
2. Zykova I.V. 2019. Konceptosfera kultury i frazeologiya: Teoriya i metody lingvokulturologicheskogo izucheniya [*Conceptosphere of culture and phraseology: Theory and methods of linguoculturological study*]. Moscow, Lenand. (In Russ.)
3. Kolshansky G.V. 1977. Lingvo-gnoseologicheskie osnovy yazykovoj nominacii // Yazykovaya nominaciya (obshchie voprosy). [Linguo-epistemological foundations of language nomination. *Language nomination (general questions)*]. Moscow, Nauka Publishing House. (In Russ.)
4. Nikonov V.A. 2011. Vvedenie v toponimiku [*Introduction to toponyms*]. Moscow, Publishing house LKI. (In Russ.)
5. Robustova V.V. 2021. Osnovy koncepcii spiral'nogo razvitiya znachenij imen sobstvennyh [The Spiral Development Conception of a Proper Name Meaning]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 47–58. (In Russ.)
6. Teliya V.N. 2007. Glubinnno-smyslovye plasty kultury i ee simbyol'arij v arhitektonike frazeologizmov-idiom // Yazyk i dejstvitel'nost' [Deep semantic layers of culture and its symbols in the architectonics of phraseological units-idioms]. *Language and reality. Collection of scientific works in memory of V.G. Gak*. Moscow, Lenand.
7. Truss L. 2006. *Shoots & Leaves*. London.

Статья поступила в редакцию 06.09.2022;
одобрена после рецензирования 06.10.2022;
принята к публикации 12.10.2022.

The article was submitted 06.09.2022;
approved after reviewing 06.10.2022;
accepted for publication 12.10.2022

С.С. Грецкая

**О КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЯХ ВИРТУАЛЬНОГО
И РЕАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА
МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ТЕКСТА**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; gnole_fungle@mail.ru*

Аннотация. Настоящее исследование посвящено когнитивному моделированию текстового художественного пространства, а именно сопоставительному анализу когнитивных моделей субконцептов «виртуальное пространство» и «пространство реального мира» как фрагментов когнитивной модели текстового художественного пространства, представленного в романе “Walking in Two Worlds” В. Кинью. Под когнитивной моделью текстового художественного пространства, в соответствии с концепцией Е.А. Огневой, понимается представленная в виде исследовательского конструкта воспринятая и осмысленная читателем корреляция проксем, которые составляют номинативное поле художественного концепта «пространство», актуализированного в конкретном произведении. Термин «проксема» используется для обозначения слов или словосочетаний, семантика которых связана с пространственными параметрами.

В статье приводятся данные о количественном соотношении различных типов тематических проксемных моделей, входящих в состав номинативного поля художественных субконцептов «виртуальное пространство» и «пространство реального мира»: моделей персонифицированного и неперсонифицированного антропоцентрически маркированного пространства, а также моделей неперсонифицированного антропоцентрически немаркированного пространства. Для каждой из трех категорий тематических пространственных моделей указываются наиболее частотные типы проксем. Кроме того, приводятся сведения о количестве проксемных моделей, представляющих динамичное пространство, и отмечаются наиболее активно актуализируемые пространственные оси. На основании полученных данных делаются выводы о различной значимости виртуального и реального художественных пространств, представленных в романе: невзирая на то, что юные герои считают реальную жизнь менее значимой, чем свою деятельность в виртуальном пространстве, действительное текстовое пространство оказывается более содержательным, чем виртуальное. Последнее же позиционируется как среда для творческой самореализации, в том числе для возрождения и / или сохранения элементов традиционной культуры.

Грецкая Софья Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; gnole_fungle@mail.ru

Ключевые слова: текстовое художественное пространство; когнитивные проксемные модели текстового художественного пространства; тематические проксемные модели; проксема; соотношение виртуального и действительного текстового художественного пространства; виртуальное пространство как среда для возрождения традиционной культуры; мультикультурная проза.

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-8

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Грецак С.С. О когнитивных моделях виртуального и реального художественного пространства мультикультурного текста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 96–106.

В современной науке вообще и в лингвистике в частности все более осязаемой становится «смена вектора с “описательности” на “моделируемость»» [Белоусов, 2010: 94]. Ввиду укрепления позиций в отечественных лингвокогнитивных исследованиях подхода к языковой интерпретации знания как к когнитивному процессу [Boldyrev, 2020], изучение моделей ментальных репрезентаций разной степени концептуальной сложности, актуализируемых в тексте и в дискурсе, не теряет актуальности: поскольку «языковое сознание не является отдельным, независимым модулем», а «интегрировано в когнитивную систему человека и сопровождает разные виды его взаимодействия с миром, разные виды его деятельности» [Болдырев, 2016: 11], выстраивание когнитивных моделей позволяет не столько обеспечивать «формальную наглядность» [Белоусов, 2010: 95], сколько действительно давать новое знание о взаимодействии коллективного и индивидуального аспектов в разных типах языковой интерпретации, о видении мира конкретным индивидом или группой людей.

В фокусе внимания настоящего исследования находится когнитивное моделирование текстового художественного пространства. Как известно, пространство наряду со временем является не только одним из фундаментальных свойств бытия, но и «общим интерпретирующим концептом», одной из «форм языкового сознания, которыми оперирует человек в познавательных и языковых процессах, передавая коллективно-индивидуальное видение мира, а также собственную его интерпретацию» [Болдырев, 2016: 16] (представляется, что это имел в виду «отец» теории межкультурной коммуникации Э. Холл, отмечая, что пространство «говорит» («space speaks», «space communicates») [Hall, 1959]. Вслед за Е.А. Огневой

под когнитивной моделью текстового художественного пространства (или когнитивной проксемной моделью текста) мы понимаем представленную в виде исследовательского конструкта воспринятую и осмысленную читателем корреляцию различных проксем, которые составляют номинативное поле художественного концепта «пространство», актуализированного в конкретном произведении [Огнева, 2022]. Термин «проксема» используется для обозначения слова или словосочетания, «семантика которого передает пространственный параметр» [Там же: 40].

В качестве материала исследования выступил роман “Walking in Two Worlds”¹ канадского политика Ваба Кинью, в настоящий момент возглавляющего Новую демократическую партию Манитобы. Данное произведение представляет интерес по ряду причин. В. Кинью известен не только как политическая фигура с индейскими корнями, но и как радио- и телеведущий и журналист, освещавший вопросы, связанные с культурным наследием коренных народов, стереотипами о них, их взаимодействием с потомками переселенцев в современной Канаде, образовательными технологиями, способствующими успешной интеграции детей коренных народов в общество при сохранении их традиций и т.п.² Эти и смежные проблемы не могли не найти отражение в его художественном творчестве.

Произведение “Walking in Two Worlds” адресовано айдженерам (или центениалам), родившимся «с телефоном в руке, с пальцем на кнопке» [Молчанова, 2021: 13], в первую очередь представляющим миноритарную культуру в поликультурном обществе. Автор преследует цель не только развлечь, но и обратиться к некоторым реалиям жизни читателя, поднять ряд волнующих его вопросов, в том числе о ценностных ориентирах, о связи с родной культурой, о необходимости и возможностях сопряжения разнообразных миров, к которым он принадлежит, для оформления нормальной культурной и личностной идентичности. «Два мира», вынесенные в заглавие романа, представлены, во-первых, парой «мир традиционной культуры» (для героини это культура анишинаабе (оджибве)) — «мир доминирующей культурной группы», а во-вторых, парой «мир повседневной реальности» — «мир виртуальный» (игровая вселенная, в которой юные герои проживают жизнь, кажущуюся им намного более ценной, чем жизнь реальная). Целью фрагмента исследования, результаты которого представлены в данной статье, является сопоставительное изучение когнитивных проксемных моделей виртуального и реального миров, репрезентированных в художественном

¹ *Kinew W.* Walking in Two Worlds. Penguin Teen, 2021.

² *Welch M.A.* Wab Kinew // The Canadian Encyclopaedia. URL: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/wab-kinew#> (accessed: 15.08.2022).

тексте. Поскольку постпандемийное настоящее заставляет не только детей и молодежь ощущать на себе массированное воздействие цифровой среды («весь мир перешел на виртуальное общение» [Павловская, 2021: 153]), видится актуальным определение соотношения когнитивных моделей художественного виртуального и действительного пространства в произведении о недалеком высокотехнологичном будущем (время действия в романе — ориентировочно двадцать лет спустя после первой пандемии).

В соответствии с концепцией Е.А. Огневой, когнитивная пространственная модель художественного текста иллюстрирует многоуровневость процесса интерпретации, представляя собой конструкт, составленный из когнитивных тематических проксемных моделей. Тематические проксемные модели делятся на персонифицированные и неперсонифицированные, а также на антропоцентрически маркированные и немаркированные. Первая дихотомия связана с тем, что проксеммы могут репрезентировать художественное пространство, описывающее местонахождение героя / персонажа (в таком случае они будут обозначены как персонифицированные) или месторасположение предметов (тогда они характеризуются как неперсонифицированные) [Огнева, Даниленко, 2021]. Антропоцентрически маркированная пространственная модель определяется как «совокупность пространственных маркеров, репрезентирующих героев и персонажей художественного произведения и результаты их деятельности в художественном пространстве», в то время как пространственные маркеры, связанные с описанием природы без отсылок к герою / персонажу, составляют антропоцентрически немаркированную пространственную модель [Огнева, 2022: 41].

В ходе исследований Е.А. Огневой было установлено, что в состав номинативного поля художественного концепта «пространство» входят тематические проксемные модели трех типов: модели персонифицированного и неперсонифицированного антропоцентрически маркированного пространства, а также неперсонифицированного антропоцентрически немаркированного пространства. Добавим, что модели каждого типа могут включать пространственные маркеры, репрезентирующие преимущественно горизонтальную пространственную ось, преимущественно вертикальную или обе одновременно, а также могут быть классифицированы в зависимости от того, статичное или динамичное пространство они актуализируют. Типология проксем, функционирующих в составе пространственных моделей, включает: 1) слова с предлогами в качестве маркеров пространства; 2) глаголы движения или местонахождения человека / месторасположения предмета в пространстве; 3) топонимы; 4) пейзажные единицы [Огнева, 2022: 40–42].

Обратимся к результатам изучения двух фрагментов когнитивной модели текстового художественного пространства, представленного в романе “Walking in Two Worlds”, а именно моделей субконцептов «виртуальное пространство» и «пространство реального мира». Всего в ходе работы было обнаружено 1004 проксемных модели, из которых 452 актуализируют пространство мира блокчейновой игры “The Floraverse” и 552 — пространство окружающего героев реального мира. Среди 552 проксемных моделей, представляющих текстовое пространство действительного мира, было обнаружено 313 (56,7%) антропоцентрически маркированных моделей персонифицированного пространства, 174 (31%) модели неперсонифицированного антропоцентрически маркированного пространства, а также 30 (5,4%) антропоцентрически немаркированных моделей неперсонифицированного пространства. Подобным образом соотносятся друг с другом 452 проксемные модели, которые репрезентируют виртуальное текстовое художественное пространство: из них 294 (65%) являются моделями персонифицированного антропонимически маркированного пространства, 109 (24%) относятся к типу неперсонифицированных антропоцентрически маркированных проксемных моделей, а 21 (4,6%) представляют собой антропоцентрически немаркированные модели неперсонифицированного пространства.

Следовательно, в обоих случаях очевидно преобладание проксемных моделей, актуализирующих местонахождение и движение героев и персонажей, а также результаты их деятельности в художественном пространстве. В таких моделях наиболее частотные проксеммы — это глаголы движения / местонахождения и их сочетания со словами с предлогами в качестве маркеров пространства, например: “Bugz sat in the center of a ring of stones, a spot not far from her home on the Rez, though to anyone else it could’ve seemed like another planet and another time”; “As the honor beats struck, Waawaate worked himself lower to the ground, almost doing the splits as he rolled his shoulders in time with the rhythm. Halfway through the downbeats he popped up, spun around, and, this time facing the opposite direction, worked himself low again”³. Пейзажные единицы оказались не представлены, а топонимы, как реально существующие, так и вымышленные, практически отсутствуют: “But why not let me live closer to where the action is, in Beijing, instead of here in the middle of nowhere?”; “At the moment, her ’Versona was swimming deep in Lake of the Torches”⁴.

Второе место по количеству среди проксемных моделей художественного виртуального и реального миров занимают модели не-

³ *Kinew W.* Op.cit.

⁴ *Ibidem.*

персонифицированного антропоцентрически маркированного пространства: “The tracking device on the back of Feng’s collar flashed, completely unnoticed by either of them”; “Gamertags rose to the heavens”; “Bugz pulled a curved blade with a wooden handle from her pocket”⁵. Из четырех типов проксем, которые составляют номинативное поле художественного концепта «пространство», в данной группе моделей текстового пространства преобладают глаголы движения / месторасположения, следующие по частотности — слова с предлогами как пространственные маркеры: “Her jingles splayed in all directions, the eagle plume in her hair danced in the breeze, and her expression froze with the realization of her inheritance”; “She took careful aim and launched the projectile in a long, soaring arc that delivered its payload directly to the center of the crowd”⁶. Так же, как и в случае с антропоцентрически маркированными моделями персонифицированного художественного пространства, пейзажные единицы в составе моделей антропоцентрически маркированного неперсонифицированного текстового пространства отсутствуют, а количество топонимов незначительно: “The leaders of Clan: LESS had probably calculated they could not defend the real-world nest since it was so close to the Rez”; “Every single pandemic over the past two decades started in China”⁷.

Наконец, модели неперсонифицированного антропоцентрически немаркированного текстового художественного пространства составляют наименьшую по количеству группу. Здесь пейзажные единицы встречаются, в отличие от двух упомянутых выше категорий проксемных моделей, однако они низкочастотны, как и топонимы: “The moonlight and the starry sky above lit the surroundings magically, the atmosphere amplifying every movement of the combatants below”; “The moon shone high above Lake of the Torches, its reflection shimmering across rolling waves”⁸. Подавляющее большинство проксем, фигурирующих в моделях художественного пространства третьей группы, составляют глаголы движения / месторасположения, обычно в связке со словами с предлогами в качестве пространственных маркеров: “Iridescent storm clouds rolled in from another dimension and enveloped the forest”; “This sacred space occupied a clearing hidden in dense woods”; “In its center, as though pierced, was a hole through which the light shone”; “The clouds parted and the aurora borealis stretched its arms across the sky”⁹.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem.

Из приведенных выше данных следует, что доля проксемных моделей, репрезентирующих местонахождение и перемещение героев и персонажей в игровом мире несколько выше (65% против 56,7%), то есть в художественном виртуальном пространстве они или проводят больше времени, чем в текстовом действительном пространстве, или осуществляют более интенсивную деятельность.

Согласно результатам проведенного исследования, в большинстве рассмотренных проксемных моделей актуализируется именно динамичное пространство, причем доля таких моделей среди репрезентирующих персонифицированное антропоцентрически маркированное пространство выше для виртуального мира (84,7% от общего количества таких проксемных моделей игрового художественного пространства против 65% от общего количества проксемных моделей того же типа, представляющих художественное действительное пространство). Аналогичным образом обстоит дело с динамичным пространством, представленным в непсонифицированных антропоцентрически маркированных моделях. Выраженное в процентах количество моделей данного типа для игрового пространства больше, чем для реального: 77% против 62,9%. В сравнении с показателями когнитивных проксемных моделей, репрезентирующих антропоцентрически маркированное пространство, расхождение в части актуализации антропоцентрически немаркированного пространства значительным не представляется: динамику виртуального пространства передают 62% проксемных моделей третьего типа, а динамику мира действительного — 60%.

Что касается наиболее интенсивно задействуемых пространственных осей, то проксемные, актуализирующие динамику в моделях антропоцентрически маркированного пространства (персонифицированного и непсонифицированного) распределились следующим образом¹⁰. Для текстового виртуального пространства: доля антропонимически маркированных проксемных моделей, представляющих горизонтальную пространственную ось, — 28%, вертикальную — 31%, одновременно горизонтальную и вертикальную — 25%. Для художественного реального пространства: доля антропонимически маркированных проксемных моделей, представляющих го-

¹⁰ Данные приводятся с учетом случаев, когда проксемные маркируют динамичное пространство, но пространственные оси четко не определяются, например, когда речь идет о внезапном появлении / исчезновении персонажа в игровом мире или когда в мире действительном констатируется факт перемещения героя, но семантика глаголов движения и / или слов с предлогами в роли пространственных маркеров не позволяет однозначно определить пространственную ось, вдоль которой осуществляется движение ("I'm leaving China" или "Well, he got in some trouble and his fam got scared and sent him to live with his auntie in a town called Bel-Air...").

горизонтальную пространственную ось, — 57%, вертикальную — 12,4%, одновременно горизонтальную и вертикальную — 21,7%. Значит, в текстовом пространстве мира реального более чем в два раза чаще актуализируется горизонтальная пространственная ось, в то время как в художественном виртуальном динамичном пространстве в два с половиной раза активнее используется вертикальная. Предположение о более свободном от законов физики текстовом виртуальном пространстве представляется не вполне убедительным: если бы оно было справедливо, то количественные расхождения в части одновременной актуализации горизонтальной и вертикальной пространственных осей в реальном и игровом мирах, вероятно, были бы намного более заметными. Подробный анализ проксемных моделей виртуального персонифицированного антропоцентрически маркированного пространства позволяет прояснить роль игрового и действительного художественного пространства в соответствии с интенцией автора.

В отличие от антропоцентрически маркированных моделей текстового реального пространства, проксемные модели художественного виртуального мира репрезентируют как людей, так и очень активно функционирующих в игре персонажей-помощников, на создание которых героиню вдохновила культура анишинаабе. Связь с культурными корнями девочка стремится поддерживать всеми силами, главным образом буквально воплощая фрагменты родной культуры в виртуальном пространстве. Среди таких персонажей в игровом мире легендарная Громовая птица (Thunderbird) и мифический водный зверь Мишипишу (Mishi-pizhiw), отсюда высокая частотность связанных с ними разнообразных перемещений по вертикали. Если не учитывать проксемные модели, репрезентирующие указанных и иных «волшебных помощников» героини, то картина актуализации динамичного художественного пространства будет несколько другой: из всех когнитивных проксемных моделей персонифицированного антропоцентрически маркированного виртуального пространства динамику передают 145, а это 49% против 65% в случае с моделями персонифицированного антропоцентрически маркированного реального пространства, то есть художественное действительное пространство на деле оказывается более насыщенным в плане актуализируемых в нем действий, чем игровое.

Таким образом, проведенный анализ двух фрагментов когнитивной модели текстового художественного пространства, представленного в романе “Walking in Two Worlds”, — моделей субконцептов «виртуальное пространство» и «пространство реального мира» — позволяет заключить, что текстовое виртуальное пространство,

созданное автором, не превосходит художественное реальное пространство по содержательности, даже с учетом использования героями возможностей новейших технологий, позволяющих как наслаивать на действительный мир дополненную реальность, так и полностью погружаться в виртуальное пространство посредством своей 'Версоны' (по аналогии с «Персоной», образовано от названия игрового мира "The Floraverse"). «Человечеству дана возможность по-новому взглянуть на свой путь, в том числе и в вопросах сохранения традиций и традиционной культуры» [Павловская, 2021: 163] — данное утверждение как вариант интерпретации глобальных бед типа пандемии COVID-19 оказывается применимо и к технологическим скачкам, с которыми связана жизнь человечества в целом: в проанализированном мультикультурном художественном тексте виртуальное пространство позиционируется не как замена действительному пространству, а как среда для творчества, дающая культуре возможность выполнять свою «терапевтическую функцию» [Молчанов, Шадрина, 2020]: она позволяет возрождать элементы традиционной культуры и осмысливать свою культурную идентичность, а также доносить их до широкой аудитории, не принадлежащей к данной группе, расширяя кругозор и способствуя улучшению взаимопонимания между культурами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусов К.И. Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности // Вестник ОГУ. 2010. № 11(117). С. 94–97.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.
3. Молчанов Д.В., Шадрина Д.В. Новые коммуникативные функции культуры во время пандемии COVID-19 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 99–107.
4. Молчанова Г.Г. Генерационная поликодированность коммуникативных модусов. Какой он, человек нового поколения? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 9–16.
5. Огнева Е.А. Концепция когнитивного моделирования текстового художественного пространства // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 37–49.
6. Огнева Е.А., Даниленко И.А. Дуальность художественного концепта как текстовый информативный код. М., 2021.
7. Павловская А.В. Пандемия COVID-19 и проблемы сохранения традиционной культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 3. С. 150–164.
8. Boldyrev N.N. The Interpretive Dominant in The Cognitive Theory of Language // Philological Readings. Vol. 83. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. P. 1–8.
9. Hall E.T. The Silent Language. N.Y., 1959.

Sof'ya S. Gretskaia

ON COGNITIVE MODELS OF VIRTUAL SPACE AND REAL SPACE IN MULTICULTURAL FICTION

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, gnole_fungle@mail.ru

Abstract. The present paper focuses on the cognitive modelling of literary text space. The aim of the research was to conduct a comparative study of the cognitive proxemic models of the subconcepts “virtual space” and “real space”, as represented in the multicultural novel «Walking in Two Worlds» by W. Kinew. In accordance with E.A. Ogneva’s research, a cognitive model of literary text space is defined as a construct which demonstrates the correlation between various constituents of the nominative field of the literary concept “space”, which is perceived and comprehended by the reader. The term “proxeme” is used to denote a word or a word combination that is semantically related to parameters of space. The article presents data on the quantitative relation between the types of thematic proxemic models which comprise the nominative field of the literary subconcepts “virtual space” and “real space”, namely, models of personalised anthropocentrically marked literary text space, models of non-personalised anthropocentrically marked literary text space, as well as those of non-personalised anthropocentrically unmarked literary text space. For each of the abovementioned categories of proxemic models the most common types of proxemes are identified. In addition to this, the representation of dynamic literary text space and the spatial axes is examined. The results obtained highlight the qualitative differences between the significance of the virtual literary text space and the real literary text space, as conceived by the author of the novel. Despite the fact that the characters perceive real life as less salient and important than their performance in the virtual space, the real literary text space turns out to be more intense in terms of human activity than the virtual literary text space and, therefore, not less meaningful, whereas the virtual text space is represented as an environment conducive to creativity alongside revival and/or preservation of traditional culture.

Key words: literary text space; cognitive proxemic models of literary text space; thematic proxemic models; proxeme, correlation between virtual and real literary text space; virtual space as the space for the revival of traditional culture; multicultural fiction.

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage».

For citation: Gretskaia S.S. (2023) On cognitive models of virtual space and real space in multicultural fiction. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 96–106. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Sof'ya S. Gretskaia — PhD, Associate Professor at Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Lan-

REFERENCES

1. Belousov K.I. 2010. Model'naya lingvistika i problemy modelirovaniya yazykovoi real'nosti [Model linguistics and the problem of language reality modeling]. *Vestnik OGU*, no. 11 (117), pp. 94–97. (In Russ.).
2. Boldyrev N.N. 2016. Kognitivnye skhemy yazykovoi interpretatsii [Cognitive schemas of linguistic interpretation]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 4, pp. 10–20. (In Russ.).
3. Molchanov D.V., Shadrina D.V. 2020. Novye kommunikativnye funktsii kul'tury vo vremya pandemii COVID-19 [New communicative function of culture in COVID-19 pandemic]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 99–107. (In Russ.).
4. Molchanova G.G. 2021. Generatsionnaya polikodovost' kommunikativnykh modusov. Kakoi on, chelovek novogo pokoleniya? [Generational polycodeness of communicative modality. Who is a new generation person?] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–16. (In Russ.).
5. Ogneva E.A. 2022. Kontseptsiya kognitivnogo modelirovaniya tekstovogo khudozhestvennogo prostranstva [The theory of cognitive modeling literary text space]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 2, pp. 37–49. (In Russ.).
6. Ogneva E.A., Danilenko I.A. 2021. Dual'nost' khudozhestvennogo kontsepta kak tekstovyi informativnyi kod [Duality of a literary concept as an informative textual code]. Moscow, Editus. (In Russ.).
7. Pavlovskaya A.V. 2021. Pandemiya COVID-19 i problemy sokhraneniya traditsionnoi kul'tury [The COVID-19 pandemic and issues in the preservation of traditional culture]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 150–164. (In Russ.).
8. Boldyrev N.N. 2020. *The Interpretive Dominant in The Cognitive Theory of Language*. In A. Pavlova (ed.). *Philological Readings*, vol. 83. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. European Publisher, pp. 1–8.
9. Hall E.T. 1959. *The Silent Language*. New York, Doubleday & Company, Inc.

Статья поступила в редакцию 27.08.2022;
одобрена после рецензирования 27.09.2022;
принята к публикации 12.10.2022

The article was submitted 27.08.2022;
approved after reviewing 27.09.2022;
accepted for publication 12.10.2022

Х.У. Юсупов

ПЕРЕВОД ФАНТАСТИКИ: СОЗДАНИЕ НОВЫХ ВЫМЫШЛЕННЫХ РЕАЛИЙ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; khalid.iusupov@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется феномен создания новых реалий как способ передачи реалий вымышленного мира (особая разновидность лингвистических реалий, также известная как «квазиреалии» и «ирреалии» (irrealia), служащая для описания всех аспектов фантастического мира: флоры и фауны, быта, социально-политического устройства и т.д.). Создание новой реалии трактуется как включение в текст перевода лексической единицы, частично сохраняющей связь с исходной вымышленной реалией и связанным с ней референтом либо устраняющей эту связь полностью. В случае, когда новая реалия сохраняет связь с исходной лексической единицей и ее референтом, происходит создание новой реалии-слова, что во многом представляет собой попытку вторичной номинации исходной вымышленной реалии оригинала, нежели непосредственный перевод. Данный вид создания новых реалий отчасти напоминает модуляцию, но отличается от нее невозможностью установления прямых зависимостей по типу «часть — целое», «причина — следствие» и т.д. Создание новой реалии с устранением связей с оригиналом, в свою очередь, подразумевает создание новой реалии-предмета, собственного изобретения переводчика, отсутствующего в оригинале, что отчасти напоминает адаптацию, но не обязательно является ею. В обоих случаях создание новой реалии представляет собой творческий процесс, обусловленный личностью переводчика и его авторским видением оригинала. Создание новых реалий продемонстрировано на примере переводов реалий из романов Е. Замятина «Мы», О. Хаксли «О дивный новый мир» и Дж. Оруэлла «1984».

Ключевые слова: ирреалии; квазиреалии; перевод; реалии; реалии вымышленного мира; фантастика.

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-9

Для цитирования: Юсупов Х.У. Перевод фантастики: создание новых вымышленных реалий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 107–115.

Передача безэквивалентной лексики традиционно является одной из основных тем природоведческих исследований. В.Н. Комиссаров определяет безэквивалентную лексику как «единицы ИЯ, которые

Юсупов Халид Умалтович — аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, khalid.iusupov@yandex.ru

не имеют регулярных соответствий в языке перевода» [Комиссаров, 1990: 147]. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, в свою очередь, трактуют данный термин как «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с каким-либо иноязычным лексическим понятием» [Верещагин, Костомаров, 1990: 42]. Как отмечают С. Влахов и С. Флорин, к безэквивалентной лексике можно отнести целый ряд лексических единиц: реалии, имена собственные, междометия, звукоподражания, фразеологизмы, аббревиатуры, термины и т.д. [Влахов, Флорин, 1980: 47]. При этом особый интерес у исследователей, занимающихся вопросами безэквивалентности, вызывает передача реалий. Высокий интерес исследователей к проблеме передачи данного вида лексики обуславливает наличие различных подходов к определению термина «реалия»: с одной стороны, реалии могут трактоваться как культурно-специфические предметы, понятия и явления объективной реальности (реалии-предметы), а с другой — как лексические единицы, слушающие для их обозначения (реалии-слова). Так, А.В. Федоров отмечает, что реалия — это «экстралингвистическое понятие», в связи с чем нельзя говорить о переводе реалий как таковых [Федоров, 2002: 152]. Словосочетание «перевод реалий» исследователь понимает как терминологическую ошибку, поскольку переводу могут подвергаться только «названия реалий» [Федоров, 2002: 171]. С. Влахов и С. Флорин, в свою очередь, трактуют термин «реалия» как «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому» [Влахов, Флорин, 1980: 47]. При этом исследователи отмечают, что реалии, будучи носителями национального и / или исторического колорита, зачастую не имеют эквивалентов в языке перевода, в связи с чем не поддаются переводу на «общих основаниях», требуя «особого подхода» [Влахов, Флорин, 1980: 47]. Помимо вышеуказанных подходов к определению термина «реалия», также можно выделить еще один, связанный с исследованиями в области когнитивной лингвистики. Как отмечает О.А. Корнилов, «национально-специфические сенсibiliии порождают национально-специфические концепты, которые, имея в языке лексические соответствия, образуют в лексической системе этнического языка пласты национально-специфической лексики» [Корнилов, 2003: 147]. Иными словами, воспринимаемый тем или иным языковым коллективом фрагмент внешнего мира получает свое словесное воплощение, преломляясь через сознание этноса. При этом непосредственно лингвистические реалии можно трактовать как словесное выражение культурно-специфических концептов, отсутствующих в сознании носителей других языков и культур.

Понятие лингвистической реалии может быть перенесено в плоскость вымышленных миров: как правило, вымышленные миры наполнены различными предметами, понятиями и явлениями, являющимися отличительной чертой данного мира и не имеющими полноценных аналогов в реальности. Лексические единицы, служащие для обозначения данных предметов, понятий и явлений, можно охарактеризовать как особый вид реалий, функционирующий в рамках жанра фантастики. Исследователи выделяют несколько терминов для обозначения данного вида реалий: квазиреалии, реалии вымышленного мира и ирреалии (*irrealia*). Так, Ю.Е. Тараканова определяет квазиреалии как «слова (словосочетания), связанные с тематикой научно-фантастических произведений, с описанием теоретически возможных, но не осуществленных в настоящее время, решений научных или технических проблем, с описанием элементов окружающей среды вымышленного мира» [Тараканова, 2009: 295]. При этом, как отмечают И.А. Бубнова и С.В. Рогатова, квазиреалии, будучи искусственно созданными лексическими единицами, зачастую не имеют готовых соответствий в языке перевода [Бубнова, Рогатова, 2022: 154]. Данная проблема усугубляется тем обстоятельством, что квазиреалии нередко являются единицами вымышленных языков [Бубнова, Рогатова, 2022: 154]. Термин «ирреалии» (*irrealia*), предложенный финским исследователем М. Лопоненом, в свою очередь, трактуется как «знаки, с помощью которых вымышленный мир обретает свою фантастичность и откалывается от реального мира, утверждая свою независимость непосредственно в качестве вымышленного конструкта; при помощи данных знаков вымышленный мир также может обозначать свою принадлежность к другому вымышленному миру, зависимость от него, или наличие с ним интертекстуальных связей» [Loponen, 2009: 167]. Таким образом, реалии вымышленного мира, так же известные как «квазиреалии» и «ирреалии», представляют собой особый вид лингвистических реалий, служащий для описания вымышленного мира во всех его аспектах. Вымышленные реалии указывают на точки пересечения и несовпадения между реальностью и вымыслом, благодаря чему фантастические миры и обретают свою фантастичность.

Вымышленные реалии наследуют все трудности перевода, связанные с реалиями обычными: в языке перевода может не быть готового соответствия для исходной лексической единицы, при этом остается актуальной проблема сохранения колорита, в данном случае фантастического. Возможность передачи вымышленных реалий при помощи подбора готовых соответствий зависит от степени мотивированности той или иной реалии невыдуманскими лексическими единицами: реалии, представляющие собой авторские неоло-

гизмы, как правило, плохо поддаются переводу и требуют применения различных способов передачи безэквивалентной лексики (калькирование, транскрибирование, транслитерирование, подбор функционального аналога и т.д.), в то время как реалии, представляющие собой или имеющие в своем составе невыдуманнные лексические единицы, обычно поддаются переводу (впрочем, это не означает, что вымышленные реалии данного вида всегда передаются при помощи подбора готового соответствия). Анализ переводов классических и современных романов-антиутопий («Мы» Е.И. Замятина, «О дивный новый мир» О. Хаксли, «1984» Дж. Оруэлла и «Не отпускай меня» К. Исигуро) позволил нам выделить ряд основных способов передачи реалий вымышленного мира, которые во многом пересекаются с уже известными способами передачи безэквивалентной лексики. Так, основные способы передачи вымышленных реалий включают: транскрибирование и транслитерирование (prole — прол; versificator — версификатор), калькирование и полукалькирование (newspeak — новояз; bokanovskification — бокановскификация), подбор готового соответствия (Organ Store — склад органов; The Ministry of Peace — министерство мира), применение трансформаций (telescreen — монитор (генерализация)), введение в текст произведения функционального аналога (нумератор — intercom) и адаптацию (goodwise, goodthinkwise — жабный, жабно (примеры, объясняющие принцип работы новояза из романа Дж. Оруэлла «1984»)). Однако есть и такие способы передачи вымышленных реалий, которые нельзя назвать характерными для передачи всех реалий. В частности, к ним относятся: передача реалии при помощи переводческого неологизма (Organ Store — органохранилище), передача реалии при помощи введения имени собственного (ice cream soma bar — бар «Сомороженое»), а также создание новой реалии. Мы бы хотели остановиться подробнее именно на анализе последнего способа передачи реалий вымышленного мира.

Под созданием новой реалии мы понимаем введение в текст перевода собственного изобретения переводчика, при котором связь с исходной лексической единицей и стоящим за ней референтом либо сохраняется частично (в таком случае уместно говорить о создании новой реалии-слова, обозначающей тот же самый феномен вымышленного мира), либо устраняется полностью (в данном случае переводчик привносит в текст произведения и новую реалию-предмет). Существование данного способа передачи вымышленных реалий обусловлено, с одной стороны, творческой природой переводческой деятельности, а с другой — самой природой жанра фантастики и его основной функцией — конструиро-

ванием миров, не похожих на реальность. Применяя данный способ передачи вымышленных реалий, переводчик превращается в полноценного соавтора фантастического произведения, привнося в оригинал частичку собственного видения оригинала и стоящего за ним вымышленного мира. С этим обстоятельством связана и основная трудность, сопровождающая создание новой реалии: велик риск существенно изменить семантику и дух оригинала, исказить выстроенную автором систему образов. По этой причине данный способ передачи реалий вымышленного мира остается одним из наименее частотных (в особенности данное утверждение верно для создания новой реалии-предмета).

Создание новой реалии-слова, в сущности, представляет собой подбор нового названия для уже существующей вымышленной реалии-предмета. В качестве примера можно рассмотреть следующие случаи передачи реалий вымышленного мира: Математические Нонны — *Mathematical Norms*; *The Hourly Radio* — Аурли Таймс; *Gamma Gazette* — Гамма Ньюс; *Aurora Bora Palace* — Полюсное сияние; *Scent and Colour Organ* — Эзотерический Орган. Несмотря на то, что вышеуказанные примеры переводов вымышленных реалий сохраняют некоторые элементы семантики оригинала, целиком они воспринимаются скорее как попытка вторичной номинации описываемых реалий, нежели как просто перевод исходной единицы. При этом стоит отметить, что создание новой вымышленной реалии с сохранением элементов семантики оригинала в определенном смысле напоминает модуляцию: мы можем выстроить определенную логическую связь между оригиналом и полученным вариантом перевода, например *Aurora Bora Palace* (название отеля из романа «О дивный новый мир») → отсылка к *aurora borealis* (полярное / северное сияние) → Полюсное сияние; Математические Нонны (название поэтического произведения из романа «Мы», повествующего о правилах арифметики) → произведение обучает школьников математическим правилам (нормам), к тому же само имя «Нонна» созвучно со словом «норма» → *Mathematical Norms*). Тем не менее, от обычной модуляции данный способ передачи вымышленных реалий отличается невозможностью выстроить прямую зависимость по типу «часть — целое», «причина — следствие», «изделие — материал» и т.д. Чтобы понять логику применения данного способа передачи вымышленных реалий, нам нужно глубже вникнуть в контекст произведения, подключить фоновые знания и попытаться посмотреть на оригинал глазами переводчика. Ко всему прочему, создание новой реалии с сохранением семантики оригинала может соприкасаться с такими способами передачи вымышленных реалий, как введение переводческого неологизма и имени собственного:

Bombay Green Rocket — ракета «Бомбейский экспресс»; Bank of Europe — Фордоевропейский банк. Вышеприведенные доводы дают нам основание полагать, что создание новой реалии-слова с сохранением элементов семантики оригинала стоит рассматривать скорее как самостоятельную комплексную лексико-грамматическую трансформацию, лишь отчасти напоминающую модуляцию. Также стоит отметить, что создание новой реалии-слова может происходить и с более существенным устранением семантики исходных лексических единиц, когда переводчик конструирует новую реалию-слово исходя из функции реалии-предмета, что в определенном смысле сближает данный способ передачи вымышленных реалий с описательным переводом: Community Singery — Дворец фордослужения / Общество фордопоклонников (в данном случае мы также наблюдаем применение переводческого неологизма).

Создание переводчиком новой реалии-предмета, в свою очередь, заключается в замене вымышленной реалии-предмета оригинала на реалию-предмет, сконструированную им самостоятельно, что отчасти напоминает адаптацию, но не всегда ею является (адаптация заключается в приближении восприятия текста перевода реципиентом перевода к восприятию оригинала реципиентом оригинала, что не является обязательной целью создания новой реалии-предмета). Примером создания новой реалии-предмета в целях адаптации может послужить перевод реалии Escalator Squash из романа О. Хаксли «О дивный новый мир», которая была передана переводчиком как «Эскалаторный Смашбол». В сущности, переводчик придумал собственный вид спорта (смашбол), которого нет ни в мире оригинала, ни в реальности. Тем не менее, данный вариант перевода является оправданным: русскоязычный реципиент перевода может быть не знаком со сквошем (спортивная игра, в которую играют мячом и ракеткой в закрытом помещении), в то время как полученный вариант перевода сохраняет футуристичность оригинала и предельно ясно дает понять, что речь идет именно о некоем виде спорта (окончание «-бол»). Еще одним примером создания новой реалии-предмета является перевод следующего фрагмента текста из того же романа: “Turning towards him, «What were you playing this afternoon?» the girl on his left enquired. «Obstacle, or Electro-magnetic?»”. Под Obstacle и Electro-magnetic в оригинале имеются в виду названия видов гольфа, которые ранее упоминаются в тексте произведения. При переводе на русский язык данный фрагмент текста претерпел существенные изменения: «Девушка, сидевшая слева от Бернарда, повернулась к нему. — На чем ты сегодня играл? — спросила она. — На копулятивном кис-

лофоне или на клиторической гитаре?». Таким образом, реалии *obstacle golf* и *electro-magnetic golf* были заменены на реалии «копулятивный кислофон» и «клиторическая гитара». Как можно убедиться, ознакомившись с предложенными фрагментами текста, в данном случае создание новой реалии-предмета привело к существенному искажению образности и тональности оригинала: футуристичная разновидность гольфа превратилась в, по-видимому, инструмент плотских утех. При этом трудно определить, какими именно соображениями руководствовался переводчик, вводя в мир и текст произведения вышеуказанные реалии. Как было отмечено выше, реалии *obstacle golf* и *electro-magnetic golf* встречаются в тексте неоднократно, при этом автор анализируемого перевода ранее передал их как «штурмовой гольф» и «электромагнитный гольф» соответственно. Иными словами, не до конца понятно, почему автор данного перевода отказался от передачи уже знакомых ему вымышленных реалий в данном фрагменте текста. По этой же причине данный пример перевода трудно назвать адаптацией: встает вопрос, действительно ли клиторическая гитара окажется более доступной для интерпретации русскоязычным реципиентом перевода, чем электромагнитный гольф. Таким образом, единственным очевидным объяснением данного решения может послужить творческий подход переводчика к передаче исходных реалий, его желание привнести в мир произведения частичку себя.

Мы считаем возможным заключить, что создание новой реалии — это целиком творческий процесс, при этом мотивы применения данного способа передачи вымышленных реалий могут быть различными: от простого желания «приукрасить» оригинал (когда переводчику просто кажется, что так будет лучше) до попытки эксплицировать неявно выраженные элементы смысла (ср. *Aurora Bora Palace*, Дворец Авроры Боры и Полусное сияние). Создание новой реалий также может быть применено и при адаптации текста, если вымышленная реалия имеет тесную связь с феноменами культуры автора, которые могут отсутствовать в языковом и культурном опыте реципиентов оригинала. Несмотря на конкретный мотив применения данного способа передачи вымышленных реалий, неизменным остается одно: создание новой реалии напрямую обусловлено личностью переводчика и его видением оригинала. С этим обстоятельством связана и основная опасность создания новой реалии, о которой мы упоминали ранее: риск исказить систему образов оригинала. В связи с этим данный способ передачи вымышленных реалий должен применяться с особой осторожностью, особенно если речь идет о создании новой реалии-предмета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубнова И.А., Рогатова С.В. Функции полных и частичных квазиреалий в формировании автором образов искусственно созданной литературной вселенной // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3. С. 153–157.
2. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). М., 1990.
5. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
6. Тараканова Ю.Е. Квазиреалии как лексический элемент научно-фантастического текста на примере перевода рассказа «Февраль 1999: Илла» Рэя Брэдбери на русский язык // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. 2009. № 1. С. 294–299.
7. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностранных языков. СПб., М., 2002.
8. Loponen M. Translating irrealia: Creating a semiotic framework for the translation of fictional cultures // Chinese Semiotic Studies. 2009. Vol. 2. No 1. P. 165–175.

Khalid U. Yusupov

TRANSLATING SPECULATIVE FICTION: CREATING NEW FICTIONAL REALIA

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, khalid.iusupov@yandex.ru

Abstract. The article explores creation of new fictional realia as a translation technique. Fictional realia are defined as a special kind of linguistic realia, also known as quasirealia or irrealia, which describes various aspects of fictional worlds: flora and fauna, everyday life, social and political structure, etc. New realia creation involves incorporation of new lexical units in a translated text, which may remain semantically connected with the original realia and its referent or eliminate the connection completely. When the new realia preserve the connection with the original lexical units and their referents, we observe the creation of a new realia-word, which may be categorized as an attempt to redesignate the original realia, rather than a direct translation. This type of realia creation is somewhat similar to modulation, but differs from it due to the impossibility to establish direct logical links, such as “part and whole”, “cause and effect”, etc. Elimination of the aforementioned connections leads to the creation of a new realia-object, the translator’s own invention, which is absent in the original text and the corresponding fictional world. Creation of a new realia-word may resemble adaptation, but it does not necessarily share the same goal. In both cases, creation of new realia is a creative process, which is heavily dependent on the translator’s personality, their own vision. Creation of new realia is demonstrated through the analysis of the translations of fictional realia from “We” by Y. Zamyatin, “Brave New World” by A. Huxley, and “1984” by G. Orwell.

Key words: fictional realia; irrealia; quasi-realia; realia; speculative fiction; translation.

For citation: Yusupov K.U. (2023) Translating speculative fiction: creating new fictional realia. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Inter-cultural Communication*, no. 1, pp. 107–115. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Khalid U. Yusupov — a post-graduate student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; khalid.iusupov@yandex.ru

REFERENCES

1. Bubnova I.A., Rogatova S.V. 2022. Funktsii polnykh i chastichnykh kvazirealii v formirovaniy avtorom obrazov iskusstvenno sozdannoy literaturnoy vselennoy [The functions of complete and partial quasi-realities in the formation of the author's images of an artificially created literary universe]. *Cognitive studies of language*, no. 3, pp. 153–157. (In Russ.)
2. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. 1990. *Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and culture: linguistic and cultural studies in teaching Russian as a foreign language]. Moscow, Russkiy yazyk. (In Russ.)
3. Vlahov S., Florin S. 1980 *Neperevodimoe v perevode* [The Untranslatable in Translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
4. Komissarov V.N. 1990. *Teoriya perevoda (Lingvisticheskie aspekty)* [Translation studies (linguistic aspects)]. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russ.)
5. Kornilov O.A. 2003. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentality]. Moscow, CheRo. (In Russ.)
6. Tarakanova Y.E. 2007 Kvazirealii kak leksicheskii element nauchno-fantasticheskogo teksta na primere perevoda rasskaza "Fevral' 1999: Illa" Reya Bredberi na russkii yazyk [Quasirealities as a lexical element of a science-fiction text based on the Russian translation of the Ray Bradbury's story "February 1999: Ylla"]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, no. 1, pp. 294–299. (In Russ.)
7. Fedorov A.V. 2002. *Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskie problemy): Dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov* [General translation studies (linguistic issues): for institutes and departments of foreign languages]. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU; Moscow, Izdatel'skiy Dom «FILOLOGIYA TRI». (In Russ.)
8. Lopenen M. 2009 Translating irrealia: Creating a semiotic framework for the translation of fictional cultures. *Chinese Semiotic Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 165–175.

Статья поступила в редакцию 03.09.2022;
одобрена после рецензирования 03.10.2022;
принята к публикации 12.10.2022

The article was submitted 03.09.2022;
approved after reviewing 03.10.2022;
accepted for publication 12.10.2022

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ

В.А. Фадеева, М.В. Силенко

АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ НА ПРИМЕРЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ КНР

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; vickyfadeeva@gmail.com; maksimsilenko@yandex.ru*

Аннотация. Начиная с конца 2019 г. в связи с эпидемиологической обстановкой Министерство Образования КНР было вынуждено перевести все учебные заведения Китая на дистанционную форму обучения. Дистанционное обучение, являясь динамически прогрессивным направлением, уже рассматривалось во многих образовательных учреждениях мира как самостоятельная форма, альтернативная очному обучению, и на время пандемии получило возможность в полной мере продемонстрировать свою эффективность, существенно расширив контингент учащихся и повысив их мотивацию к самообразовательной деятельности и профессиональную компетентность. На сегодняшний день Китай является одним из лидеров в применении информационно-коммуникативных технологий в образовании. В данной статье рассмотрен опыт применения ИКТ на примере Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне. В рамках исследования было проведено анкетирование российских студентов университета на тему применения дистанционных образовательных технологий в процессе обучения китайскому языку. Особое внимание в статье уделяется используемым инструментам обучения, методам взаимодействия между преподавателем и студентами и другим трансформациям китайской системы образования в эпоху цифровизации.

Ключевые слова: ИКТ; ДОТ; обучение китайскому языку.

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-10

Фадеева Виктория Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и информационных технологий факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; vickyfadeeva@gmail.com; *Силенко Максим Валерьевич* — соискатель ученой степени кандидата педагогических наук факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне; maksimsilenko@yandex.ru

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Фадеева В.А, Силенко М.В. Анализ использования информационно-коммуникативных технологий в процессе обучения китайскому языку на примере высшей школы КНР // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 116–123.

Процессы глобализации и информатизации сильно повлияли на развитие современной системы образования. В обществе циркулируют огромные потоки информации, мощность и динамика которых такова, что справиться с ними человек может только при помощи новых информационных технологий. Исследования в области использования ИКТ в образовании вызывают бурные дискуссии специалистов в области педагогических наук в России [Кузнецов, 2022; Назаренко, 2013; Фадеева, 2018] и во всем мире [Gabriela, 2020; Ван Сяобо, 2022]. Китай как одна из наиболее технологически развитых стран мира активно внедряет технологии в образование и ищет новые возможности для их использования [Hu Li, 2022; Yu Lizhong, 2020].

Термин «дистанционное обучение» широко используется в России как в академической среде, так и в повседневно-бытовом общении. Стоит отметить, что в Федеральном Законе «Об Образовании в Российской Федерации»¹ нет информации о соответствующем термине. В ст. 16 раскрывается значение таких понятий, как электронное обучение и дистанционные образовательные технологии. В Законе «Об образовании в КНР»² вовсе отсутствуют понятия дистанционного или электронного обучения. В данном исследовании под дистанционным обучением понимается форма получения образования, при которой в образовательном процессе используются традиционные и специфические методы, средства и формы обучения, основанные на компьютерных и телекоммуникационных технологиях³.

Китай занимает первое место по количеству учащихся в мире — 291 млн учащихся проходит обучение в различных формах, из них

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Ред. от 14 июля 2022 г.

² Закон об образовании в КНР (中华人民共和国教育法). Ред. от 2021 г. URL: edu.wenzhou.gov.cn/art/2022/4/15/art_1324587_59022220.html (дата обращения: 06.10.2022).

³ См.: Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009. С. 65.

более 44 млн учащихся получают высшее образование⁴. Использование ИКТ в китайских учебных заведениях не является предметом споров, а скорее — необходимой мерой, которая может повысить качество образования, упростить процесс оценивания результатов, расширить границы образования, сделав его более доступным для отдаленных провинций и бедных слоев населения.

В 2019 г. в соответствии с указаниями Министерства образования КНР «тянь кэ бу тянь сюэ» (停课不停学), что можно перевести как «прекратить занятия, но не прекращать обучение», университетами КНР была проведена масштабная работа по переводу образовательного процесса на дистанционную форму обучения. Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне — уникальный российско-китайский образовательный проект, инициированный высшим руководством России и Китая [Силенко, 2020], также на время пандемии полностью перешел на дистанционное обучение. В университете была создана специальная группа по контролю качества ДО, отвечающая за организацию и контроль учебного процесса, проведен инструктаж преподавателей и студентов по использованию программы для видеоконференций Zoom, приобретены графические планшеты для преподавателей, задействована в работе система управления обучением Moodle. В состав ответственной группы вошли сотрудники управления по академическим вопросам и представители от факультетов и центров. В целях контроля за обучением в течение нескольких месяцев было просмотрено более 500 часов лекций преподавателей. В результате проведенной работы каждому преподавателю были высланы бланки с рекомендациями по улучшению проводимых дистанционных занятий, куда входила информация из опроса студентов о качестве материала, технической грамотности преподавателей, комментарии студентов по улучшению занятий, комментарии группы по контролю качества ДО и рекомендации группы технической поддержки.

В рамках настоящего исследования совместно с управлением по работе со студентами в Университете МГУ-ППИ в Шэньчжэне в октябре 2022 г. было проведено анкетирование среди российских студентов, обучающихся по программам бакалавриата, с целью выявления субъективной оценки эффективности и степени удовлетворенности обучением с использованием дистанционных образовательных технологий. В течение месяца в опросе приняли участие 87 российских студентов четырех разных направлений подготовки, базовая часть дисциплин учебного плана которых содержит китай-

⁴ Официальный сайт Министерства образования КНР. (年全国教育事业发展统计公报) URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-09/15/content_5710039.html (дата обращения: 06.10.2022).

ский язык: филология, прикладная математика и информатика, биология, а также химия, физика и механика материалов. В качестве инструмента для проведения анкетирования был выбран конструктор онлайн-опросов Wenjuanxing, встроенный в мессенджер WeChat. Большая часть студентов (41%) ответили, что им нравится обучаться с использованием ДОТ; 30% студентов считают, что такое обучение им нравится, но является более сложным, чем традиционная форма обучения; 18% студентов отметили, что обучение с использованием ДОТ им не подходит, слишком трудно. В целом большинство студентов (64%) удовлетворены процессом обучения с использованием ДОТ, хотя 56% студентов отметили, что при смене формата обучения у них значительно уменьшился уровень мотивации. Большая часть студентов (36%) не заметила изменений в учебной нагрузке, 26% отметило уменьшение, а 16% — увеличение учебной нагрузки. Студенты высоко отмечают работу преподавательского состава в рамках обучения с использованием ДОТ, 47% студентов считают, что все отлично, понятно и интересно, 26% студентов считают работу преподавателей хорошей, но им не хватает дополнительных материалов по изучаемым темам. Было отмечено немало положительных сторон и преимуществ обучения с использованием ДОТ, таких как: возможность скачать материалы лекции, презентации и другие материалы (68%), возможность повторно посмотреть видеозапись лекции (67%), гибкость учебного процесса (53%), обучение в комфортной и привычной обстановке (51%), индивидуальный темп обучения (44%), возможность самообучения (29%), использование современных технологий обучения (27%). В то же время студенты выделяют и трудности, возникающие в процессе обучения с использованием ДОТ: сложность выполнения практических заданий (55%), неудобство пользования учебной платформой (26%), недостаточное количество дистанционного материала (15%), недостаточное владение компьютерными технологиями (13%), сложности при взаимодействии с преподавателями, проблемы с оборудованием, в частности, сложности в освоении фонетики китайского языка, в частности, студентам не слышны произносимые преподавателем тоны.

В Китае существует большое разнообразие инструментов реализации дистанционного обучения иностранным языкам — это онлайн-форумы, обучающие сайты, открытые учебные платформы, массовые открытые онлайн-курсы. Вместо уже привычных учебных платформ в учебном процессе могут быть использованы популярные среди учащихся онлайн-игры, социальные сети, видеоматериалы блогеров. В случае обучения китайскому языку как иностранному это может быть электронный словарь Pleso, приложение для изуче-

ния языка в игровой форме — HelloChinese, короткие видео обучающего формата из социальной сети Douyin и письменные тексты из китайского сервиса микроблогов Weibo. В процессе взаимодействия с учащимися используются мессенджеры WeChat и QQ, в которых преподаватель в роли администратора создает общие группы, закрытые от других пользователей, где он может делиться полезной информацией, сообщать об актуальных новостях, получать обратную связь. На крупнейшей видеохостинговой платформе в стране Bilibili содержится большое количество обучающего контента, который используется преподавателями со всех уголков Китая; популярны также бесплатные онлайн-семинары, лекции и подкасты крупнейших университетов и предприятий Китая.

В соответствии с проведенным анкетированием в Университете МГУ-ППИ в Шэньчжэне, студенты среди используемых ДОТ выделяют в первую очередь онлайн-лекции (94%), социальные сети (48%), учебные платформы и веб-сайты (55%), а среди программного обеспечения — такие приложения, как Wechat (84%), Moodle (51%), Tencent meeting и Voov (69%). Они высоко оценивают возможности и удобство использования китайских программ: более 59% студентов считают их очень простыми для освоения. Китайские преподаватели университета используют подобные инструменты в первую очередь для проведения онлайн-занятий, размещения учебных материалов и заданий для самостоятельного обучения, проведения онлайн-тестирований, проверки заданий и проведения индивидуальных консультаций.

Китайские исследователи отмечают [Tang Erqin, 2021], что эффективность использования ИКТ в процессе обучения сильно зависит от характера и темперамента учащихся — каждый по-своему воспринимает технологии в образовании. Например, китайские учащиеся очень застенчивы, не готовы передавать преподавателю ссылки на личные странички в социальных сетях или на форумах, и вместо того, чтобы принимать участие в дискуссиях, предпочитают общаться в письменной форме без включенной камеры, таким учащимся больше подходят формы асинхронного обучения, например ведение блогов или общение на тематических форумах, но при асинхронном обучении упускается возможность речевого общения. С другой стороны, в виртуальной среде китайские студенты чувствуют себя более раскованно и уверенно в использовании новой лексики, а также ведении диалогов и презентаций, чем в привычном классе.

К сожалению, даже при повсеместном переходе к дистанционному обучению, исследований в области применения ИКТ в образовании по-прежнему недостаточно, потенциал ИКТ в обучении

иностранным языкам очень высок, а используется только малая его часть. С ростом популярности китайского языка в русскоязычной среде как инструмента межкультурной коммуникации возникает необходимость изучения методов и современных тенденций в обучении китайскому языку. Представленные в статье результаты опроса студентов, а также примеры используемых инструментов при обучении иностранному языку в высших учебных заведениях Китая, показывают, насколько привычны и востребованы сегодня ИКТ в образовательном процессе Китая. В связи с продолжающейся по сегодняшний день борьбой с пандемией можно с уверенностью утверждать, что Китай будет и дальше расширять возможности дистанционного обучения, использовать новые инструменты и технологии в образовательном процессе. Очевидно, что будущее образования в КНР неразрывно связано с технологиями; подходит ли китайский опыт для применения в других странах, в том числе в России, — это вопрос, требующий дополнительного изучения, но опыт передовой державы с наибольшим количеством учащихся в мире бесспорно заслуживает внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ван Сяобо, Чжу Инли.* Сотрудничество Китая и России в сфере высшего образования в новую эпоху: возможности, проблемы и исследования // Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование. 2022. № 1. С. 89–99.
2. *Кузнецов А.А.* Цифровизация российского образования: Перспективы развития // Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование. 2022. № 2. С. 97–101.
3. *Назаренко А.Л.* Информационно-коммуникационные технологии в лингводидактике: дистанционное обучение: Учебник. М., 2013. С. 271.
4. *Силенко М.В.* Специальная экономическая зона КНР — Шэньчжэнь: Становление и перспективы // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2020. № 5. С. 238–258.
5. *Фадеева В.А.* Обучение учителей и преподавателей иностранного языка методам использования ИКТ в профессиональной деятельности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 124–131.
6. *Hu Li, Zhang Fangping.* Innovative Research on the Evaluation and Assessment of Foreign Language Education and Teaching in the Era of Artificial Intelligence // Journal of Huizhou University. 2022.
7. *Gabriela Maria, Vélez Bravo, Alejandro Marcos, Rodríguez Yáñez, Gámez María Rodríguez.* Use of ICT in the Teaching-Learning Process during the COVID-19 Emergency Lockdown: An Analysis of International Cases // International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2020. Vol. 14. Issue 1.
8. *Tang Erqin.* Exploration of on-line teaching of histology in the epidemic of new crown pneumonia // Journal of Higher Education. 2021. Vol. 36. P. 27–30.

9. *Yu Lizhong*. Changing the Fundamental Concept of Teaching and Learning to Promote the Development of Online Education // Online education journal. 2020. Vol. 11. P. 36–38.

Victoria A. Fadeeva, Maksim V. Silenko

ANALYSIS OF THE USE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF TEACHING CHINESE THROUGH THE EXAMPLE OF THE HIGHER EDUCATION OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; vickyfadeeva@gmail.com; maksimsilenko@yandex.ru

Abstract. Since the end of 2019, due to the ongoing epidemiological measures, the Ministry of Education of the People's Republic of China was forced to transfer all educational institutions in China to distance learning. Distance learning, being a dynamically progressive method of teaching, has already been considered in many educational institutions of the world as an independent form, that can be used as an alternative to traditional face-to-face education, or integrated into the general system of the educational process. During the pandemic it was able to fully demonstrate its effectiveness, significantly expanding the contingent of students, increasing their motivation for self-educational activities, and developing their professional competence. Today, China is one of the leaders in the use of Information and Communication Technologies in education. This article examines the experience in the use of ICT in the process of teaching Chinese through the example of two universities from southern and northern China: Xi'an Jiaotong University and Shenzhen MSU-BIT University. Both Universities try using a personality-oriented approach in the learning process, which reflects the trend of development of modern education in China and around the world — lifelong learning. Special attention is paid to the teaching tools used, new methods of interaction between teachers and students, and other transformations of the Chinese education system in the era of digitalization.

Key words: ICT; Chinese language teaching; distance learning.

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Fadeeva V.A., Silenko M.V. (2023) Analysis of the use of information and communication technologies in the process of teaching Chinese through the example of the higher education of the People's Republic of China. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 116–123. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHORS

Victoria A. Fadeeva — PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State Univer-

sity; vickyfadeeva@gmail.com; Maksim V. Silenko — PhD student at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, senior specialist of Shenzhen MSU-BIT University; maksimsilenko@yandex.ru

REFERENCES

1. Van Sjaobo, Chzhu Inli. 2022. Sotrudnichestvo Kitaja i Rossii v sfere vysshego obrazovanija v novuju jepohu: vozmozhnosti, problemy i issledovanija [China-Russia cooperation in higher education in the new era: opportunities, challenges and research]. *Moscow University Bulletin. Series 20. Pedagogical education*, no.1, pp. 89–99. (In Russ.)
2. Kuznecov A.A. 2022. Cifrovizacija rossijskogo obrazovanija: Perspektivy razvitiya [Digitalization of Russian education: perspectives of development]. *Moscow University Bulletin. Series 20. Pedagogical education*, no. 2, pp. 97–101. (In Russ.)
3. Nazarenko A.L. 2013. *Informacionno-kommunikacionnye tehnologii v lingvodidaktike: distancionnoe obuchenie* [Information and communication technologies in foreign language teaching: distance learning]. Moscow, University Press (In Russ.)
4. Silenko M.V. 2020. Special'naja jekonomicheskaja zona KNR — Shjen'chzhjen': Stanovlenie i perspektivy [Special economic zone of China — Shenzhen: Formation and prospects]. *Moscow University Bulletin. Series 6. Economics*, no. 5, pp. 238–258. (In Russ.)
5. Fadeeva V.A. 2018. Obuchenie uchitelej i prepodavatelej inostrannogo jazyka metodom ispol'zovanija IKT v professional'noj dejatel'nosti [Training language teachers to use technology in the classroom]. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*, no. 3, pp. 124–131.
6. Hu Li, Zhang Fangping. 2022. Innovative Research on the Evaluation and Assessment of Foreign Language Education and Teaching in the Era of Artificial Intelligence. *Journal of Huizhou University*.
7. Gabriela María, Véleza Bravo, Alejandro Marcos, Rodríguezb Yáñez, Gámezc María Rodríguez. 2020. Use of ICT in the Teaching-Learning Process during the COVID-19 Emergency Lockdown: An Analysis of International Cases. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*, vol. 14. Issue 1.
8. Tang Erqin. 2021. Exploration of on-line teaching of histology in the epidemic of new crown pneumonia. *Journal of Higher Education*, vol. 36, pp. 27–30.
9. Yu Lizhong. 2020. Changing the Fundamental Concept of Teaching and Learning to Promote the Development of Online Education. *Online education journal*, vol. 11, pp. 36–38.

Статья поступила в редакцию 06.09.2022;
одобрена после рецензирования 06.10.2022;
принята к публикации 12.10.2022

The article was submitted 06.09.2022;
approved after reviewing 06.10.2022;
accepted for publication 12.10.2022

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

О.А. Егорова

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И СТРАТЕГИИ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ «АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ (A2-B1)» В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К СДАЧЕ ИТОГОВОГО ЭКЗАМЕНА ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; egorovaolga29@mail.ru*

Аннотация. В статье проанализированы методические подходы и стратегии учебного пособия «Английский язык для естественнонаучных специальностей (A2-B1)» в системе подготовки бакалавров к сдаче сертификационного экзамена по иностранному языку на уровень B2. Приводится обоснование структуры пособия и логики отбора текстового материала, конкретизируются принципы разработки учебных заданий и упражнений. Делается вывод об актуальности системной и последовательной подготовки бакалавров для выполнения комплексной задачи по повышению исходного уровня владения английским языком до порогового продвинутого уровня (B2) по всем видам речевой деятельности, а также освоению профессиональной лексики и навыков понимания научного дискурса на специализированные темы. Таким образом, требуется строго придерживаться выверенной логической структуры пособия, повышать заинтересованность и мотивацию студентов к самообразованию, рассчитывать время на выполнение различных типов заданий, иметь современное техническое оборудование, а также проводить тестирование с определенной периодичностью.

Ключевые слова: высшее образование; учебное пособие; методика обучения; итоговый экзамен; английский язык; естественнонаучные специальности; мягкие навыки.

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-11

Для цитирования: Егорова О.А. Методические принципы и стратегии учебного пособия «Английский язык для естественнонаучных специальностей (A2-B1)» в системе подготовки студентов к сдаче итогового экзамена по иностранному языку // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 124–137.

Егорова Ольга Арсеновна — кандидат культурологии, доцент кафедры английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; egorovaolga29@mail.ru

Изменившиеся подходы к высшему образованию ставят комплексные задачи в области обучения иностранным языкам. Согласно новому Федеральному государственному образовательному стандарту 3++, изучение иностранного языка — это средство формирования универсальных компетенций, закладывающих фундамент для профессионального развития учащихся в их будущей деятельности. Иностранный язык обладает значительным образовательным потенциалом. С одной стороны, он стимулирует совершенствование личностных качеств студентов, развивает интеллектуальные способности и критическое мышление, с другой — позволяет взглянуть на предметы профессионального интереса в новом измерении, проследить их связи и закономерности. «Необходимость перехода системы высшего образования на ФГОС 3++ связана с изменением структуры программ бакалавриата и магистратуры, а также терминологической заменой общекультурных компетенций на универсальные» [Смирнова, 2019: 205].

Актуальной задачей российского образования на современном этапе является конкурентоспособность выпускников университетов, успешность которых определяется в том числе и умением осуществлять устную и письменную профессиональную коммуникацию на иностранном языке [Митяева, 2008: 57]. Знание английского языка на высоком уровне позволяет специалистам естественнонаучных факультетов МГУ, в частности биологического факультета и факультета почвоведения, быть в курсе современных достижений в биологии, агрономии, сельском хозяйстве, экологии, природопользовании [Полубиченко, Егорова, 2018]. Биологам и почвоведом необходимо использовать мировой опыт для решения актуальных проблем народного хозяйства. Перед ними стоит особенно важная миссия — достижение и поддержание продовольственной безопасности Российской Федерации в сложнейших политических реалиях, в том числе обеспечение независимости, самодостаточности и конкурентоспособности нашей страны по видам продуктов и товаров, снабжение которыми в значительной степени зависело от импорта из европейских и ряда других стран. Очевидно, что для выполнения задач экзистенциального, стратегического характера, таких как разработка новейших научных методик и практических рекомендаций в области естественных наук, владение профессиональной речью на иностранном языке — одно из важнейших условий.

В соответствии с собственными образовательными стандартами МГУ имени М.В. Ломоносова по всем специальностям обязательным является достижение выпускниками уровня B2 по Общеввропейской шкале иноязычной языковой компетенции CEFR. По мнению Л.В. Полубиченко, «это означает необходимость, во-первых, интенсифици-

ровать освоение языка, а во-вторых, проводить выпускные экзамены за вузовский курс в международно признанном формате сертификационного экзамена на искомый уровень, который проверял бы его достижение не на глазок, а по разработанным международным профессиональным сообществом критериям» [Полубиченко, 2016: 151].

Необходимо признать, что овладение выпускниками бакалавриата неязыковых специальностей английским языком на продвинутом уровне — проблема, требующая поиска нестандартных решений, принимая во внимание тот факт, «что от поступающих на естественно-научные факультеты МГУ не требуется ни сдачи ЕГЭ, ни прохождения вступительного испытания по иностранному языку» [Полубиченко, 2021: 211]. «Несмотря на то что дисциплина «Иностранный язык» относится к базовой части ООП и является обязательной, ситуация, когда на освоение данной дисциплины отводится крайне ограниченное количество часов в рамках учебного плана, типична для естественно-научных факультетов МГУ, в частности, для таких направлений, как 06.03.01 «Биология» на биологическом факультете, 06.01.01 «Лечебное дело» на факультете фундаментальной медицины, ИБ 06.03.02 «Почвоведение» и ИБ 05.03.06 «Экология и природоиспользование» на факультете почвоведения и др.» [Харламенко, 2020: 175].

«Ключом к решению этой задачи на ряде естественнонаучных факультетов стал коренной пересмотр форм контроля и оценивания в курсе английского языка специальности в бакалавриате и интегрированной магистратуре, что повлекло за собой соответствующую переработку программ подготовки, учебных материалов, критериев оценки, фонда оценочных средств и пр.» [Полубиченко, 2021: 210].

Очевидно, что создание учебных материалов нового поколения способствует реализации поставленных в МГУ амбициозных целей. Так, на кафедре английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения с целью подготовки бакалавров к сдаче итогового сертификационного экзамена по английскому языку на уровень B2 было разработано учебное пособие «Английский язык для естественнонаучных специальностей (A2 — B1)» [Егорова, Кожарская, Полубиченко, 2022]. Оно составлено в соответствии с методическими требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО 3++) и адресовано бакалаврам, владеющим коммуникативными компетенциями на уровне A2 — B1 по Общеввропейской классификации степени владения иностранным языком. По завершении обучения бакалавры поднимают исходный уровень владения английским языком до продвинутого уровня (B2) по компетенциям и видам речевой деятельности, на которые направлены задания и упражнения пособия.

Учебное пособие соответствует профессиональным интересам студентов естественнонаучных факультетов, выстроено по единому плану и содержит две основные части. Тексты и лексика первой части пособия отражают понятия и явления, лежащие в основе биологических наук — строению и жизненным циклам растений, особенностям процесса фотосинтеза, структуре и биологии клетки, метаболизму, анаболизму и катаболизму клетки. Материалы второй части охватывают наиболее важную тематику экологии и природопользования — развитие и эволюцию экосистемы, принципы пищевой цепи, землепользование, загрязнение и охрану окружающей среды, типы взаимодействий между видами популяций организмов.

Тексты пособия единообразны по научному стилю, логичны, информативны и увлекательны. Они отобраны из авторитетного классического учебника “Fundamentals of Ecology” Юджина Одума — выдающегося американского биолога и эколога, а также из современных аутентичных британских и американских научных журналов, энциклопедий, научных сайтов сети Интернет [Odum, 2001].

Необходимо отметить также лексический и терминологический потенциал текстовых материалов, насыщенность их устойчивыми конструкциями и выражениями, присущими профессиональному дискурсу и подлежащими усвоению в ходе занятий по специальному английскому языку.

Основная цель учебного пособия — подготовка учащихся, владеющих в начале курса обучения английским языком на уровне A2 — B1, к сдаче итогового сертификационного экзамена по английскому языку на уровень B2 за курс бакалавриата. «Экзамен объемный, проходит в два дня и проверяет достижение уровня B2 по разработанным международным профессиональным сообществом критериям, скорректированным под задачи оценивания результатов овладения английским языком специальности. В его содержании представлены, а следовательно, и развиваются в процессе обучения все виды речевой деятельности — чтение, аудирование, письмо (которым до введения экзамена занимались отрывками, да и то лишь в более продвинутых группах) и говорение. Соответственно, экзамен включает пять традиционных в такого рода испытаниях аспектов с традиционными для каждого из них типами заданий: Reading (чтение), Use of English (лексико-грамматический тест), Listening (аудирование), Writing (письмо) и Speaking (говорение)» [Полубиченко, 2021: 213].

Учебное пособие «Английский язык для естественнонаучных специальностей (A2 — B1)» содержит разделы и рубрики, направленные на полноценное овладение студентами перечисленными навыками, а также поэтапный контроль усвоения нового материала. При этом координация и взаимосвязь профилирующих дисциплин

и иностранного языка обеспечивают формирование универсальных компетенций студентов.

Проанализируем логику построения учебного пособия, чтобы продемонстрировать, как в нем последовательно реализуются поставленные цели.

Первая часть сертификационного экзамена по английскому языку в международном формате за курс бакалавриата **Reading (чтение)** включает письменные задания, направленные на проверку навыков просмотрового, поискового и изучающего профессионально ориентированного чтения. Заметим, что развитие умений разноцелевого чтения предполагает совершенствование стратегий работы учащихся с новым текстовым материалом. Для этого требуется формирование целого ряда компетенций, таких как способность предугадать содержание текста, понять его концептуальные составляющие, распознать ключевую информацию текста и правильно интерпретировать ее, подтвердить выдвинутые гипотезы с использованием имеющейся информации. При этом принципиально важно научить бакалавров самостоятельной работе с оригинальными профессиональными текстами и статьями на иностранном языке для проведения ими в будущем собственных научных исследований.

В учебном пособии представлен широкий круг заданий для отработки техники чтения и овладения бакалаврами специальной профессиональной терминологией. В связи с этим разделы учебного пособия “Text” и “Text exercises” включают основные и дополнительные тексты, интересные по содержанию и удобные для совершенствования умений, требуемых для успешной сдачи экзамена. В свою очередь, упражнения к текстовым материалам предлагают установить в каждом абзаце ключевые предложения, просмотреть текст и озаглавить его, озаглавить абзацы текста, составить план текста, поставить вопросы к тексту или ответить на вопросы к нему, заполнить пробелы подходящими по смыслу словами, перевести основанные на тексте предложения с русского языка на английский, высказать свое мнение о возможном применении значимой информации текста в профессиональной сфере.

В качестве примера приведем упражнение, направленное на понимание и осмысление основной и дополнительной информации текста:

Explain the relation between

- 1) *stem — bud of the embryo;*
- 2) *root — leaf-like scale;*
- 3) *leaf fall — scar on the stem;*
- 4) *runner — vegetative propagation;*
- 5) *underground stem — tuber;*

- 6) *underground stem — leaves*;
7) *unlimited growth — environmental condition*.

Вторая часть экзамена по английскому языку (**Use of English**) представляет собой набор лексико-грамматических тестов. В связи с этим учебное пособие включает комплекс тестовых заданий на изучение и активизацию лексики уроков и профессиональной терминологии, организованный по принципу возрастания лексической и грамматической сложности. Так, рубрики “Vocabulary exercises” и “Word building” / “Word formation” развивают аналитические навыки студентов, расширяют их словарный запас, способствуют усвоению слов профессиональной и общенаучной направленности, совершенствуют умение находить логические связи в простых и сложных предложениях. Они содержат задания на изучение продуктивных способов словообразования, подбор терминов и определений к ним, выбор синонимов и антонимов, заполнение пропусков подходящими по смыслу словами, использование контекста для определения значений незнакомых слов. Приведем примеры некоторых упражнений:

Word formation

Form nouns from the following words and translate them.

great, dictate, drive, accumulate, bright, translate, wet, build, teach, develop, educate, like, science, protect, create, differ, able, active

Fill in the gaps with the suitable nouns formed from the words in brackets.

Leaves are classified on the basis of leaf (arrange) and whether they are simple or compound.

A number of (modify) of the stem occur in angiosperms, which provide a means for herbs to become dormant and survive for a period of years.

Plants, unlike animals, can use inorganic forms of the element nitrogen (N), such as nitrate and ammonia — which are made available to plants through the activities of microorganisms or through the industrial production of (fertilize).

Для достижения бакалаврами порогового продвинутого уровня (B2) и, следовательно, успешного выполнения лексико-грамматических тестов сертификационного экзамена знание грамматических основ и структурных особенностей иностранного языка чрезвычайно важно. С этой целью в учебном пособии был разработан раздел “Grammar spot”, в котором представлены системы упражнений, направленные на активное усвоение грамматических явлений, наиболее часто встречающихся в текстах естественнонаучных специальностей и способствующих общению на профессиональные темы:

Grammar spot

Passive voice

to be + past participle

Read the passage and point out the subject and predicate in every sentence. Make up a topic sentence. Put verbs in brackets in the passive form.

The classification of plants into annuals, biennials, and perennials 1) (base) chiefly upon the length of life of roots, though many herbs with perennial underground stems have annual roots. The conditions that determine duration 2) (not know), though a little light 3) (throw) on the subject by the behaviour of annuals and biennials, depending in part upon the time of germination; for example, winter wheat is a biennial, and spring wheat is an annual. Most annuals become biennials if they 4) (plant) in late summer, while many biennials become annuals if planted in early spring, and many more if started yet earlier in a hothouse.

Следующая часть сертификационного экзамена по английскому языку **Writing (письмо)** предполагает проверку навыков академического письма, а именно умение написать эссе с элементами рассуждения на одну из двух предложенных тем по выбору экзаменуемого (Essay) и кратко изложить содержание научной или научно-популярной статьи (Summary).

Следует отметить, что система высшего образования в соответствии с новым ФГОС 3++ по всем специальностям выдвигает повышенные требования к уровню подготовки специалистов, в которой значительная роль отводится качеству владения академическим письмом на иностранном языке [Смирнова, 2019: 210]. Это связано с потребностью общества в выпускниках, обладающих научно-исследовательскими навыками, способных осуществлять письменную коммуникацию на иностранном языке, публиковать результаты своих научных изысканий в международных журналах. Следовательно, совершенствование умений академического письма должно быть системным, комплексным, с учетом индивидуальных возможностей учащихся и уровня их подготовки, что гарантирует достижение значительного прогресса в том числе и в остальных видах речевой деятельности.

Необходимо отметить, что совершенствование техники академического письма подразумевает не только сформированность лексико-грамматических навыков, но и знание специфики и правил формального / научного стиля, что, в свою очередь, предполагает компетенции по структурированию текста, использованию специфической естественнонаучной лексики, умению отличать и избегать выражений разговорного стиля [Егорова, 2022].

Следует также учитывать, что для успешного написания эссе студенты должны обладать достаточно глубокими знаниями в области естественных наук. Поэтому обучение письму в соответствии с предложенной в учебном пособии методикой происходит одно-

временно с изучением профессионально ориентированных текстов. Студентам также предлагается самостоятельно проанализировать ряд научных статей и материалов, чтобы в дальнейшем подготовить на их основе доклады и презентации.

Таким образом, развитие специализированных навыков письма в сочетании с работой над такими компетенциями, как чтение и говорение, развивает интегративные умения учащихся, создает единство всех видов речевой деятельности, что в конечном итоге дает общий синергетический эффект — позволяет качественно поднять уровень владения иностранным языком. С целью подготовки к письменной части экзамена (**Writing**) в каждом уроке пособия предлагаются упражнения на отработку умений написания короткого изложения текста, эссе, научного сообщения и аннотации:

Write a paragraph on the following statement: *The sum of all chemical activities is known as “metabolism”. Begin with: We know that... / It is a well-known fact that... / As is known.... / Conclude by / Thus... / Hence... / So... / Consequently.*

Задания устной части сертификационного экзамена **Speaking** (говорение) состоят в беседе студентов с экзаменаторами о своих научных интересах, монологе-описании и спонтанном диалоге-обсуждении визуального материала, представляющего собой картинку с изображением естественнонаучного процесса. Развернутое описание и разъяснение картинки — задача сложная, поскольку учащемуся требуется продемонстрировать навыки владения профессиональной иноязычной лексикой, а также спонтанно, без предварительного ознакомления применить специальные знания по профилирующим дисциплинам на английском языке. Для подготовки бакалавров к выполнению устной части сертификационного экзамена учебное пособие содержит задания, в которых приводятся тактика и алгоритм описания картинki. Соответственно, упражнения актуализируют грамматические конструкции, ключевые слова, фразеологизмы и устойчивые выражения, необходимые для логичного и грамотного монолога-описания визуального материала, а также предлагают учащимся составить план высказывания в форме опорных вопросов:

Look at the leaf starch test picture. Tell how the test is performed.

Start with:

In the picture we can see... / The scheme depicts...

Here are some expressions that you might find useful:

To start with... / At the beginning... / At this stage... / to add... / to provide / The results show... / The experiment proves...

Необходимо отметить, что подготовка студентов к сдаче сертификационного уровневого экзамена по английскому языку требует формирования у учащихся «гибких», или «мягких», навыков (soft

skills) творческого и критического мышления, которые рассматриваются в качестве основных и наиболее эффективных умений в освоении иностранного языка [Меньшенина, Лабзина, 2019: 57]. Так, считается, что «развитие “гибких” навыков в процессе обучения языку дополняет профессиональную подготовку универсализмом, позволяющим личности быстро адаптироваться и добиваться успеха в условиях волатильности, неопределенности, сложности и неоднозначности современного мира» [Shakir, 2009: 309]. Овладение «гибкими» навыками способствует эмоциональному и когнитивному развитию студентов, побуждает их мыслить критически, экспериментировать, принимать нестандартные решения. По мнению Н.Ф. Коряковцевой, «креативность на современном этапе рассматривается как условие конкурентоспособности специалиста» [Коряковцева, 2012: 43]. «Исходя из социокультурных реалий бытия современного человека в новом тысячелетии принципиально меняются и значительно усложняются функции учебной продукции на ИЯ, поскольку она должна помочь в формировании такой иноязычной образовательной среды, которая в состоянии оказывать позитивное социализирующее воздействие и лимитировать негативное социализирующее воздействие на личность обучающихся средствами соизучаемых языков» [Сафонова, 2019: 42].

С учетом необходимости развития у обучающихся «мягких» навыков в пособии были разработаны упражнения и задания под рубрикой “Critical thinking and creativity”, предполагающие стимулирование поисковой деятельности учащихся, развитие навыков выполнения нестандартных упражнений, умения не только выполнить конкретную типовую задачу, но и самостоятельно найти и верно подобрать инструментарий для этого. Задания на развитие критического мышления и креативности воспринимаются эмоционально и вызывают множество ассоциаций, способствующих быстрому усвоению и прочному запоминанию [Беркович, Кофанова, Тихонова, 2018: 67]. Они способствуют подготовке компетентного образованного человека, желающего активно выполнять аналитическую, творческую работу:

Critical thinking and creativity

Write out the key-words of each paragraph. Compare your key-words with those chosen by other students. Do you agree to make changes in your table column?

Critical thinking and creativity

Summarize the information from Lesson 2 and speak about development of leaves;

leaf size and the variety of leaves;

primary activity of green leaves

Critical thinking and creativity

After reading

Look at your Before reading notes. Does the material of the lesson make you change the words of the simile?

Were your questions answered?

Значительная часть пособий на иностранном языке, посвященных профессиональным областям знания, предполагает разделение по тематическим параграфам, которые можно изучать, начиная с любого урока, что, кроме определенных плюсов, имеет и недостатки: пособия в большой степени теряют систематичность и общую связанность, превращаются в справочный материал.

Принципиальной особенностью данного учебного пособия является то, что каждый последующий урок связан с предыдущим, включает освоенную ранее ключевую информацию и базовую лексику. Именно поэтому необходимо строго придерживаться порядка и логической последовательности в процессе изучения нового материала. Отработка навыков устной и письменной профессиональной коммуникации базируется в основном на тематическом материале текстов. Такое логическое построение учебного материала дает возможность комбинировать виды заданий, активизировать монологическую речь, привлекать студентов к обсуждению проблемных вопросов на естественнонаучные темы.

Комплекс упражнений, представленный в пособии, предполагает переход от тренировочных видов работ к творческой проектной деятельности, тематика которой соответствует темам уроков. Организация дискуссий и презентаций в рамках смоделированных научных мини-конференций позволяет варьировать групповые и индивидуальные типы заданий, повышает уровень владения иностранным языком, интерес и мотивацию студентов.

Кроме того, важным методическим принципом учебного пособия является ориентация студентов на активизацию и интенсификацию самостоятельной работы, что достигается путем продуманной организации индивидуальной деятельности и аудиторных занятий, подбором дополнительных научных материалов на иностранном языке. Это качественно повышает исследовательский потенциал учащихся. Ключи к упражнениям и тестовым заданиям дают студентам возможность самостоятельно проследить прогресс и успешность выполнения заданий.

Необходимо также отметить, что с целью подготовки учащихся к успешной сдаче итогового сертификационного экзамена по английскому языку на уровень B2 за курс бакалавриата, а именно к выполнению его части **Listening (аудирование)**, авторами пособия на многофункциональной платформе обучения с применением дистанционных технологий «Университет без границ» (<https://distant.msu.ru>) был разработан учебный курс «Английский язык для на-

правления «Экология и природопользование»». Курс коррелирует с содержанием учебного пособия и содержит задания и упражнения, формирующие навыки аудирования на основе аутентичных аудио- и видеоматериалов.

Задания на академическое аудирование предполагают постепенное развитие умений воспринимать на слух иноязычную речь и разработаны по принципу преемственности этапов обучения — от выборочной перцепции информации до полного понимания лекций естественнонаучной тематики. Важным компонентом учебного курса является также возможность самостоятельной работы над аудированием в индивидуальном темпе благодаря свободному доступу к курсу на дистанционной платформе обучения.

Заметим, что умение воспринимать иностранную речь на слух особенно важно в эпоху развития современных технологий и роста цифровых коммуникаций, когда значительная часть информации представляется и потребляется в аудио- и видеоформатах.

В процессе выполнения заданий студенты знакомятся с актуальными трендами научного дискурса в естественнонаучных дисциплинах, вырабатывают навыки критического мышления, овладевают стратегиями выполнения упражнений на профессионально ориентированное аудирование.

Таким образом, изучение иностранного языка как средства формирования универсальных компетенций, заявленных ФГОС 3++, демонстрирует значительный обучающий потенциал, способствует развитию и совершенствованию интеллектуальных и творческих качеств студентов, формирует профессиональные навыки будущих ученых и практиков. При этом приоритетным направлением в области методики преподавания является рассмотрение иностранного языка не как отдельной изолированной дисциплины, а как проводника профессиональных знаний.

В учебном пособии «Английский язык для естественнонаучных специальностей (A2 — B1)» предложена системная и комплексная методика изучения иностранного языка, которая является наиболее эффективной для достижения цели овладения учащимися на продвинутом уровне всеми навыками речевой деятельности. Для интенсивной подготовки учащихся к сдаче итогового сертификационного экзамена по английскому языку принципиально важно строго придерживаться логической и выверенной структуры пособия, рассчитывать время на выполнение различных типов заданий, иметь современное техническое оборудование, проводить тестирование с определенной периодичностью.

Кроме того, необходимо указать на то, что архитектура и содержание пособия направлены на повышение заинтересованности и мотивации студентов к самообразованию. Акцент делается на том,

что учащиеся должны чувствовать ответственность за регулярное выполнение тренировочных упражнений и творческих заданий. Именно такой подход позволяет решить комплексную задачу, которая стоит перед студентами естественнонаучных факультетов — поднять уровень владения английским языком до порогового продвинутого В2 по Общеввропейской шкале иноязычной языковой компетенции CEFR, а также овладеть специальной лексикой и пополнить свои профессиональные знания из англоязычных научных источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беркович М.И., Кофанова Т.А., Тихонова С.С. Softskills (мягкие компетенции) бакалавра: оценка состояния и направления формирования // Вестник Воронежского государственного университета Сер. Экономика и управление. 2018. № 4. С. 63–68.
2. Егорова О.А., Кожарская Е.Э., Полубиченко Л.В. Английский язык для естественнонаучных специальностей (А2-В1): Учебное пособие. Сер. 76 Высшее образование (1-е изд.). Москва, 2022.
3. Егорова О.А. Проектный метод обучения студентов естественных факультетов написанию тезисов докладов для научной конференции // Педагогический журнал. 2022. Т. 12. № 2-1. С. 653–658.
4. Коряковцева Н.Ф. Креативность в изучении иностранного языка и культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Образование и педагогические науки. 2012. № 636. С. 43–52.
5. Меньшенина С.Г., Лабзина П.Г. Потенциал дисциплины «Иностранный язык» для формирования гибких навыков студентов технических вузов // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер. Психолого-педагогические науки. 2019. № 2 (42). С. 105–118.
6. Митяева А.М. Содержание многоуровневого высшего образования в условиях реализации компетентностной модели // Педагогика. 2008. № 8. С. 57–65.
7. Полубиченко Л.В., Егорова О.А. Сборник программ кафедры английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения. М., 2018.
8. Полубиченко Л.В. Контроль и оценивание в курсе «Иностранный язык» в неязыковом вузе // Преподаватель XXI век. 2021. № 4-1. С. 210–217.
9. Полубиченко Л.В. Портрет российского преподавателя ESP в кафедральном интерьере: 15 лет спустя // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 139–153.
10. Сафонова В.В. Вузовский УМК по иностранному языку как инструмент диалога культур в глобализированном мире // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 38–50.
11. Смирнова С.А. К вопросу о преподавании иностранного языка в ВУЗЕ согласно новому стандарту ФГОС 3++ // Вестник Костромского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25. № 4. С. 205–209.
12. Харламенко И.В. Особенности подготовки студентов нефилологического профиля к устному экзамену по иностранному языку // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 174–181.
13. Odum E.P. Fundamentals of Ecology. Philadelphia (PA), 2001.
14. Shakir R. Soft skills at the Malaysian Institutes of Higher Learning. Asia Pacific Education Review. 2009. No. 10 (3). P. 309–315.

Olga A. Egorova

**METHODOLOGICAL PRINCIPLES AND STRATEGIES
OF THE TEXT-BOOK “ENGLISH FOR NATURAL SCIENCES
(A2-B1)” IN THE SYSTEM OF PREPARING STUDENTS
FOR THE FINAL EXAM IN A FOREIGN LANGUAGE**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; egorovaolga29@mail.ru

Abstract. The article analyzes the methodological approaches and strategies of the textbook “English for natural sciences (A2-B1)” in the system of preparing bachelors for the certification exam in a foreign language at level B2. The rationale for the structure of the manual and the logic of selecting textual material is given, the principles for developing training tasks and exercises are concretized. The author concludes the relevance of systematic and consistent training of bachelors to fulfill the complex task of improving the level of English language proficiency raising it to the upper-intermediate level (B2) in all types of speech activity, as well as mastering professional vocabulary and scientific discourse skills on specialized topics. Thus, it is required to strictly adhere to the verified logical structure of the manual, to increase the interest and motivation of students for self-education, to calculate the time to complete various types of tasks, to have modern technical equipment, and also to conduct regular testing.

Key words: higher education; textbook; teaching methodology; final exam; English language; natural sciences; soft skills.

For citation: Egorova O.A. (2023) Methodological principles and strategies of the text-book “English for natural sciences (A2-B1)” in the system of preparing students for the final exam in a foreign language. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 124–137. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Egorova — PhD in Cultural Studies, Associate Professor at the English Department for Science Students, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; egorovaolga29@mail.ru

REFERENCES

1. Berkovich M.I., Kofanova T.A., Tikhonova S.S. 2018. Softskills (myagkiye kompetentsii) bakalavra: otsenka sostoyaniya i napravleniya formirovaniya [Softskills (soft competencies) of the bachelor: assessment of the state and direction of formation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya: Ekonomika i upravleniye*, no. 4, pp. 63–68. (In Russ.)
2. Yegorova O.A., Kozharskaya Ye.E., Polubichenko L.V. 2022. *Angliyskiy yazyk dlya yestestvenno-nauchnykh spetsial'nostey (A2-B1): Uchebnoye posobiye* [English for natural sciences (A2-B1) Textbook]. Seriya 76. Vysheye obrazovaniye. Moscow, (1-ye izd.). (In Russ.)
3. Yegorova O.A. 2022. *Proyektnyy metod obucheniya studentov yestestvennykh fakul'tetov napisaniyu tezisev dokladov dlya nauchnoy konferentsii* [Project method

- of teaching students of natural faculties to write abstracts for a scientific conference]. *Pedagogicheskiy zhurnal*, vol. 12, no. 2-1, pp. 653–658. (In Russ.)
4. Koryakovtseva N.F. 2012. Kreativnost' v izuchenii inostrannogo yazyka i kul'tury [Creativity in learning a foreign language and culture.]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Obrazovaniye i pedagogicheskiye nauki*, no. 636, pp. 43–52. (In Russ.)
 5. Men'shenina S.G., Labzina P.G. 2019. Potentsial distsipliny "Inostranny yazyk" dlya formirovaniya gibkikh navykov studentov tekhnicheskikh vuzov [The potential of the discipline "Foreign language" for the formation of flexible skills of students of technical universities]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskiye nauki*, no. 2 (42), pp. 105–118. (In Russ.)
 6. Mityayeva A.M. 2008. Soderzhaniye mnogourovnevnogo vysshego obrazovaniya v usloviyakh realizatsii kompetentnostnoy modeli [The content of multilevel higher education in the context of the implementation of the competence model]. *Pedagogika*, no. 8, pp. 57–65. (In Russ.)
 7. Polubichenko L.V., Yegorova O.A. 2018. *Sbornik programm kafedry angliyskogo yazyka dlya yestestvennykh fakul'tetov fakul'teta inostrannykh yazykov i regionovedeniya* [Collection of programs of English Language Department for Science Faculties of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies]. Moscow. (In Russ.)
 8. Polubichenko L.V. 2021. Kontrol' i otsenivaniye v kurse «Inostranny yazyk» v neyazykovom vuze [Control and assessment in the course "Foreign language" in a non-linguistic university]. *Prepodavatel' XXI vek.*, no. 4-1, pp. 210–217. (In Russ.)
 9. Polubichenko L.V. 2016. Portret rossiyskogo prepodavatelya ESP v kafedral'nom inter'yere: 15 let spustya [A portrait of the Russian ESP teacher in a departmental interior: 15 years on]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 139–153. (In Russ.)
 10. Safonova V.V. 2019. Vuzovskiy UMK po inostrannomu yazyku kak instrument dialoga kul'tur v globalizirovannom mire [A FL tertiary education package as a tool of the dialogue of cultures in the globalized world]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 38–50. (In Russ.)
 11. Smirnova S.A. 2019. K voprosu o prepodavanii inostrannogo yazyka v VUZE soglasno novomu standartu FGOS 3++ [On the issue of teaching a foreign language at a university according to the new standard of the Federal State Educational Standard 3 ++]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*, vol. 25, no. 4, pp. 205–209. (In Russ.)
 12. Kharlamenko I.V. 2020. Osobennosti podgotovki studentov nefilologicheskogo profilya k ustnomu ekzameni po inostrannomu yazyku [On preparing science students for an oral foreign language exam]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 174–181. (In Russ.)
 13. Odum E. P. 2001. *Fundamentals of Ecology*. Philadelphia (PA), W.B. Saunders Co.
 14. Shakir R. 2009. Soft skills at the Malaysian Institutes of Higher Learning. *Asia Pacific Education Review*, no. 10 (3), pp. 309–315.

Статья поступила в редакцию 12.08.2022;
одобрена после рецензирования 12.09.2022;
принята к публикации 12.10.2022

The article was submitted 12.08.2022;
approved after reviewing 12.09.2022;
accepted for publication 12.10.2022

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ

И.В. Моклецова, А.И. Кашкова

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АРХЕТИПЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ В.Е. САКИЯНА И Ю.Д. ДЕЕВА

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; irvasmok@mail.ru, home7.92@mail.ru*

Аннотация. Язык наивной живописи, подобно словесному, представляет собой универсальную коммуникативную систему, что дает основание использовать диахронический подход для исследования его содержания, возникающего из глубин человеческой природы. Являясь совокупностью исторического опыта и психологической энергии, архетипический образ выступает в качестве знаково-символической единицы анализа произведений наивного искусства. Универсальность архетипа проявляется в способности к реализации в разных временных контекстах, что делает его весьма привлекательным предметом исследования в творчестве художников-наивистов второй половины XX в. Неоднократное обращение к архетипу «идеального города» ускоряет его адаптацию в новых культурных реалиях, становясь методом взаимодействия художника-самоучки с миром. Актуальность исследования связана с интересом к проблеме реализации утопического проекта города в рамках современного художественного пространства. Научная новизна заключается в том, что впервые архетип идеального города будет рассмотрен в произведениях наивной живописи художников В.Е. Сакияна и Ю.Д. Деева. Исследование направлено на изучение в диахроническом аспекте творческой интерпретации архетипа «идеального города» в образах русской художественной культуры.

Ключевые слова: Град Китеж; архетип; наивное искусство.

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-12

Для цитирования: Моклецова И.В., Кашкова А.И. Пространственные архетипы в художественном мире В.Е. Сакияна и Ю.Д. Деева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 138–148.

Моклецова Ирина Васильевна — профессор, доктор филологических наук факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; irvasmok@mail.ru; *Кашкова Алиса Игоревна* — аспирант третьего курса факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; home7.92@mail.ru

Семиотический подход в изучении культуры дает возможность говорить о единстве происхождения художественных языков, представленных знаковыми средствами культуры. Мысль о родстве словесного языка и символики искусства за счет их семиотической природы становится допустимой при рассмотрении искусства как процесса коммуникации, результатом которого становится появление культурных ценностей. В России семиотика культуры возникла в 1960-е годы как новое направление в культурологии. Советский литературовед, семиотик М.Ю. Лотман отмечал историчность природы культуры, говоря о диахронических связях настоящего времени в отношении культурного прошлого и прогнозов будущего [Лотман, 1994: 9]. Так, культура представляется вечным образованием, опирающимся на опыт прошлых поколений, для дальнейшей эволюции общества и отношений внутри него. На Западе к этому времени семиотика была представлена именами швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра и американского философа Ч.С. Пирса. Полагаясь на точку зрения Ф. де Соссюра об изменчивой природе языка, отсутствии в нем неподвижности, можно сделать предположение о постоянном развитии художественного образа города, сохраняющего смысловую целостность ядра в символизме культуры благодаря устойчивости архетипического символа, не ограниченного конкретностью образа.

Универсальность архетипа раскрывается во множестве смысловых проявлений в любом культурном контексте. Соссюр отмечал преимущество синхронического рассмотрения изменений, происходящих в семиотических системах, и все же выбор в пользу диахронического подхода к анализу архетипа «идеального города» предоставляет возможность обратиться непосредственно к 80-м годам конца XVIII в., моменту создания легенды о граде Китеже и проследить за жизнью архетипа в творчестве художников-наивистов второй половины XX в. В обоих случаях результатом становится высказывание автора об идеальном мироустройстве, сделанное с опорой на закрепленную традицию и культуру, в глубине которого содержится аксиологическое ядро архетипа.

Сложно сказать, когда архетип «идеального города» впервые получил свое земное воплощение в культуре. Можно предположить, что его развитие происходило на протяжении становления древних цивилизаций, закладывающих в градостроительный фундамент свои представления об устройстве вселенной. «Человек архаического общества», по мысли М. Элиаде, «ощущал неразрывную связь с Космосом и космическими ритмами, в то время как современный человек — с Историей» [Элиаде, 2020: 8]. Философ предполагал существование неких представлений о священном у каждого человека на уровне бес-

сознательного, составляющих ядро духовной жизни человека, что говорит о сохранении современным обществом связи с божественным началом, чей дух сокрыт в недрах народной культуры и пробуждается каждый раз с новой силой при обращении неравнодушных к христианским легендам, а как известно, «человек своей верой может увлекать людей, двигать горами» [Лесков, 2008: 165].

Обратимся к исследованиям французского культуролога К. Леви-Стросса, проводившего анализ культурной жизни традиционных обществ, в результате чего были выявлены устойчивые элементы — «бинарные оппозиции», минимальные единицы мышления, из которых складывается культура — символическая среда этничности, где коллективные бессознательные структуры, существующие на уровне подсознания, отражаются на способе мышления ее носителей и становятся инструментом познания общественных отношений, а также самого процесса коммуникации. Выявление любой пары «бинарной оппозиции» — важная составляющая анализа культуры и, несомненно, требует определенной культурной эрудиции.

Французский социолог Э. Дюркгейм определял «коллективные представления» единством верований и взглядов всех членов любого общества, при этом напоминая о двойственности человеческой природы, которая подразумевает наполнение групповых идеалов личностным содержанием в обособленности от коллектива. «Коллективная жизнь предполагает существование индивидуальных сознаний», — пишет Дюркгейм. «Сплачиваясь друг с другом, взаимно дополняя и проникая друг в друга, индивидуальные души дают начало новому существу, если угодно, психическому, но представляющие психическую индивидуальность иного рода» [Дюркгейм, 1991: 194]. Согласно взглядам ученого, в поисках определяющих причин всех явлений, происходящих в обществе, нужно обращаться к анализу «коллективных представлений», а не к отдельным личностям, поскольку группа думает и действует иначе.

Для простоты восприятия обозначим архетипический символ неким поведенческим шаблоном, основанным на культурно-исторических особенностях этноса; его проявление естественно, но зачастую неосознанно. В контексте русской культуры «идеальный город», приобретая этнический окрас, играет роль этнокультурного архетипа, который закрепляет уникальные черты национальной духовности и определяет культурную деятельность народа. В данной статье творческий процесс выступает в качестве семиотического проводника, открывающего доступ к глубинным ресурсам коллективного бессознательного, формирующего душу русского человека. Опираясь на архетипический опыт предшествующих поколений, творческий замысел автора получает внешнюю реализацию в виде

произведения живописи или легенды, которое встраивается в историческую канву русской культуры, обеспечивая передачу духовно-просветительской традиции в процессе коммуникативного опыта, необходимого для выживания национальной идеи.

Понятие идеала, существующего вне конкретного исторического измерения, является неотъемлемой частью общественного развития, оно придает очертания аморфным представлениям народа о лучшей жизни, тем самым рождая желанную для достижения цель. Говоря о формуле нравственного прогресса, Г.В. Жигунова отмечает «стремление к абсолютному во всех теоретических построениях. К этому абсолютному идут историческими путями, и каждый шаг вперед должен служить поводом для нового движения» [Жигунова, 2014: 9]. Впервые попытка определения общественного идеала была предпринята в середине XVIII в. Иммануилом Кантом в его лекциях о метафизике, описывающих взаимодействие души и тела, внутреннего и внешнего; чуть позже немецкий философ В.Ф.И. Шеллинг заговорил о воплощении недостижимого идеала в жизнь, определив направление русской идеалистической философии славянофилов.

Встречаясь в разных культурах, сюжет о потопленном городе становится духовным центром каждой из них, раскрывается во множестве временных и социальных контекстов, звучит голосом народа. В западноевропейской традиции образ города представлен утопическими сюжетами Т. Мора, Ш. Фурье и Т. Кампанеллы, теории которых отличаются социально-политической направленностью. Попытки изобретения идеального общественного устройства были предприняты Платоном в диалоге «Государство», с которым был хорошо знаком Т. Мор. Английский писатель впервые ввел понятие «утопии», когда в начале XVI в. увидела свет его книга с одноименным названием, впоследствии ставшим нарицательным для всего жанра. Философские размышления Платона, его стремление к совершенному миру идей получили дальнейшее распространение в произведениях европейских авторов.

В русской традиции история ушедшего под воду города приобретает больше идеалистически-религиозное значение, нежели социально-утопическое. Невидимый город становится фольклорным героем легенды в разных интерпретациях, воплощением могучего духа русского человека, его соборности, патриотизма, незыблемой веры в свой собственный, отличный от европейского исторический и культурный путь России, ставшей колыбелью истинного домонгольского христианства. Стремление к Царству Божьему лежит в основе русского философствования, безоглядная любовь народа к родной земле сокрыта от посторонних глаз вместе с таинственным городом. Многие философы Серебряного века отмечали особую

религиозность русского народа и связанное с ней неустанное искание правды, а «Н.А. Бердяев считал, что судьба России и русский характер взаимосвязаны» [Скороходова, 2018: 54]. Религиозные истоки поиска идеала определяют непростую долю не только утопического города, но и России в целом, самобытность ее собственной культуры. «Сюжет о 'потопленном городе', встречающийся в легендах разных народов, не только напоминает об исторических событиях, но и отражает систему ценностей народа» [Романов, 2008: 119], включает «историческую память, самоидентификацию, культурный код нации» [Кошман, 2011: 8]. Простота сюжета, его доступность пониманию является готовым ответом на вопрос о способе противостояния враждебным силам. Так, придуманная старообрядцами история «Китежского летописца» учит необходимости укоренения в каждом из нас истинного христианства, способного укрыть праведников от теней грядущего зла.

Архетип «идеального города» раскрывается в истории образа Китеж-града, спасшегося молитвами праведников от разорения на дне озерных вод Светлояра. Несложно догадаться, что фабулой легенды послужили трагические события ушедшей в глубину веков монгольской Руси, и тяжелые духовные испытания, выпавшие на долю создателя «Книги, глаголемой летописец», единственного письменного источника китежской легенды, сложившейся в своем окончательном варианте в 80–90-е годы XVIII в. как результат продолжительных разногласий между церковью и государством. Необратимый характер разрушительных для русской святости последствий побудил к защите истинной веры путем актуализации неотъемлемого элемента культуры, выстраивающего православную картину мира русского человека. Ее приверженцы противились нововведениям реформы и подвергались гонениям со стороны государства. В попытке спастись последователи старой веры переселились на «пустынные» окраины страны, создавая общинные поселения; эти анклавные православные веры стали источниками множества легенд, повествующих о народных социально-утопических взглядах государственного устройства, — одной из таких удивительных историй становится китежская легенда.

О судьбе города рассказано немного, но стоит догадаться, что Китеж населяли благочестивые люди, почитавшие прежде всего как и сами старообрядцы, принцип свободы и равенства человека перед Богом, где государство не закрепощает граждан, а вместе с Церковью служит спасению их души. Актуализация образа Китеж-града, построенного на ценностях православной традиции первых веков от Рождества Христова, способствует раскрытию аксиологического ядра архетипа «идеального города» и прежде всего заключенного в

нем соборного начала, на котором «покоится идея церкви и церковного спасения», поскольку «каждый может спастись лишь вместе с миром» [Бердяев, 1989: 190]. Православие дало жизнь чувству свободы в единстве: оно, неперебиваемое на другие языки, по сей день остается стержнем русской культуры. Архетипизм предполагает двойственность взаимоотношений материального и духовного бытия, вертикаль, восходящую к Творцу и нисходящую к сферам земного существования. «Идеальный город» воплощает облик Небесного града, утоляет жажду Божественного присутствия; ярко выраженное коллективное начало означает первостепенность общего блага, жертвенность, терпение, которые поддерживают храм православной веры, приносят устойчивость и процветание миру.

Являясь содержанием коллективного бессознательного, этнокультурный архетип «идеального города» сохраняет свою устойчивость при всех диахронических изменениях и допускает элемент авторства благодаря свойству инвариантности. Наивное искусство со своим простодушным восприятием мира облегчает проекцию индивидуальной психики на общественный экран. Философ Ф.И. Гиренок рассуждает о наивных художниках, как о людях, ум которых не утратил свою наивность; такие мастера испытывают восхищение процессом, но не результатом творчества (Мигунов, *Философия наивности*, 2001: 9). Отсюда и понимание наивного художника как человека, избегающего профессионализма и деловитости в искусстве, он равнодушен к успеху и признанию; эта черта сохраняет непосредственность и едва уловимую творческую ауру, обладающую особым магнетизмом. В отличие от подражательного творчества, наивное искусство не подвержено внешним тенденциям и сменам стиля; присущая произведениям наивного искусства вневременная актуальность обусловлена причиной дилетантизма художников-самоучек. Большинство картин создается мастерами в преклонном возрасте, когда человек менее склонен работать в подражательной манере и стремится выйти за рамки общепринятых эстетических норм.

Для выявления архетипа «идеального города» в художественных образах наивной живописи второй половины XX в. были рассмотрены работы В.Е. Сакияна, Ю.Д. Деева. Индивидуальная память не замкнута полностью, она находится под влиянием коллективных представлений о прошлом, формирующих «сознание» культуры. Как мы знаем, все человечество сознательно и бессознательно стремится к абсолютному совершенству, к Богу, «наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием» [Лосский, 1957: 9]. Зоркость художников, их чуткое различение добра и зла, подталкивает к бес-

конечным поискам совершенства, где творческий процесс включает механизм взаимопроникновения личных и коллективных воспоминаний, тогда личная история ищет поддержки в коллективном.

Творчество В.Е. Сакияна представлено личными воспоминаниями юношества, проведенного в Армении, и зрелости, ознаменованной московским периодом. О религиозных истинах и житейских мудростях Ваган Еревандович рассуждает с одинаковым интересом, его состояние спокойного созерцания подобно моменту сотворения молитвы, наполняющей сердца верующих любовью к каждому проявлению жизни. Совмещая несколько культурных традиций в одном сюжете, автор демонстрирует бесконечность смысловых проявлений архетипа, отражение которого можно найти в картинах «Зангезур» 1992 г., «Арагатская долина» 1996 г., «Праздник Богородицы» 1995 г. Образ «Идеального города» не является зарисовкой с натуры совершенно конкретного ландшафта, он собран из кусочков знакомой художнику реальности: виднеющийся купол луковичной головки церкви — указание на теплое отношение художника к русской церковной архитектуре, символ сошествия Бога к человеку; библейская гора Арарат, к вершине которой пристал спасшийся Ноев ковчег, воспринимается образом мира, символом устойчивости космического порядка; глубокие воды реки Аракс, орошающие плодородные почвы долины, — знак животворящего начала. В момент вдохновения архетипические структуры, содержащиеся в памяти художника, выходят на поверхность сознания, озаряясь его светом, — так пойманные идеи обретают зрительную форму, постепенно превращаясь в небольшой городок размером с холст. Армянское происхождение В.Е. Сакияна подчеркивает возможность приобщения человека другой культурной традиции к коллективному бессознательному русского народа, путем обращения художника к христианской традиции. Библейские сюжеты, пересказанные архетипическими символами, сводят два культурных пространства воедино, образуя семиотический континуум, доступный осознанию своих представителей. В 301 г. Армения приняла христианство в качестве государственной религии, чем объясняется близость наших нравственных и духовных систем ценностей.

Образ «идеального города» в картинах следующего наивного художника проникнут чувством гармонии во взаимоотношении человека с природой. Ю.Д. Деев проживал в Туве, много путешествовал по Алтаю, понимание родной культуры положило начало созданию целого ряда живописных «рассказов» о национальных традициях и дикой природе Алтайского края. Произведения раскрывают присущий мастеру глубокий взгляд на каждодневную обыденность: история его города начинается с повседневных обязан-

ностей размеренной жизни взрослых и детей, с радости домашних животных и неприступной красоты диких зверей. Особенности художественного языка, обращение художника к наивным образам сближают его произведения с фольклорной традицией. Зачастую картины напоминают русскую сказку, от них веет теплом и уютом домашнего очага, добром и житейской мудростью, а главное, возможна мечта художника о равновесии материального и духовного. «Трое в лодке» 1995 г., «Плотник» 1985 г., «Суббота. Банный день» 1992 г. — все это лишь малая часть богатого опыта, которым с нами щедро делится автор. Главным секретом покоя в душе его героев и принципом строительства «идеального города» становится искренность и вера среди притворства и безверия.

Путь человека — поиски душевной гармонии, желание и невозможность утвердиться в этом чувстве раз и навсегда, «многие обращаются к творчеству под влиянием стресса, тяжелых переживаний, инстинктивно стремясь помочь себе художественной аутотерапией, и некоторые из них становятся мастерами наивного искусства», — рассказывает искусствовед К.Г. Богемская [Богемская, 2009: 36]. Пребывание в дорогих сердцу местах спасает от хаоса окружающего мира, в этой связи стоит упомянуть о терапевтической возможности архетипа исцелять душевные раны в кризисные состояния человеческого сознания, восстанавливая целостность его мироощущения в моменты разворачивания спонтанной творческой деятельности. Более того, рисование как средство визуальной коммуникации облегчает психологическую ассимиляцию человека, когда согревающие сердце воспоминания наполняются культурным содержанием в рамках определенных ценностных ориентаций.

Художественное пространство картин трепетно хранит доверенную ему народную память с элементами знакомой авторам реальности тех мест и событий, в которой они обнаруживали себя ранее (Вяткина, Амплитуда колебаний. Наив и ар брют: от классики к современности, 2016: 147). Язык наивного искусства В.Е. Сакияна рождает новые сюжеты и фантазийные жизненные сценарии на стыке двух национальных культур. В стремлении жителей «идеального города» Ю.Д. Деева к истине и добру прослеживаются константы национального самосознания, заключенные в аксиологическом ядре архетипа. Устойчивый образ национального культурного ландшафта во многом создан благодаря деятельности художников [Калуцков, 2009: 25], раскрывающих понятия соборности, религиозности русского человека, его внимательного отношения к природе и всему творению Божию, что говорит о желании обрести совершенную реальность, потерянный Рай. Объединяющим принципом жизнеустройства «идеальных городов» становится свобода в един-

стве, равенство, а главной ценностью — признание личности. Таких взглядов придерживалась и старообрядческая община, ее Церковь всегда была открыта для страждущих.

Вторая половина XX в. внесла свои корректировки в понимание сущности городского пространства, вытеснив стабильность и покой из жизненного уклада горожанина. Усилилась разобщенность, нравственные ценности сместились в сторону рационализма, забвение грозило утратой культурного наследия, необходимого для социальной ориентации молодых поколений. Именно наивное искусство возобновило диалог личности и исторической памяти, показало необходимость духовно-творческой самореализации свободной личности. Духовные семена содержатся в каждом человеке; прорастая, они раскрывают божественную природу, требующую наполнения личностным смыслом в условиях определенных национальных и временных особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. *Философия свободы. Смысл творчества*. М., 1989.
2. Богемская К.Г. *Наивные художники России*. СПб., 2009.
3. Гиренко Ф.И. *Археография наивности // Философия наивности*. 2001. С. 23–29.
4. Дюркгейм Э.О *разделении общественного труда. Метод социологии*. М., 1991.
5. Жигунова Г.В. *Общественный идеал в России в духовном наследии славянофилов*. М., 2014.
6. Калуцков В.Н. *Вопросы репрезентации культурного ландшафта // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География*. 2009. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-reprezentatsii-kulturnogo-landshafta/viewer> (дата обращения: 27.10.2022).
7. Кириченко Е.И. *Социокультурные основания и региональное своеобразие народной картины и наивной живописи в современном культурном пространстве // Амплитуда колебаний. Наив и ар брут: от классики к современности*. 2016. С. 144–155.
8. Кошман Л.В. *Культурное наследие как фактор исторической памяти // Вестник Московского университета. Сер. 8 История*. 2011. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-nasledie-kak-faktor-istoricheskoy-pamyati/viewer> (дата обращения: 27.10.2022).
9. Лесков А.Н. *Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям*. М., 1954.
10. Лосский Н.О. *Характер русского народа*. М., 1957.
11. Лотман М.Ю. *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века)*. СПб., 1994.
12. Мирча Э. *Аспекты мифа*. М., 2020.
13. Романов К.С. *Сюжет «О граде Китеже» в фольклоре народов мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2008. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhet-o-grade-kitezhe-v-folklore-narodov-mira-na-primere-russkoy-amerikanskoy-aborigennoy-i-frantsuzskoy-traditsii> (дата обращения: 01.06.2022).
14. Скороходова С.И. *«Очарование Китежем» или о некоторых философско-исторических идеях И.В. Киреевского и Е.Н. Трубецкого // Философия и культура*. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ocharovanie-kitezhe-ili-o-nekotoryh-filosofsko-istoricheskikh-ideyah-i-v-kireevskogo-i-e-n-trubetskogo> (дата обращения: 04.07.2022).

Irina V. Mokletsova, Alisa I. Kashkova

**SPATIAL ARCHETYPES IN THE ARTISTIC WORLD
OF V.E. SAVKIN AND YU.D. DEEV**

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
irvasmok@mail.ru; home7.92@mail.ru*

Abstract. The language of naive painting, like verbal, is a universal communicative system, which gives reason to use a diachronic approach to explore its content arising from the depths of human nature. Being a combination of historical experience and psychological energy, the archetype becomes a symbolic unit of the analysis of naive paintings. The universality of the archetype is manifested in its ability to be realized in different time contexts, which makes it a very attractive subject of research in the works of naive artists of the second half of the XX century. Repeated reference to the archetype of the “ideal city” accelerates its adaptation to new cultural realities, becoming a method of interaction of a self-taught artist with the world. The relevance of the research is related to the interest in the implementation of the utopian project of the city within the framework of modern art space. The scientific novelty lies in the fact that for the first time the archetype of the ideal city will be considered in the works of naive painting by artists V.E. Sakiyan and Yu.D. Deev. The research is aimed at studying the diachronic aspect of the creative interpretation of the «ideal city» archetype in the images of Russian artistic culture.

Key words: City of Kitezh; archetype; naive art.

For citation: Mokletsova I.V., Kashkova A.I. (2023) Spatial archetypes in the artistic world of V.E. Savkin and Yu.D. Deev. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 138–148. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Mokletsova — Professor, Dr. Habil. in Philology, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; irvasmok@mail.ru; *Alisa I. Kashkova* — Third-year postgraduate student of Lomonosov Moscow State University, Faculty of Foreign Languages and Area Studies; home7.92@mail.ru

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. 1989. *Filosofiya svobody* [Philosophy of freedom]. The meaning of creativity. Moscow, Pravda. (In Russ.)
2. Bohemian K.G. 2009. *Naivnye hudozhniki Rossii* [Naive artists of Russia]. St. Petersburg, Aleteya. (In Russ.)
3. Girenok F.I. 2001. Arheografiya naivnosti [Archeography of naivety]. *Filosofiya naivnosti*. Moscow, pp. 23–29. (In Russ.)
4. Durkheim E. 1991. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii* [On the division of social labor. The method of sociology]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
5. Zhigunova G.V. 2014. *Obshchestvennyj ideal v Rossii v duhovnom nasledii slavyanofilov* [The social ideal in Russia in the spiritual heritage of the Slavophiles]. Moscow, Direct-Media. (In Russ.)

6. Kalutskov V.N. 2009. Voprosy reprezentatsii kul'turnogo landshafta [Issues of representation of the cultural landscape]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5. Geografiya*, no. 5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-reprezentatsii-kulturnogo-landshafta/viewer> (accessed: 10.27.2022). (In Russ.)
7. Kirichenko E.I. 2016. Sociokul'turnye osnovaniya i regional'noe svoeobrazie narodnoj kartiny i naivnoj zhivopisi v sovremennom kul'turnom prostranstve [Socio-cultural foundations and regional originality of folk painting and naive painting in the modern cultural space]. *Amplituda kolebanij. Naiv i ar bryut: ot klassiki k sovremennosti*. Moscow, pp. 144–155. (In Russ.)
8. Koshman L.V. 2011. Kul'turnoe nasledie kak faktor istoricheskoy pamyati [Cultural heritage as a factor of historical memory]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 8. Istoriya*, no. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-nasledie-kak-faktor-istoricheskoy-pamyati/viewer> (accessed: 27.10.2022). (In Russ.)
9. Leskov A.N. 1956. *ZHizn' Nikolaya Leskova: Po ego lichnym, semejnym i nesemejnym zapisyam i pamyatyam* [The life of Nikolai Leskov: According to his personal, family and non-family records and memories]. Moscow, Goslitizdat. (In Russ.)
10. Lossky N.O. 1957. *Harakter russkogo naroda* [The character of the Russian people]. Moscow, Sowing. (In Russ.)
11. Lotman M.Y. 1994. *Besedy o russkoj kul'ture. Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII-nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture. The life and traditions of the Russian nobility (XVIII — early XIX century)]. Saint Petersburg, Art — SPB. (In Russ.)
12. Mircea E. 2020. *Aspekty mifa* [Aspects of myth]. Moscow, Academic project. (In Russ.)
13. Romanov K.S. 2008. Syuzhet “O grade Kitezhe” v fol'klore narodov mira (na primere russkoj, amerikanskoj aborigennoj i francuzskoj tradicii) [The plot “About the city of Kitezhe” in the folklore of the peoples of the world (on the example of Russian, American aboriginal and French traditions)]. *Moscow State University Bulletin Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhet-o-grade-kitezhe-v-folklore-narodov-mira-na-primere-russkoj-amerikanskoj-aborigennoj-i-frantsuzskoj-traditsii> (accessed: 01.06.2022). (In Russ.)
14. Skorokhodova S.I. 2018. “Ocharovanie Kitezhem” ili o nekotoryh filosofsko-istoricheskikh ideyah I.V. Kireevskogo i E.N. Trubeckogo [“Fascination with Kitezhe” or about some philosophical and historical ideas of I.V. Kireevsky and E.N. Trubetskoj]. *Filosofiya i kul'tura*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ocharovanie-kitezhem-ili-o-nekotoryh-filosofsko-istoricheskikh-ideyah-i-v-kireevskogo-i-e-n-trubetskogo> (accessed: 04.07.2022). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.09.2022;
одобрена после рецензирования 05.10.2022;
принята к публикации 12.10.2022

The article was submitted 05.09.2022;
approved after reviewing 05.10.2022;
accepted for publication 12.10.2022

И.Л. Анастасьева

**ПРЕЛОМЛЕНИЕ ИДЕИ МНИМЫХ ПРОСТРАНСТВ И
СВЕРХИНДИВИДУАЛЬНЫХ МИФОВ П.А. ФЛОРЕНСКОГО
В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; anastasyevairina@gmail.com*

Аннотация. Незвирая на то, что основные идеи П.А. Флоренского были сформулированы сто с лишним лет назад, они остаются актуальными и по сей день. Очевидно поэтому их огромное влияние на современников-литераторов (в первую очередь среди современников философа нас интересуют писатели, такие как Д.С. Мережковский, чье творчество во многом созвучно религиозным установкам философа, и младший современник Флоренского М.А. Булгаков, хотя и посвятивший свой «заветный роман» Иешуа Га-Ноцри, но не считавшийся религиозным писателем ни в 1930-е годы, ни сейчас). Известно, что двумя столпами творчества Павла Флоренского были религия и математика, однако идея научного подхода к исследованию основ христианства не является открытием философа; еще Николай Кузанский, кардинал Римской католической церкви, теолог и математик XV в., был уверен в том, что научиться понимать высший замысел возможно при помощи точных наук. В докладе предпринята попытка выявить проявление (созвучие) идей, сформулированных П.А. Флоренским в его книгах «Мнимости в геометрии» и «Иконостас», в творчестве Д. Мережковского и М. Булгакова.

Ключевые слова: П. Флоренский; Д. Мережковский; М. Булгаков; «Мнимости в геометрии».

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-13

Для цитирования: Анастасьева И.Л. Преломление идеи мнимых пространств и сверхиндивидуальных мифов П.А. Флоренского в творчестве писателей рубежа XIX–XX вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 149–159.

9 января 2022 г. исполнилось 140 лет со дня рождения выдающегося мыслителя, философа, поэта о. Павла Александровича Флоренского. Его труды — предмет пристального внимания сегодняшней научной аудитории, но не меньший интерес проявляли к религиозно-математическим изысканиям философа его современники. Нам в первую очередь важны писатели, чье творчество созвучно рели-

Анастасьева Ирина Леонидовна — кандидат культурологии, доцент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; anastasyevairina@gmail.com

гиозным установкам философа, такие как Д.С. Мережковский, активный участник того процесса, который впоследствии получит определение духовного Ренессанса, и младший современник Флоренского М.А. Булгаков, хотя и не считавшийся религиозным писателем ни в 1930-е годы, ни сейчас, но сумевший провести точную параллель между московской и ершалаимской эпохами.

Известно, что двумя столпами творчества Павла Флоренского были религия и математика, однако идея научного подхода к исследованию основ христианства не является открытием философа; еще Николай Кузанский, кардинал Римской католической церкви, теолог и математик XV в., был уверен в том, что научиться понимать высший замысел возможно при помощи точных наук. Что касается предшественников Николая Кузанского, то от него религиозно-математическая парадигма устремляется вверх, к Платону.

Допущение о возможности объединения математики и религиозных идеалов, способствующих восстановлению нравственной целостности человечества и преодолению религиозного индифферентизма, является следствием двух традиционных способов описания окружающих нас явлений: интуитивного и логического. Возникают, однако, такие обстоятельства, когда проблема становится контринтуитивной. Разобраться в таких ситуациях позволяет математика, полагает философ.

Нет смысла погружаться в пучину точных наук для того, чтобы уяснить смысл онтологических умозаключений П. Флоренского. Теологические построения мыслителя подвели его к пониманию того, что мир, который мы фиксируем тактильно, с помощью ощущений (феноменальный, реальный), не единствен и исключителен. Этот мир включает в себя «мнимую сторону» (ноуменальную; по Платону — «мир умопостигаемых сущностей», по Канту — «вещь в себе»), которая существует подобно мнимым и комплексным числам, а также мнимым геометрическим пространствам, описанным Флоренским в книге «Мнимости в геометрии». Если суть мнимых чисел возможно постичь интеллектуально, то трансцендентный мир, в котором пребывает Бог, познается интуитивно; трансцендентный мир — это и есть мнимый мир философско-религиозного дискурса, причем он является зеркальным двойником мира объективного: «При построении геометрического образа зеркального отражения Флоренский показал, что зеркальным двойником действительной точки в аналитической геометрии является мнимая точка. Мнимые объекты выводят нашу способность познания за пределы чувственного созерцания, так что внутреннему зору человека открывается *сверхчувственная* (внеэмпирическая) реальность» [Флоренский, 1991: 57].

В финале книги «Мнимости в геометрии» автор иллюстрирует собственную теорию мнимых чисел и зеркальных пространств, исследуя модель путешествия Данте по Аду и Раю. Всякая поверхность, как известно, имеет две стороны, условно назовем их лицевой и изнаночной. Эти стороны симметричны по отношению друг к другу и одновременно зеркальны. Переход из мира реального в мир мнимый возможен, по Флоренскому, «через разлом пространства и выворачивание самого себя». Разлом знаменует собой границу Земли и Неба, а на языке математики означает конец Евклидова пространства, где «длина всякого тела делается равной нулю, масса бесконечна, а время его, со стороны наблюдаемое, — бесконечным» [Флоренский, 1991: 50]. До тех пор, пока объект существует в пространстве, имманентном земному, где $v < c$ (под v мы разумеем скорость движения внутри этого пространства, в отличие от c — скорости света), все характеристики объекта остаются релевантными; если же скорость объекта превышает скорость света, то, как пишет философ, «время протекает в обратном смысле, так что следствие предшествует причине» [Флоренский, 1991: 50], иначе говоря, время движется назад, ломается, а объект становится мнимым, или, как сказал П. Флоренский, «выворачивает сам себя». Логика умозаключений философа предельно ясна и подкрепляется примерами из мира физики: как при переходе объектом скорости звука (в сегодняшней реальности, например, сверхзвуковым самолетом) ломается воздух и слышен хлопок, так при переходе скорости света должно сломаться пространство, обретя новые характеристики, делающие это пространство мнимым.

Известно, что в период работы над романом «Мастер и Маргарита», М.А. Булгаков постоянно обращался к книге П.А. Флоренского «Мнимости в геометрии». Находясь под сильнейшим воздействием идей Флоренского, писатель не мог не транслировать часть из них в рассказ о невероятных приключениях нечистой силы в советской России. Однако идея «двоемирия» не стала основополагающей в романе, автор создает трехмерное пространство, следуя логике украинского философа XVIII столетия Григория Сковороды и восприняв некоторые гностические идеи. Фантазмагорический след концепций Флоренского ощутим в сцене приезда на бал к сатане гостей, появление которых сопровождалось грохотом, как и полагается при переходе из одной реальности в другую: «Но тут вдруг что-то грохнуло внизу в громадном камине, и из него выскочила виселица с болтающимся на ней полурассыпавшимся прахом. Этот прах сорвался с веревки, ударился об пол, и из него выскочил черно-волосый красавец во фраке и в лакированных туфлях» [Булгаков, 1988: 257].

Границу между мирами приходилось преодолевать не только гостям на балу, но и Маргарите, однако ее превращение случилось раньше, в ту минуту, когда она нанесла на себя волшебный крем, преподнесенный ей Азазелло. Хотя метаморфозы героини не сопровождались шумом и треском, она сумела компенсировать их отсутствие, устроив «ночь — светопреставление» в доме литераторов. Маргарита пережила «провал геометрической фигуры» в иную плоскость, став незаметной для тех агентов, которые были расставлены около дома 302-бис на Садовой улице. Однако, пишет Флоренский, «как провал геометрической фигуры (в мнимое пространство. — *И.А.*) обозначает вовсе не уничтожение ее, а лишь ее переход на другую сторону поверхности и, следовательно, доступность существам, находящимся по ту сторону поверхности, так и мнимость параметров тела должна пониматься не как признак ирреальности его, но — лишь как свидетельство о его переходе в другую действительность» [Флоренский, 1922: 53]. Флоренский допускал возможность присутствия объекта сразу в двух мирах — реальном и зеркальном. Не случайно поэтому Маргарите, пребывающей в трансцендентной сфере, доступны звуки, раздающиеся в московском, то есть феноменальном, пространстве — ее удивляет, что в конце бала она «услышала, как где-то бьет полночь, которая давным-давно, по ее счету, истекла» [Булгаков, 1988: 265]. Переход в мир ноуменальный, во внеэмпирическое пространство, внутри которого произошло преодоление скорости света, знаменует собой введение новой шкалы времени, «протекающего в обратном смысле», как и предсказывал П. Флоренский. Но разлом пространства, как мы помним, нарушает и причинно-следственные отношения: Мастер и Маргарита, выпив вина Азазелло, вновь «выворачивают сами себя», на сей раз Маргарита перестает быть ведьмой, «исчезало ее временное ведьмино косоглазие и жестокость и буйность черт. Лицо покойной посветлело и, наконец, смягчилось, и оскал ее стал не хищным, а просто женственным страдальческим оскалом» [Булгаков, 1988: 359]. Следуя гностическим представлениям о мироустройстве, Булгаков создает двупостасные мнимые пространства (фракталы), где побывали Мастер и Маргарита, — и бывшая ведьма обретает черты соловьевской Вечной Жены. Только затем, пережив эти метаморфозы, Маргарита умирает в мире реальном, «внезапно побледнев и схватившись за сердце» [Булгаков, 1988: 358]. Природная, естественная смерть Мастера наступит уже после его визита к Иванушке Бездомному в психиатрическую клинику.

Важная миссия — дописать роман — будет перепоручена ученику Мастера, Ивану Николаевичу Поныреву. Его исключительность, открытость чуду и способность воспринимать мир мнимых про-

странств проявятся тогда, когда он увидит продолжение романа во сне. Сну, как и мифу, П.А. Флоренский придавал огромное значение, полагая, что ни сон, ни миф не являются производными человеческой фантазии. В свое время философ создал концепцию мифа, закрепившую за собой название «символически-магической» (А. Лосев). Согласно этой концепции, идеи имеют бытийный статус. «Миф, собственно, и есть божественная идея в человеке, имманентная ему, данная в мистическом “опыте”» [Семенкин, 1986: 102]. В скобках следует подчеркнуть, что увлечение идеями «мифологического сознания» рождалось в поле игровой культуры в России рубежа XIX–XX вв., но было представлено не только европейским игровым сознанием, но и американским [Карташева, 2013: 69; Овчинникова, 2021: 156]. Таким образом, человек, обладающий религиозным опытом, является творцом не сам по себе, а «выразителем собирательного разума»: в искусстве, «как являющем духовную природу человечности, вообще не может быть ничего случайного, субъективного, произвольно-капризного» [Флоренский, 1993: 265], — писал П. Флоренский.

Определение, которое он дал мифу, оказало влияние на многих русских философов и религиозных деятелей. В.Н. Ильин, зарубежный богослов, близкий по своим идеям софиологам, также понимал миф как нечто бытийное. Творцом мифа, считал он, является Бог, который обладает правом на его познание. Существует над-мировая память, трансцендентный опыт, который и передается человеку. Философ разделял позицию П. Флоренского, считавшего, что человек выступает органом мистической памяти, когда не сам человек вспоминает, а Бог помнит посредством человека: «Индивидуальное творчество поэтов и художников <...> сознательно и бессознательно питается сверхиндивидуальным мифом и его в свою очередь питает» [Ильин, 1930: 14].

О природе мифа много размышлял и С.Н. Булгаков: «Прежде всего следует отстранить распространенное понимание мифа, согласно которому он есть произведение фантазии и вымысла» [Булгаков, 1994: 57]. Он также полагал, что в человеческий разум проникает некое высшее знание, которое и диктует ему свою волю, в результате порождая новую идею, имеющую силу убедительности: «Не человек действует или “полагает” здесь, как это имеет место в субъективно-идеалистических построениях, но в человеке происходит, полагается, в нем говорят высшие сущности и силы» [Булгаков, 1994: 58]. По мнению Булгакова, содержание мифа предельно конкретно, лишено абстрактности. Философ не исключает наличия «ложных» мифов, действительно являющихся порождением фанта-

зии человека, плодом его иллюзорных представлений о мире, однако это явление скорее исключительное, чем закономерное.

Подобно мифу, сон становится возможностью прозреть мир ирреальный: «Сон — вот первая и простейшая, т.е. в смысле нашей полной привычки к нему, ступень жизни в невидимом. <...> сон даже в диком своем состоянии, невоспитанный сон, восторгает душу в невидимое и дает даже самым нечутким из нас предощущение, что есть и иное, кроме того, что мы склонны считать единственно жизнью» [Флоренский, 1993: 4], пишет Флоренский, утверждая, что поразительную трансформацию реальности и переход в мнимое пространство сумел изобразить Данте в «Божественной комедии», причем знание о запредельном мире открылось итальянском поэту и мыслителю во сне.

«В письме в Политотдел Флоренский писал: “Надо думать, в основе поэмы Данте лежит некоторый психологический факт — сон, видение и т.п. Всякий факт, раз он подлинно пережит, даст материал для размышления, и вовсе нет необходимости уверовать в него, чтобы признать ценность тех или других его элементов. Если я во сне узнаю теорему Пифагора хотя бы от говорящей обезьяны, то от того теорема не делается ложной. Хорошо известно, что множество великих открытий, в том числе математических, было сделано во сне. Моя мысль — взяв подлинные слова Данте, показать, что символическим образом он выразил чрезвычайно важную геометрическую мысль о природе и пространстве» [Флоренский, 1991: 57].

Данная цитата подчеркивает усилия Флоренского, направленные на извлечение смысла из таких понятий, как сновидение и память. Концепция сновидения в его книге «Иконостас» упирается в идею бессознательного, но разворачивается иначе, нежели в монографии З. Фрейда «Толкование сновидений», впервые опубликованной в 1900 г. Если ключевым положением книг австрийского психоаналитика, составивших своеобразный учебник по основам психоанализа, является идея о проявлении бессознательного в повседневности, то основным содержанием концепции Флоренского является положение о том, что сны «имеют особую, не сравнимую с дневною, меру времени, трансцендентальную» [Флоренский, 1993: 5]. Поскольку сны — это «время обращенное», то и озарение могло снизойти на Ивана Бездомного только во сне, открыв ему истину о трансцендентальном мире и о пребывающем в нем Иешуа Га-Ноцри.

Не воспринимал литературу как нечто существующее отдельно от философии и религии еще один вдохновитель и участник движения по возрождению религиозного сознания в интеллигентской среде Д.С. Мережковский. Религиозно-философская доктрина Мережковского претерпевала изменения в дореволюционный период,

окончательно оформившись в эмиграции, и выразилась в признании им того, что искомый синтез «правды о земле», воплощенной в язычестве, воспринятом им как антихристово начало, и «правды о небе» — христианстве, давно существует, реализовавшись в образе Иисуса Христа. Собственно, познанию личности Сына Божьего и посвящен его основной труд «Иисус Неизвестный», на страницах которого Мережковский пытался переосмыслить наиболее спорные отрывки из Евангелия. Книга стала последней в трилогии о путях спасения человечества; таким образом, «Иисус Неизвестный» завершает христологические изыскания Д.С. Мережковского, увидевшего истоки религиозных противоречий Запада и Востока в ложном понимании Христа, которого сам он назвал Иисусом Непознанным. Писатель опирался на исследования таких древнейших источников, как Талмуд, Евангелия, апокрифы, и создал оригинальное произведение, в котором многие исторические личности предстали как живые. Свое вдохновение писатель черпал из тех же источников, что и Флоренский, сформулировавший концепцию пророческого сновидения и мифологического откровения.

Мережковский стоял на платформе субстанционального понимания природы мифа, который имеет символическое значение. Содержание всякого символа у символистов сложное и противоречивое, оно порождено их представлениями о двоemiрии, противопоставлении земного и небесного, то есть реального и реальнейшего из реального, реального и сновидческого. Подобно некоторым софиологам, Мережковский создавал новый метод познания трансцендентной реальности — своего рода мистическую диалектику с тем, чтобы проследить творение в «обратном порядке», прийти к истоку творения, иначе говоря, познать первопричины, основы, и самого Божественного мыслителя. «Под ясным верхним слоем (слов Христа — И.А.) есть множество других, в глубину уходящих, все более темных и загадочных, слоев. Но, прежде чем это заметит человек, — в ум, совесть, волю его, и, уж — конечно, в память, впадают эти загадки, как острые шипы или ядовитые жала: в чье сердце раз впилось, тот уж отравлен навсегда», [Мережковский, 1996: 28] — так Мережковский начинает свой Апокриф. Для того чтобы понять смысл слов Христа, необходимо напярчь всевозможные виды памяти: «память глаз», «память слуха», «память вкуса», «память сердца». И тогда человечеству будет очевиден символический смысл тех «чудо-знамений», которые совершал Иисус Христос. Воскрешение Лазаря — это полуистория, полумистерия. Обычная жизнь протекает в трех измерениях, но его воскрешение происходит в четвертом, и Лазарь становится невидимым, оказавшись в той мнимой реальности, о которой пишет Флоренский. В трудах древних отцов по-

вестуется о том, что Лазарь вылетает из гроба, как привидение, и обретает естество только тогда, когда его развязывают. Возникает алогизм: чудо полета Лазаря кажется фарисеям более фантастическим, чем сам факт его воскрешения. Неспособность к восприятию чуда не позволила человечеству вступить в Царство Божие, считает Мережковский. Так и в данном случае иудеи не сумели понять, что Лазарь воскрес не в прежнем теле, а в новом, он находится по ту сторону бытия, в ином мире, в ином Царстве, в ином измерении. Не будет противоречием проиллюстрировать этот отрывок из книги Мережковского словами Флоренского, размышлявшего о трансцендентности, существующей за пределами скорости света. Преодолению сверхскоростной границы будет сопутствовать «появление вместе с ними вполне новых, пока нами наглядно непредставимых, если угодно — трансцендентных нашему земному, кантовскому опыту, условий жизни» [Флоренский, 1922: 50].

Как полагает Мережковский, Христос, творящий знамения, испытывает «муку чудес» [Мережковский, 1996: 313], поэтому Он и бежит от людей, требующих от Него проявления своей власти. Но «Любовь-Жалость», каритативная любовь заставляет Христа вновь возвращаться к людям, отвергнувшим Царство Божие. В этом чувстве, считает философ, и раскрывается Утаенный Лик Христа. Он вел людей к чуду-прозрению в иную действительность, то есть в трансцендентный, или мнимый, мир — до самого креста. Крест, подобно всем совершенным Христом чудесам, опрокинул мир, став символом рычага — в этом перевороте, соединившем небо и землю, верх и низ, осуществилась, по мнению Мережковского, религиозная революция, смысл которой заключен в любви, а не в насилии. В данном отрывке писатель сформулировал идею, созвучную той, которая была высказана Флоренским в книге «Мнимости в геометрии» о «Божественной комедии». Описывая переход Вергилия и его спутника из Ада в Чистилище и Рай, Данте провел демаркационную линию между мирами, описав ломающееся пространство, в котором совершается фактический переворот героев. Флоренский поясняет, что ранее их движение осуществлялось ногами вниз, головой — в сторону Италии. Но когда они достигают поясицы Люцифера, то внезапно опрокидываются, и дальнейшее продвижение спутников идет головой вниз. Пространство Дантовой поэмы Флоренский уподобляет тому, которое построено по принципу эллиптической геометрии Римана. Разница подходов Мережковского и Флоренского к решению сходных идей обусловлена, таким образом, религиозно-этическими методами первого и религиозно-математическими методами второго. Тот же элемент антиномии присутствует в подходе мыслителей к идее зеркальности мира и точек на плоскости.

Если для Флоренского в противопоставлении мнимого и реального пространств кроется простая идея отражения объектов при равнозначности и равноценности / равносвятости обоих пространств, то Мережковский трактует идею зеркальности миров как оппозицию божественного и дьявольского. В романе о Леонардо да Винчи мы сталкиваемся с образом — двойником великого художника — Антихристом, явившимся к его преданному ученику Дживованни. В книге «Иисус Неизвестный» Антихрист также изображен как полный близнец Христа, но отраженный в зеркальной поверхности (родинка на левой щеке — родинка на правой щеке). Как распознать, где истина, а где дьявольский соблазн, — вопрос, над решением которого бьются герои Мережковского. Впрочем, мысль Флоренского поясняет идеи писателя: человек может пережить «соблазн принять за духовное, за духовные образы, вместо идей те мечтания, которые окружают, смущают и прельщают душу, когда перед ней открывается путь в мир иной» [Флоренский, 1922: 20].

Мережковский уверен, что иудейский народ поддался соблазну, приняв inferнальное за сакральное. Пилат — язычник, римлянин — пытался спасти «Царя Иудеев», но весь народ иудейский отрекается от Иисуса. Стремясь обхитрить первосвященника, Пилат предлагает толпе сделать выбор между Вараввой и Христом, один из которых должен быть прощен по случаю праздника Пасхи. Прокуратор уверен в возможном выборе толпы, но попадает в ловушку сам, объясняет Мережковский, так как «первосвященники... возбудили чернь (научили) ... как погубить Иисуса (Мт. 27, 20)» [Мережковский, 1996: 564]. По страшному стечению обстоятельств, Варавва был тезкой Иисуса, о чем не умолчал Матфей. Кличка разбойника — Вар Абба — «значит по-арамейски “Сын Отца”, пишет Мережковский. — “Сын Божий” — одно из прозвищ Мессии <...> Два “Мятежника”, два “Освободителя”, два “Христа”: Иисус и Варавва. Страшный тезка Сына Божия — сын дьявола. Выбор между ними сделает весь Израиль — все человечество, — мы знаем, какой» [Мережковский, 1996: 564]. Мережковский пытается не столько понять / оправдать иудейский народ, сколько показать несовершенство человеческой природы, не способной даже мысленно перенестись в мир запредельный, или, как сказал Флоренский, мнимый.

Итак, все три писателя: П.А. Флоренский, Д.С. Мережковский и М.А. Булгаков — соединяют важные для них поиски религиозного идеала с актуальными проблемами эпохи, следуя литературной традиции. Антихрист, по Мережковскому, — это явление политическое, наша грозная реальность, «наш завтрашний — сегодняшний враг», «обезьяна Бога». «Злое и нечистое вообще лишено подлинной реальности, — напишет в «Иконостасе» Флоренский, — потому что

реально только благо и все им действующее. Если дьявола называла средневековая мысль “обезьяной Бога”, а искуситель прельщал первых людей замыслом быть как боги, т.е. не богами по существу, а лишь обманчивой видимостью их, то можно вообще говорить о грезде как об обезьяне, о маске, о видимости реальности, лишенной ее силы и существа» [Флоренский, 1922: 31]. По мысли писателей, задача человечества должна свестись к поискам «демаркационного экватора», отделяющего Землю от Неба, который знаменует собой переход в мнимое, трансцендентное пространство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Булгаков Михаил*. Мастер и Маргарита. М., 1988.
2. *Булгаков С.Н.* Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994.
3. *Ильин Вл.* Шесть дней творения. Париж, 1930.
4. *Карташева Н.В.* Темпоральные феномены русской культуры послереволюционного десятилетия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. №4. С. 69–79.
5. *Мережковский Д.С.* Иисус Неизвестный. М., 1996.
6. *Овчинникова Ю.С.* «La Muerte Sonriente»: юмористическо-игровые образы смерти в мексиканской и мексикано-американской культурах // Вестн Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 156–164.
7. *Семенкин Н.С.* Философия богоискательства: Критика религиозно-философских идей софиологов. М., 1986.
8. *Флоренский П.А.* Мнимости в геометрии. М., 1922.
9. *Флоренский П.А.* Мнимости в геометрии. М., 1991.
10. *Флоренский П.А.* Иконостас. СПб., 1993.

Irina L. Anastasyeva

THE IDEA OF IMAGINARY SPACES AND SUPRA-INDIVIDUAL MYTHS OF P.A. FLORENSKY AS MANIFESTED IN THE WORKS OF THE WRITERS AT THE TURN OF THE 20th CENTURY

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; anastasyevairina@gmail.com

Abstract. Despite the fact that the main ideas of P.A. Florensky were formulated more than a hundred years ago, they remain relevant to this day. Their great influence on his contemporary writers is therefore obvious. Among those, we are primarily interested in writers such as D.S. Merezhkovsky, whose work is largely congruent with the religious tenets of the philosopher, and M.A. Bulgakov, who dedicated his “cherished novel” to Yeshua Ha-Notsri, but was not considered a religious writer either in the 30s of the 20th century, or today. It is known that the two pillars of Pavel Florensky’s work were religion and mathematics, but he wasn’t the pioneer of the idea of a scientific approach to the study of the foundations of Christianity; even Nicholas of Cusa, a cardinal of the Roman Catholic Church, a theologian and

mathematician of the 15th century, was sure that it was possible to learn to understand the grand design with the help of the exact sciences. The report attempts to reveal the manifestation (consonance) of the ideas formulated by P.A. Florensky in his books “Imaginations in Geometry” and “Iconostasis” in the works of D. Merezhkovsky and M. Bulgakov.

Key words: P.A. Florensky; D. Merezhkovsky; M. Bulgakov; “Imaginations in Geometry”.

For citation: Anastasyeva I.L. (2023) The idea of imaginary spaces and supra-individual myths of P.A. Florensky as manifested in the works of the writers at the turn of the 20th century. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 149–159. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Irina L. Anastasyeva — PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Department of Comparative Literature and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; anastasyevairina@gmail.com

REFERENCES

1. Bulgakov M. 1988. *Master i Margarita* [The Master and Margarita]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura. (In Russ.)
2. Bulgakov S.N. 1994. *Svet nevezherniy* [Non-evening light]. Moscow, Respublika (In Russ.)
3. Ilyin V.I. 1930. *Shest' dney tvoreniya* [Six Days of Creation]. Paris. (In Russ.)
4. Kartasheva N.V. 2013. Temporal'nye fenomeny russkoj kul'tury poslerevoljucionnogo desjatiletija [Temporal phenomena of the Russian Culture of the post-revolutionary decade]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 69–78. (In Russ.)
5. Merezhkovsky D.S. 1996. *Iisus Neizvestny* [Jesus Unknown]. Moscow, Respublika. (In Russ.)
6. Ovchinnikova Ju.S. 2021. “La Muerte Sonriente”: jumoristicheski-igrovyje odrazy smerti v meksikanskoj i meksikano-amerikanskoj kulturah [“La Muerte Sonriente”: Humorous Play Imagery in Mexican and Mexican-American Cultures]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 156–164. (In Russ.)
7. Semenkin N.S. 1986. *Philosophia bogoiskatel'stva* [Philosophy of God-seeking]. Moscow, Politizdat. (In Russ.)
8. Florensky P.A. 1922. *Mnimosti v geometrii* [Imaginations in geometry]. Moscow, Pomorie. (In Russ.)
9. Florensky P.A. 1991. *Mnimosti v geometrii* [Imaginations in geometry]. Moscow, Lazur. (In Russ.)
10. Florensky P.A. 1993 *Ikonoostas* [Iconostasis]. SPb, Mifril-Russkaya kniga (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.09.2022;
одобрена после рецензирования 04.10.2022;
принята к публикации 12.10.2022

The article was submitted 04.09.2022;
approved after reviewing 04.10.2022;
accepted for publication 12.10.2022

Е.В. Медведева

**ВИЛЬНЮССКИЙ ТЕКСТ МАКСА ФРАЯ:
СПОСОБЫ, СРЕДСТВА И РЕЗУЛЬТАТЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; yelena_medvedeva@mail.ru*

Аннотация. Изучение города как текста культуры на материале литературных произведений принято связывать с выявлением его «внутреннего смысла», «чувства» и/или основной «идеи». Понимая под объективацией фиксацию авторского восприятия городского пространства в художественном тексте, необходимо задаться вопросом о способах и языковых средствах, позволяющих превратить мыслеформу в целостный, зримый, в некоторых случаях почти осязаемый образ и обуславливающих возможность передачи авторского видения города читательской аудитории. В качестве материала для исследования в данной статье выбран цикл «Сказки старого Вильнюса» Макса Фрая как один из наиболее развернутых городских текстов, созданных в ХХI в., где характеристики реального города комбинируются с авторским вымыслом, в результате чего возникает художественный образ городского пространства, значительно отличающийся от своего прототипа. Для проведения исследования был выбран метод лингвостилистического (с элементами лингвосемиотического) анализа, позволивший выявить не только вербальные, но и визуальные способы и средства объективации города в художественном произведении. Как показал анализ, специфика цикла сказок обусловлена его композицией, с одной стороны, и сочетанием вербального и визуального способов авторской объективации — с другой. Последние реализованы с помощью языковых средств разных семиотик, однако они дополняют друг друга для создания образа города, где реальное оказывается неразрывно связано с вымышленным, чудесным, мистическим. В результате делается вывод не только о возможности обогащения городского сверхтекста за счет создания литературного образа города, но и о потенциале нового художественного образа, способного обеспечить будущее развитие реального городского пространства.

Ключевые слова: текст города; городской текст; город как текст культуры; городское пространство; семиотика города; литературный образ города; городские исследования; объективация; вильнюсский текст; Макс Фрай; Вильнюс; литературное продвижение; продвижение территории.

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-14

Медведева Елена Вячеславовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; yelena_medvedeva@mail.ru

Для цитирования: Медведева Е.В. Вильнюсский текст Макса Фрая: способы, средства и результаты объективации городского пространства // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2023. № 1. С. 160–169.

Феномен города как текста культуры в настоящее время является объектом изучения двух взаимодополняющих научных направлений: урбанистического, трактующего городское пространство как гетерогенный текст из семиотически разнородных элементов (природно-ландшафтных, архитектурных, урбанистических и др.), и литературоведческого, сконцентрированного преимущественно на художественных текстах о том или ином городе, в совокупности образующих городской свертхтекст. Основную цель таких исследований сформулировал еще один из основоположников концепции «город как текст культуры» Н.П. Анциферов в работе, посвященной петербургскому тексту, где он стремился «наметить основные пути, на которых можно обрести “чувство Петербурга”, вступить в проникновенное общение с гением его местности» [Анциферов, 1922: 5]. Об этом же читаем и у В.Н. Топорова, изучавшего «внутренний смысл Петербурга, самую глубочайшую его идею» [Топоров, 2009: 25]. В работах современных ученых предпринимаются попытки сформулировать message городского текста (ср. «О чем этот город?» у Л.Ю. Салмина) или выявить его «культурную субстанцию» (термин Т.М. Дридзе).

Одним из самых развернутых городских текстов, созданных в ХХI в., является цикл «Сказки старого Вильнюса», изданный в семи томах под авторством вымышленного персонажа — Макса Фрая (псевдоним писательницы С.Ю. Мартынчик). Название цикла сразу сообщает читателю о его жанровой принадлежности: речь идет о сказках, точнее — о литературных городских сказках, каждая из которых, по выражению Л.Ю. Брауде, представляет собой «произведение, в котором волшебство, чудо играет роль сюжетобразующего фактора» [цит. по: Ковтун, 1999: 298-299], и реалистичные поначалу истории, разворачивающиеся в пространстве современного города, внезапно или постепенно приобретают большую или меньшую степень фантастичности. В соответствии с выбранным жанром автор уделяет особое внимание описанию пространства, где происходят сказочные события, что заставляет задуматься о способах и средствах объективации¹ города в художественном тексте, т. е. о превращении авторского представления о городе в объект,

¹ Объективация — «превращение материального или духовного явления в объект путем его фиксации или создания репрезентирующей модели» (Философия и методология науки. Терминологический словарь-справочник 2017. URL: <https://terme.ru/termin/obektivacija.html> (дата обращения: 18.08.2022)).

целостный художественный образ, способный транслировать авторское видение читательской аудитории.

Необходимо отметить, что в первых трех томах «Сказок», вышедших в издательстве «Амфора» (2012–2014) содержатся не только тексты, но и авторские фотографии, дополняющие литературный образ города и способствующие более точной передаче взгляда автора на городское пространство и описываемые события². Таким образом, очевидно, что в создании художественного образа г. Вильнюс в «Сказках» задействованы два способа объективации: вербальный и визуальный. Для выявления же языковых средств создания образа был выбран комплексный метод лингвостилистического (с элементами лингвосомиотического) анализа, использование которого позволило исследовать цикл сказок в единстве всех семиотических языков (см.: Задорнова, 1984). Данный вид анализа, последовательно применяемый к вербальной, а затем к визуальной составляющим на семантическом уровне (исследовании языковых единиц, использованных автором), далее на метасемиотическом уровне (изучении сочетаний единиц и нового образного, коннотативного содержания), позволяет на последнем этапе — метаметасемиотическом уровне — проникнуть в авторский замысел и выявить идейно-образное наполнение произведения.

На семантическом уровне вербальные средства объективации городского пространства в вильнюсском тексте Макса Фрая могут быть распределены на несколько тематических групп. Так, композиционной основой для всего цикла становится система урбанонимов: сюжеты отдельных сказок разворачиваются в строго определенных городских локациях, а потому содержание каждого из семи сборников формирует четкую систему пространственных координат. Авторский композиционный замысел вполне четко сформулирован уже в аннотации к первому тому «Сказок»: *«В центре города Вильнюса ровно сто восемь улиц. И если ходить по ним достаточно долго, то есть почти каждый день на протяжении нескольких лет, на некоторых улицах можно стать свидетелем удивительных историй. А на некоторых — даже их участником»*³. Позже к названиям улиц добавляются и наименования других элементов городского ландшафта (переулков, проспектов, площадей, скверов, рынков, мостов). В результате складывается довольно своеобразный городской текст, базирующийся на урбанонимии города Вильнюс, где каждая сказка, входящая в его состав, озаглавлена двояко: сна-

² Тома IV–VII (Издательство АСТ) снабжены рисунками Р. Мазгуновой, которые, однако, носят сугубо иллюстративный характер, не могут быть рассмотрены как дополнение к плану содержания сказок, а потому не были задействованы при проведении исследования.

³ Фрай М. Сказки старого Вильнюса. Т. I. СПб., 2012. С. 4.

чала следует обозначение локации на русском и литовском языках, а затем, собственно, название, например: *Улица Кривю (Krivių g.) Халва в шоколаде*. Отметим, что в ряде сказок встречаются и авторские новации — несуществующие урбанонимы, обозначающие вымышленные городские объекты (улица Синих Звезд, улица Лисьих Лап, Вчерашняя улица, площадь Трех Ветров⁴ и т.д.).

Не менее важную тематическую группу составляют единицы, характеризующие топографические особенности города: две *реки* (Вильняле и Нерис), их *берега, холм* Гедиминаса и пр., становящиеся местом действия и / или сюжетообразующими факторами в некоторых сказках. Примечательно, что автор прибегает к описанию реальных свойств объектов, но интерпретирует их в художественном ключе, что способствует образному восприятию городского пространства. Так, сугубо физическая характеристика реки Вильняле — цвет воды, обусловленный глинистыми отложениями на дне, становится одной из особенностей ее переменчивого характера: «*Вода в реке сегодня и правда переливается всеми оттенками янтаря. Но Вильняле не всегда такая рыжая. У нее каждый день что-нибудь новенькое*»⁵. Дополнительным вымышленным элементом вильнюсского ландшафта оказывается море, которого нет в Вильнюсе, но на ощущение близости которого автор указывает в нескольких сказках: «*на улице Субачюс есть один большой двор, в дальнем конце двора стена, и когда проходишь мимо, спеша по своим делам, точно знаешь, что там, за стеной море*»⁶.

Лексика природно-климатической группы в анализируемом городском тексте содержит несколько ключевых компонентов, среди которых особенно важными представляются *туман, дождь и ветер*. Это — явления, в целом, соответствующие климатической зоне, где расположен город Вильнюс, однако в «Сказках» они часто наделяются дополнительной сюжетообразующей функцией и по воле автора оказываются способны вызывать миражи, трансформировать реальность и / или открывать порталы в параллельные фантастические пространства. Некоторые из этих явлений (например, ветер) имеют свои особые разновидности, наиболее ярко проявляющиеся на территории Вильнюса или становящиеся специфичными именно для данного географического пространства: «*Черный ветер всегда начинается в сумерках и дует, где хочет, но в этом городе чаще, чем в прочих местах <...>. Когда дует Черный ветер, мир выворачивается сновидениями наружу, время останавливается, вечность приходит в движение и все становится возможным, а каждый человек — тем,*

⁴ См.: *Фрай М.* Сказки старого Вильнюса. Т. II. СПб., 2013. С. 344–345.

⁵ Там же. Т. I. СПб., 2012. С. 168.

⁶ Там же. Т. IV. М., 2016. С. 399.

для чего он рожден»⁷. В отдельных случаях природные явления, наблюдаемые на территории сказочного Вильнюса, совершенно нетипичны для Вильнюса реального (например, Хава Шимали — аравийский северный шквалистый ветер, Вардар — холодный и сухой северо-западный ветер в районе города Салоники и пр.). Их появление в повествовании оказывается еще одним сюжетообразующим приемом, основанным на олицетворении: так, ветер может заблудиться или прилететь в город вслед за любимым человеком.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что прием соположения реального и вымышленного, включение в почти документальное описание локаций и маршрутов фантастических, сказочных элементов является одним из основных в цикле сказок, что выявляется уже на семантическом уровне анализа. Сказанное подтверждают и особенности лексической группы, связанной с инфраструктурой города, в которую входят как уже упомянутые компоненты (*улица, площадь, проспект, мост*), так и дополнительные: *дорога, дом, двор, кафе, галерея, ярмарка, виды транспорта* и др. При этом, например, рассказывая о типичных вильнюсских дворах, автор несколько раз вводит в повествование и фантастические «дворы, вывернутые наизнанку» и особый «Каталог незапертых дворов», являющиеся важными деталями и / или сюжетообразующими факторами в некоторых сказках. В дополнение к этому и транспорт воображаемого Вильнюса периодически включает возможность перемещения на трамвае, *«хотя никаких трамваев в Вильнюсе нет с двадцать шестого года <...>. А жаль! Трамвай — единственное, чего не хватает этому городу для полного совершенства»*⁸.

Не останавливаясь подробно на стилистических приемах, использованных в «Сказках», тем не менее на метасемиотическом уровне анализа необходимо отметить, что к наиболее частотным из них можно отнести метафору, олицетворение, эпитет, градацию и другие средства создания образности, например: *«Долго ловили грозу, она не давалась в руки, наконец-то поймали, собрались нести домой, но гроза в самый последний момент изловчилась, ужалила молнией и убежала в небо, весело грохоча»*⁹. Особо следует выделить роль упомянутого выше приема соположения реального и вымышленного, еще более усиливающегося в контексте: *«Куклы в витринах сувенирных лавок кивали ему как старому приятелю, птицы на ветках деревьев переговаривались человеческими голосами, хоть и на незнакомом языке, а из-под ног время от времени выпрыгивали пестрые рыбы и, блеснув на солнце зеркальной чешуей, снова по-*

⁷ Фрай М. Сказки старого Вильнюса. Т. II. СПб., 2013. С. 170.

⁸ Там же. С. 340.

⁹ Там же. Т. VII. М., 2018. С. 275.

гружались в булыжную мостовую, как в воду»¹⁰. В некоторых случаях данный прием реализуется за счет разнообразной языковой игры. Так, столкновение прямого и переносного значений слова позволяет автору превратить окно в стене здания в окно в параллельный мир и построить на этом сюжет сказки: «<Луиза Захаровна> поворачивалась к окну, теоретически выходящему во внутренний двор, заставленный автомобилями и мусорными баками, зеленый летом, заснеженный зимой. Но <...> у Луизы Захаровны с реальностью всегда был отдельный договор. Сегодня за окном бушевала развеселая Сайдарьяльская весна — время, когда расцветают не только деревья и травы, но даже фонарные столбы»¹¹.

Визуальный способ объективации пространства, как уже упоминалось, реализован с помощью авторских черно-белых фотографий вильнюсского городского пейзажа. Известно, что фотография как «сообщение без кода» является единственным видом изображений, который способен передавать буквальную информацию, ведь «любая фотография поражает нас очевидной констатацией: все это было именно так» [Барт, 2015: 47], а потому носит характер визуального документа и вызывает наибольшее доверие к изображенному. Иначе говоря, для создания визуального образа автор вновь задействует реалистичную, документальную основу, однако затем трансформирует ее, за счет чего изобразительный образ города приобретает вымышленные, фантастические черты. Так, в первом томе «Сказок» 17 снимков выполнены без использования спецэффектов и демонстрируют читателю реальный город Вильнюс. При этом 30 фотоиллюстраций призваны усилить авторский вымысел, передать ощущение переменчивости, непостоянства, текучести городского пространства, в соответствии с чем выполнены с использованием визуальных приемов, позволяющих создать второй, «надстроечный» план в изображении города:

- использование световых эффектов (высветление одних объектов и затемнение других);
- создание необычной композиции кадра;
- совмещение / наложение кадров друг на друга;
- съемка отражений объектов в воде или в зеркале;
- съемка через мокрое или заиндевевшее стекло;
- съемка движущегося объекта, который «расплывается» на снимке, становится призрачным, как бы «тающим в воздухе».

Отметим, что изображение на фотографии редко совпадает с содержанием сказки, которую оно иллюстрирует. В основном задействованы объекты городского пространства, отмеченные выше в

¹⁰ Там же. Т. V. М., 2016. С. 382.

¹¹ Там же. С. 242.

тематической группе «инфраструктура города». Иными словами, автор не столько иллюстрирует текст, сколько целенаправленно фокусирует внимание читателя «Сказок» на городском ландшафте, создает визуальный образ города, одновременно с помощью дополнительных визуальных приемов добиваясь усиления эффекта двоящегося пространства, его зыбкости, иллюзорности, тонкой границы, отделяющей реальный город от вымышленного.

Сопоставление результатов, полученных при анализе вербальных и визуальных средств объективации в вильнюсском тексте Макса Фрая, на метаметасемиотическом уровне показывает, что главным героем всего цикла сказок является город Вильнюс, в качестве самостоятельного персонажа принимающий участие в художественном повествовании, влияющий на мысли и поступки действующих лиц, нередко в корне меняющий их жизнь. Выбранные автором способы и средства нацелены на создание образа городского пространства, внезапно меняющего свои характеристики, текучего, постоянно трансформирующегося: *«в Люсиной голове превосходно уживались десятки одновременно сосуществующих Вильнюсов, почти не пересекающихся, но каким-то удивительным образом сливающихся в один многомерный город»*¹².

Таким образом, исследование способов и средств объективации городского пространства в «Сказках старого Вильнюса» позволяет говорить о ее довольно специфическом характере: будучи композиционно построенным на четкой системе пространственных координат, цикл сказок изобилует описаниями городского пространства, выполненными с помощью вербальных и визуальных языковых средств, за счет чего основа художественного образа приобретает документальный характер. Однако одновременная объективация реальных и вымышленных черт города, взаимодополняющих друг друга в повествовании, использование разного рода дополнительных средств создания образности (вербальных и визуальных) позволяет зафиксировать в цикле сказок литературный вариант городского пространства, постоянно предстающего перед читателем в разных ипостасях: то ничем не примечательной «столицы бывшей советской республики»; то необыкновенного, красивого, притягательного города; то территорией, обладающей уникальной, волшебной, а потому притягательной для жителей и гостей города атмосферой; то места, исцеляющего от болезни и / или даже спасающего от смерти.

Очевидно, что результатом создания цикла сказок следует признать в первую очередь возрождение и развитие вильнюсского сверткста в русской литературе, не слишком богатого и — в силу исторических и политических причин — некоторое время находив-

¹² Там же. Т. I. М., 2012. С. 192.

шегося в забвении. В этой связи необходимо упомянуть о том, что анализ художественных и автодокументальных текстов, созданных на русском языке в 40–80-е годы XX в. показал, что в образе Вильнюса «комбинируются черты “другого” пространства, окрашенного умеренной экзотикой принадлежности к литовской национальной и западноевропейской культуре, и пространства “своего”, к элементам которого относятся фигуры и эпизоды революционной и национально-освободительной борьбы, русской национальной истории и истории культуры» [Лавринец, 2014: 63]. Аналогичное «сдвигание» пространства позволило выявить и анализ «Сказок», только в XXI в. речь идет о комбинировании в целостном образе города черт «своего» (реального) и «другого» (вымышленного). Здесь реальность и вымысел существуют на равных и, переплетаясь, взаимодополняя друг друга в повествовании, создают литературный вариант города, в котором узнаваемые локации приобретают фантастические черты, а повседневная будничная жизнь оказывается насыщена чудесами.

Важно и то, что художественная литература позволяет сделать вымышленное объективно существующим для читателя, единственно правильным «реальным миром». Вымысел позволяет создать эмоционально-насыщенный, привлекательный образ пространства, насытить его образными компонентами, имеющими дополнительную психологическую ценность для читателя. В этой связи уместно вспомнить о том, что, по В.В. Абашеву, художественное произведение способно влиять на территорию, с которой оно связано. Более того, новые семантические константы городского пространства, созданные автором, «становятся доминирующими категориями описания места и начинают по существу программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций» [Абашев, 2000: 11-12]. Иначе говоря, объективация авторского взгляда на город в литературном (и шире — любом художественном) произведении может сыграть важную роль в осмыслении территории того или иного города, формировании отношения к нему у широкой аудитории — внутренней (резидентов) и внешней. При этом писатель оказывается способен «переформатировать» городскую действительность: наполнить новыми смыслами существующие фрагменты городского пространства, создать предпосылки для возникновения новых феноменов или, по крайней мере, привлечь внимание читателя к определенным городским локациям и / или их характеристикам, что обуславливает складывание новой (в полном смысле — авторской) сети городских семантических констант.

Наконец, к результатам создания вильнюсского текста Макса Фрая следует также причислить и возможность литературного продвижения города. Отметим, что подобные примеры относительно редки, однако циклы книг Дж. Даррелла о Корфу и П. Мейла о Про-

вансе за счет создания притягательного художественного образа территории послужили популяризации соответствующих регионов, обусловили возникновение своеобразной моды на них и способствовали увеличению туристических потоков. Представляется, что «Сказки» вполне определенно обладают аналогичным продвигающим потенциалом, хотя художественный образ Вильнюса Макса Фрая и отличается от концепции продвижения города, предложенной и реализованной в рекламных кампаниях 2018–2019 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000.
2. *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. Пг., 1922.
3. *Барт Р.* Третий смысл. М., 2015.
4. *Задорнова В.Я.* Восприятие и интерпретация художественного текста. М., 1984.
5. *Калуцков В.Н.* Концептуализация географического пространства: ономастические аспекты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 57–69.
6. *Ковтун Е.Н.* Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. М., 1999.
7. *Лавринец П.М.* Присвоение Вильнюса в русской литературе // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 63–69.
8. *Морозова М.М.* Зарубежная литературная география: основные направления исследований // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 150–156.
9. *Топоров В.Н.* Петербургский текст. М., 2009.

Elena V. Medvedeva

MAX FREI'S TEXT OF VILNIUS: THE WAYS, MEANS AND RESULTS OF URBAN SPACE OBJECTIVIZATION

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; yelena_medvedeva@mail.ru

Abstract. Studying the city as a text of culture on the material of literary works is usually associated with the identification of its “inner meaning”, “feeling” and / or the main “idea”. We proceed from understanding objectification as fixation of the author’s perception of urban space in a literary text which leads us to the question of the ways and linguistic means that allow turning the thoughtform into a holistic, visible, in some cases almost tangible image determining the possibility of transmitting the author’s vision of the city to the readership. “Tales of Old Vilnius” by Max Frei has been chosen as a source for the research because it can be regarded as one of the most interesting urban texts which have appeared in the 21st century, where the characteristics of the existing city are combined with the author’s fantasy, as a result of which there appears a literary version of urban space which differs greatly from its invariant. The methods of linguostylistic analysis (with elements of linguosemiotic analysis) have been chosen, which enable us to reveal not only verbal, but also visual ways and means of objectivization of the city in fiction. As the analysis has shown, the specifics of the Tales are stipulated by its composition and the combination of verbal and visual ways of author’s objectivisation: they are imple-

mented with the help of linguistic means of different semiotics, however, they complement each other in the process of creating the image of the city, where the real and the imaginary are closely connected. As a result, it can be concluded that not only the urban supertext can be enriched by the creation of a new literary image of the city, but that the new fictional image as well has the potential to foster the real future development of urban space.

Key words: urban text; text of the city; city as a text of culture; urban space; semiotics of the city; literary image of the city; urban studies; objectivisation; Max Frei; Vilnius.

For citation: Medvedeva E.V. (2023) Max Frei's text of Vilnius: the ways, means and results of urban space objectivization. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. XX–XX. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Medvedeva — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Area Studies, Lomonosov Moscow State University; yelena_medvedeva@mail.ru

REFERENCES

1. Abashev V.V. 2000. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka* [Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the twentieth century]. Perm', izd-vo Permskogo un-ta. (In Russ.)
2. Antsiferov N.P. 1922. *Dusha Peterburga* [The Soul of St. Petersburg]. Petrograd, Brokgauz i Efron. (In Russ.)
3. Bart R. 2015. *Tretii smysl* [The Third Sense]. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russ.)
4. Zadornova V.Ya. 1984. *Vospriyatie i interpretatsiya khudozhestvennogo teksta* [Perception and interpretation of a literary text]. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russ.)
5. Kalutskov V.N. 2020. Kontseptualizatsiya geograficheskogo prostranstva: onomasticheskie aspekty [Conceptualization of geographical space: onomastic aspects]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 57–69. (In Russ.)
6. Kovtun E.N. 1999. *Poetika neobychnogo: Khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoi skazki, utopii, pritchi i mifa* [Poetics of the extraordinary: Artistic worlds of fiction, fairy tale, utopia, parable and myth]. Moscow, izd-vo MGU. (In Russ.)
7. Lavrinets P.M. 2014. Prisvoenie Vil'nyusa v russkoi literature [Appropriation of Vilnius in Russian literature]. *Ural Historical Bulletin*, no. 3 (44), pp. 63–69. (In Russ.)
8. Morozova M.M. 2020. Zarubezhnaya literaturnaya geografiya: osnovnye napravleniya issledovaniia [Foreign literary geography: the main directions of research]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 150–156. (In Russ.)
9. Toporov V.N. 2009. *Peterburgskii tekst* [Petersburg text]. Moscow, Nauka. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.09.2022;
одобрена после рецензирования 05.10.2022;
принята к публикации 12.10.2022

The article was submitted 05.09.2022;
approved after reviewing 05.10.2022;
accepted for publication 12.10.2022

А.С. Лабунова

**КОНФОРМИЗМ И НОНКОНФОРМИЗМ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ «САГИ О ФОРСАЙТАХ» ДЖ. ГОЛСУОРСИ)**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; anna.labunova@yandex.com*

Аннотация. Конец XIX — начало XX в. в истории Великобритании — период трансформации социокультурного пространства, переосмысления старых ценностей и норм, формирования новых. В сложившихся условиях ярко проявляют себя такие социальные явления, как конформизм и неконформизм. На страницах «Саги о Форсайтах» Джон Голсуорси достоверно описал то, как носители разных систем ценностей взаимодействуют друг с другом. Конформизм — это беспрекословное соблюдение условностей, социальных норм, предиктованных классом. Неконформизм в романе — бунт против морали мира собственников, в котором царит холодный расчет, борьба за свободу, любовь и счастливую жизнь. На примере этих явлений можно проследить динамику развития общества. В прошлое уходит Викторианская эпоха с ее условностями. Форсайты — олицетворение эпохи, общества, в котором нет ничего важнее безупречной репутации и стабильного дохода. Пережив свой расцвет, крепко сплоченная семья все чаще начинает сталкиваться с людьми, которые станут олицетворением новой эпохи в истории Великобритании. Предоставления о семье, искусстве, эстетике и красоте как о главных ценностях сформируют основу нового социокультурного пространства.

Ключевые слова: конформизм; неконформизм; социокультурное пространство; Джон Голсуорси; культурология.

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-15

Для цитирования: Лабунова А.С. Конформизм и неконформизм в социокультурном пространстве Великобритании конца XIX — начала XX в. (по материалам «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 170–176.

Периоды истории, наполненные яркими событиями, всегда привлекали внимание ученых и деятелей культуры. Конец XIX — начало XX в. в истории Великобритании — период трансформации социокультурного пространства, пересмотра основ ценностно-нор-

Лабунова Анна Сергеевна — аспирант, преподаватель кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; anna.labunova@yandex.com

мативной системы общества. Так, произошедшие перемены нашли отражение в романах не слишком известного на родине, как отмечают Л.В. Полубиченко и Е.Н. Соловова [Полубиченко, Соловова, 2008], писателя Джона Голсуорси. В своем исследовании А.М. Штульберг обращает внимание на то, что феномены викторианской действительности были тесно связаны с явлениями литературного творчества [Штульберг, 2017]. На страницах «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси знакомит своих читателей с процветающим семейством Форсайтов, которое принадлежит к верхушке буржуазии. Внутри этой сплоченной, казалось бы, социальной группы находятся те, кто готов восстать против морали класса собственников в борьбе за собственное счастье. Эта борьба и есть красочная иллюстрация конформизма и нонконформизма.

Изучение конформизма и нонконформизма чаще всего проходит в рамках психологии, социологии, философии и смежных наук. Например, Н.В. Розенберг и И.А. Ушкина в своей работе «Конформизм как социальный феномен» обращают внимание на то, что на данный момент единого мнения относительно природы этого явления нет, и предлагают собственное определение: «...социальный феномен, проявляющийся в особой форме поведения и взаимодействия субъектов социальных отношений, при которой человек / группа лиц демонстрируют движение в сторону принятия или соглашения с мнениями, установками, нормами интересующей их группы с целью максимального соответствия поведению составляющих ее членов» [Розенберг, Ушкина, 2014: 144].

Изучению конформизма как социокультурного явления посвящено не так много работ. Например, исследователи М.В. Курочка и Н.В. Хлабыстова анализируют понятие «конформизм» в своей работе «Конформизм как социокультурное явление», рассматривая данное явление в тесной связи с культурой [Курочка, Хлабыстова, 2017]. В этом контексте необходимо пояснить, что понимается под «культурой», поскольку сегодня существует множество дефиниций этого понятия в зависимости от сферы употребления. О.А. Комков отмечает: «О культуре говорят как о деятельности, связанной с мышлением, творчеством, моралью, выделяют “классы” или “группы” определений культуры...» [Комков, 2017: 138]. Очень интересным представляется определение «культуры», которое предлагает психолог и профессор Калифорнийского университета Д. Мацумото. Культура — это «динамическая система правил, эксплицитных и имплицитных, установленных группами с целью обеспечить свое выживание, включая установки, ценности, представления, нормы и модели поведения, общие для группы, но реализуемые различным образом каждым специфическим объединением внутри группы,

передаваемые из поколение в поколение, относительно устойчивые, но способные меняться во времени» [Мацумото, 2008: 38].

Другое важное понятие — неконформизм. Исследователь Н.П. Васильев отмечает, что неконформистское сознание возникает на фоне несоответствия действительности потребностям личности или социальной группы [Васильев, 2000]. Так, неконформизм — «отсутствие приспособленчества, активный взгляд на существующий порядок вещей, собственная жизненная позиция, отстаивание личностных убеждений, индивидуальные поступки вопреки поступкам и убеждениям группы, в которую человек включен, творческий поиск» [там же: 21].

В «Саге о Форсайтах» показаны многие социальные явления, в том числе конформизм и неконформизм. Проявление конформизма в романах Дж. Голсуорси отражается в первую очередь в тщательном соблюдении норм, условностей и предписаний, характерных для буржуазии как социального класса. Неконформизм находит отражение в поведении тех персонажей, которые, соприкасаясь с тщательно выстроенным миром Форсайтов, бунтуют против его законов. Смелость персонажей, способность идти против правил и жить так, как подсказывает им сердце — вот проявления неконформизма в «Саге о Форсайтах». Рассмотрим эти явления на конкретных примерах.

Неукоснительное соблюдение социальных норм — обязательное условие для всех членов семьи Форсайтов. Первый роман цикла «Сага о Форсайтах» Джон Голсуорси начинает с детального описания семьи процветающих буржуа, «представленных во всем блеске». Отличные жилеты, белые перчатки, изысканные платья, перья — все эти предметы одежды действительно являются важными атрибутами в форсайтском обществе. Щепетильное отношение к внешнему виду всегда «будет служить отличительной чертой могучего класса буржуазии» [Голсуорси, 2015: 4], как отмечает автор. Следование определенной моде, правилам приличия — вопрос не только личного вкуса и эстетики. Это — социальная норма, соблюдение которой обязательно для тех, кто хочет оставаться частью этого общества. Нарушение этикета неминуемо повлечет за собой сплетни, скандалы и пересуды, которые так опасны для безупречной репутации семьи преуспевающих буржуа.

Условностям и этикету, сложившимся в Викторианскую эпоху, подчинена вся жизнь Форсайтов. Это продиктовано не только строгими правилами викторианского общества, но и стремлением к аристократизму и благородству, желанием стать частью высшего общества, в котором каждая деталь (будь то интерьер дома или тема светской беседы) имеет огромное значение. Форсайты создают образ идеальной процветающей семьи, достойной восхищения и всеобщего

го уважения, а в этом деле репутация играет ключевую роль. Форсайты даже готовы принести в жертву близкие родственные отношения. Молодой Джолион, сын старого Джолиона и отец своенравной Джун, совершив аморальный поступок (он предпочел своей достойной жене «какую-то гувернантку»), нарушил законы семьи и оказался в изгнании. Он погубил себя. Форсайты открестились от него, надеясь так защититься от сплетен и общественных скандалов.

Любая угроза идеальной репутации должна быть немедленно устранена. Показательным стал случай с Уинифрид и Монтегью Дарти. Дарти — пример плохой партии для Форсайта. На протяжении более 20 лет брака с Уинифрид Дарти жил за счет жены и своего тестя Джеймса. Он был человеком светским, склонным к необдуманным поступкам и мотовству. На 45-м году жизни Дарти совершил поступок, который поверг в ужас Форсайтов: он не только бросил свою семью ради танцовщицы, но и посягнул на святое — Дарти украл жемчуга Уинифрид, которые стали ее собственностью, ее сокровищем благодаря отцу Джеймсу. Разумеется, Дарти нужно было срочно вычеркнуть из семейного круга на самом официальном уровне. Сбежав, Дарти перестал быть собственностью Уинифрид, а от таких «владений» нужно избавляться — так поступать Форсайтов заставляет все тот же инстинкт собственника.

Поведение Дарти — это тоже одно из проявлений нонконформизма в «Саге о Форсайтах». Он борется не столько за собственную свободу, сколько за право распоряжаться деньгами жены так, как ему заблагорассудится. Показательно то, что, получив решение суда о восстановлении в супружеских правах, Дарти все-таки вернулся к жене и был прощен. Он поступил как соглашатель, готовый играть по правилам Форсайтов.

Совершенно иначе происходит развод Сомса Форсайта, необходимость в котором возникла спустя несколько лет после того, как Ирэн его оставила. Единственной причиной для развода стало желание Сомса жениться вновь на женщине, способной дать ему то, что должно быть у преуспевающего человека — наследника, которому он мог бы передать свои богатства, свою собственность. Роль матери наследника достается милой француженке Аннет Ламот, с которой он познакомился в Сохо. Деловые инстинкты, приятная внешность молодой француженки привлекли внимание Сомса. Их брак должен был стать для обоих выгодным, поскольку каждый получил бы то, в чем нуждался: Сомс — наследника, Аннет — жизнь в роскоши и достатке. Проблема заключалась в том, что Сомс формально оставался мужем Ирэн. Он мог бы взять всю вину на себя во время бракоразводного процесса, это было бы намного проще, но идеальная репутация Сомса — образцового представителя сво-

его класса — была бы неминуемо испорчена. Его стремление вынудить Ирэн признать супружескую неверность — пример неукоснительного соблюдения приличий, попытка заставить виновницу расплачиваться за публичный скандал.

Однако Ирэн отказалась играть по правилам Форсайтов. «Я ничего не могу вам сказать, чего бы вы не знали» [Голсуорси, 2015: 444], — ответила она на просьбу Сомса предоставить ему компрометирующую ее информацию. Тем самым Ирэн пресекает любую попытку Сомса снова вмешаться в ее жизнь. Она не позволила бывшему мужу «позаботиться» о ней, когда сбежала и оказалась практически без средств к существованию, потому что любую помощь от сломавшего ее жизнь человека Ирэн воспринимала как уступку или проявления слабости. Теперь, когда она смогла выжить и устоять, несмотря на все испытания, впускать в свою жизнь истинного Форсайта — означало снова попасть в ловушку собственника. Ирэн пережила насилие, смерть любимого, нищету. Она отвоевала свое право на свободу. Поведение Ирэн — пример настоящего нонконформизма.

Таким образом, мы видим, что в основе конформизма и нонконформизма, проявляемых героями «Саги о Форсайтах», лежат принципы, обусловленные особенностями ценностно-нормативной системы группы. Эти социальные явления возникают в момент, когда люди, придерживающиеся разных представлений о ценностях и нормах, оказываются в одном пространстве. Конформизм в романах Джона Голсуорси — это беспрекословное соблюдение условностей, социальных норм, продиктованных классом. Нонконформизм — это бунт против морали общества собственников, в котором царит холодный расчет, в котором нет места искренним чувствам, красоте, духовности. На примере этих социальных явлений можно проследить динамику общества. Форсайты — представители Викторианской эпохи, общества, в котором нет ничего важнее безупречной репутации и стабильности дохода. Им противостоят другие герои «Саги о Форсайтах». Они живут чувствами, а не разумом, ценят искусство и красоту больше денег. На страницах романов Дж. Голсуорси отражена борьба двух систем ценностей, в которой конформизм и нонконформизм проявляются особенно ярко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев А.П.* Влияние конформизма на формирование ценностных ориентаций в процессе социокультурной адаптации женщин: Дисс. ... канд. пед. наук. М., 2000.
2. *Голсуорси Дж.* Сага о Форсайтах. СПб., 2015.

3. *Комков О.А.* К вопросу о концептуальных основаниях теории культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 136–145.
4. *Курочка М.В., Хлабыстова Н.В.* Конформизм как социокультурное явление // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2017. №4. С. 205–212. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30161415_59311807.pdf (дата обращения: 20.08.2022).
5. *Мацумото Д.* Психология и культура. СПб., 2002.
6. *Полубиченко Л.В., Соловова Е.Н.* Нужна ли на факультетах иностранных языков художественная литература, или как сформировать филологическую компетенцию? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 128–142.
7. *Розенберг Н.В., Ушкина И.А.* Конформизм как социальный феномен // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 3 (31). С. 142–150. URL: [https://izvuz_on.pnzgu.ru/files/izvuz_on.pnzgu.ru/17\(1\).pdf](https://izvuz_on.pnzgu.ru/files/izvuz_on.pnzgu.ru/17(1).pdf) (дата обращения: 20.08.2022).
8. *Штульберг А.М.* Значение и специфика изучения художественной литературы Великобритании в контексте региональных исследований // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 79–88.

Anna S. Labunova

**CONFORMISM AND NONCONFORMISM
IN THE SOCIOCULTURAL SPACE OF GREAT BRITAIN
IN THE SECOND HALF OF THE 19TH AND EARLY
20TH CENTURIES**

(A CASE STUDY OF “THE FORSYTE SAGA” BY J. GALSWORTHY)

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; anna.labunova@yandex.com

Abstract. The sociocultural space of the UK, in the late 19th and early 20th centuries, was in a state of flux. During the time, the norms and values of two different epochs were in sharp conflict, bringing to light such phenomena as conformism and nonconformism. In “The Forsyte Saga”, John Galsworthy masterfully described the interaction between people from different social classes and their different mindsets. Strict compliance with acceptable norms and values, in the case of “The Forsyte Saga”, is what conformism refers to. Nonconformism refers to the struggle for freedom, love and happiness. It was a revolution against the ethos of the Forsytes, an ethos based on cold calculations and a need for profit. Based on the analysis of this phenomenon, the dynamics of the development of society can be traced. The Victorian era faded into the past. The Forsytes, the embodiment of the passing era, were the representatives of a society in which there was nothing more important than an impeccable reputation and a stable income. The new era belonged to those who put family, art and beauty above money and public opinion. Their aim was to determine the basis of a new sociocultural space.

Key words: conformism; nonconformism; sociocultural space; culture studies; John Galsworthy.

For citation: Labunova A.S. (2023) Conformism and nonconformism in the sociocultural space of Great Britain in the second half of the 19th and early 20th centuries (a case study of “The Forsyte Saga” by J. Galsworthy). *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 170–176. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Anna S. Labunova — postgraduate student, Lecturer, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; anna.labunova@yandex.com

REFERENCES

1. Vasil'ev A.P. 2000. *Vliyanie konformizma na formirovanie tsennostnykh orientatsii v protsesse sotsiokul'turnoi adaptatsii zhenshchin* [The influence of conformity on the formation of value orientations in the process of socio-cultural adaptation of women]: Diss. ... kand. ped. nauk: 13.00.05. Moscow. (In Russ.)
2. Galsworthy J. 2015. *The Forsyte Saga*. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka Attikus. (In Russ.)
3. Komkov O.A. 2017. K voprosu o kontseptual'nykh osnovaniyakh teorii kul'tury [On conceptual foundations of cultural theory]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 136–145. (In Russ.)
4. Kurochka M.V., Khlabystova N.V. 2017. Konformizm kak sotsiokul'turnoe yavlenie [Conformism as a social and cultural phenomenon]. *Elektronnyi setevoi politematicheskii zhurnal 'Nauchnye trudy KubGTU'*, no. 4, pp. 205–212. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30161415_59311807.pdf (accessed: 20.08.2022).
5. Matsumoto D. 2002. *Culture and psychology*. Saint Petersburg, Praim-Evroznak. (In Russ.)
6. Polubichenko L.V., Solovova E.N. 2008. Nuzhna li na fakul'tetakh inostrannykh yazykov khudozhestvennaya literatura, ili kak sformirovat' filologicheskuyu kompetentsiyu? [Do faculties of foreign languages need fiction, or how to form philological competence?] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 128–142. (In Russ.)
7. Rozenberg N.V., Ushkina I.A. 2014. Konformizm kak sotsial'nyi fenomen [Conformism as a social phenomenon]. *Izvestiya VUZov. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*, no. 3 (31), pp. 142–150. URL: [https://izvuz_on.pnzgu.ru/files/izvuz_on.pnzgu.ru/17\(1\).pdf](https://izvuz_on.pnzgu.ru/files/izvuz_on.pnzgu.ru/17(1).pdf) (accessed: 20.08.2022). (In Russ.)
8. Shtulberg A.M. 2017. Znachenie i spetsifika izucheniya khudozhestvennoi literatury Velikobritanii v kontekste regional'nykh issledovaniy [The importance and specific character of the study of fiction in Great Britain in the context of regional studies]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 79–88. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.08.2022;
одобрена после рецензирования 21.09.2022;
принята к публикации 12.10.2022

The article was submitted 21.08.2022;
approved after reviewing 21.09.2022;
accepted for publication 12.10.2022

Ли Минда

КИТАЙСКАЯ ОЦЕНКА КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИИ В 90-х годах XX в. И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЙ

*Сычуаньский университет иностранных языков, Чунцин, Китай;
limingda212@163.com*

Аннотация. В статье рассматриваются понятие «культурная революция» в российской науке, связь культурных преобразований в России и термин «Культурная революция» в Китае. Автор указывает, что основные следствия: 1. реализация принципа политического плюрализма в общественной жизни; 2. отказ от государственной советской идеологии, обязательной для всех; 3. прекращение конфронтации власти и либерально настроенных кругов интеллигенции. На основе оценок представителей всех слоев китайского общества излагаются целый ряд культурно-массовых движений, плюрализм в развитии культуры: автохтонная культура, религия, литература, искусство и т.д. На основе проведенного анализа можно указывать ясное направление для восприятия широкими слоями китайского общества культуры и образа России нового времени.

Ключевые слова: китайская оценка; новая культура России; культурная глобализация; Россия; Китай.

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-16

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке гранта Фонда общественных наук г. Чунцина КНР № 2020BS05 «Исследование образа России в современной китайской культуре в рамках имагологии».

Для цитирования: Ли Минда. Китайская оценка культурной трансформации в России в 90-х годах XX в. и ее последствий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 177–192.

Процесс распада Советского Союза и стремительный переход России к рыночным отношениям в начале 1990-х годов произвел на Китай и китайское общество очень сильное и глубокое впечатление. В китайском обществе начался активный процесс осмысления и обсуждения трансформационных процессов, происходящих в пост-советской России.

В течение XX столетия культура в России пережила две основные глубокие трансформации. Первая, известная как культурная революция в СССР, способствовала созданию новой пролетарской культуры, позднее трансформировавшейся в советскую культуру первой в мире социалистической страны. Культурные преобразования,

Ли Минда — старший преподаватель Института русского языка Сычуаньского университета иностранных языков; limingda212@163.com

произошедшие после распада Советского Союза, являлись по своей сути результатом общественного развития России, вступившей во всесторонний трансформационный период перехода от социализма к капитализму. При этом наблюдались такие процессы, как радикальное освобождение от устаревших представлений и стереотипов сознания, а также формирование новых социокультурных запросов в сфере политики, государственного устройства, идеологии, морально-нравственных ценностей, моделей социального поведения и национального самосознания. Результаты этих трансформационных изменений и составили основное содержание культурных преобразований в России в этот исторический период.

Понятие «культурная революция» в российской науке неразрывно связано с особенностями исторического развития общества и в определенной степени эти особенности отражает. Известный теоретик марксизма и советский партийный деятель Н.И. Бухарин писал, что культурная революция в СССР есть совокупность изменений в духовной жизни общества, осуществленных в стране в 1920–1930-е годы, составная часть социалистического строительства, создание социалистической культуры¹. Тогда культурная революция в СССР была направлена на перевоспитание масс, на советизацию массового сознания, на разрыв с традициями исторического (дореволюционного) культурного наследия через большевистскую идеологизацию культуры. На передний план выдвигалась задача создания так называемой «пролетарской культуры», основанной на классовой марксистской идеологии, коммунистическом воспитании, внедрении массовой культуры, ориентированной на широкие слои общества, в первую очередь — на рабочих и крестьян.

Во второй половине XX в. акцент делается уже на преобразования в духовной сфере жизни советского общества и формирование так называемого «нового человека». Советский философ, академик Л.Ф. Ильичев отмечал, что культурная революция — одна из важнейших закономерностей построения социализма, это утверждение нового и социалистического типа духовного производства, создание социалистической культуры, которая является высшей ступенью в развитии мировой культуры и означает приобщение трудящихся к достижениям культуры². В начале XXI в. определение культурной революции в первую очередь подразумевает, что она направлена на смену культурного кода общества (уникальных культурных особен-

¹ См.: Бухарин Н.И. Ленинизм и проблема культурной революции // Избранные произведения. М., 1988. С. 368–390.

² См.: Ильичев Л.Ф. Культурная революция // Философский энциклопедический словарь / Гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М., 1983. С. 270.

ностей, доставшихся народам от своих предков). С содержательной точки зрения культурная революция представляет собой коренные изменения в духовной жизни общества, преобразование и смену базовых ценностей господствующего уклада и образа жизни, сопровождающих перемены в социально-экономической и политической сферах; философ В.И. Толстых полагал, что «В отличие от эволюционных изменений, сохраняющих преемственность культурного развития, культурная революция предполагает радикальную трансформацию “ядра” или “кода” культуры социума или цивилизации, переустройство содержания, ценностей, форм и функций культуры»³. Культурная революция не всегда приводит к абсолютной смене культурного кода и полной трансформации культурного ядра. Философ Т.А. Арташкина отмечает, что культурная революция — «это длительный процесс, а не одномоментный акт. ... Симптомами культурной революции можно считать появление новых культурных форм, острейшие дискуссии о путях социокультурного развития, фундирующие очередной феномен возмущающего поведения»⁴.

Эти и другие определения культурной революции латентно предполагают определенный исторический фон. Можно утверждать, что, во-первых, культурная революция в значительной степени связана с политикой господствующих социальных групп в обществе. Во-вторых, она должна быть направлена не только на упрочение положения элитной части общества, но и, в значительной степени, должна отвечать интересам большинства населения. В-третьих, она не только представляет собой динамический исторический процесс, но и воплощает различные типы социокультурных процессов.

Культурная революция в России начала XX в. и культурная трансформация российского общества в конце XX в. диалектически связаны друг с другом, имели сходные черты, выразившиеся в жестком столкновении двух типов культур и резком отрицании старой культуры. Это очень характерно для культурных преобразований в России 90-х годов XX в. и сыграло огромную роль в формировании нового образа России, и особенно ее образа в восприятии китайского общества.

Заметим, что социально-политические и социально-экономические преобразования в России совпали с одним из этапов политики реформ и открытости в Китае, что вновь привело к изменению отношений между Россией и Китаем. В Китае с новой силой вспыхнул интерес к России и к новой русской культуре, и проблема нацио-

³ Толстых В.И. Культурная революция // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2 / Под ред. В. С. Степина. М., 2001. С. 349–350.

⁴ Арташкина Т.А. Гибридная идентичность как результат социокультурной революции в России 1990-х гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. № 3 (31). С. 101–106.

нальной идентификации России предстала перед китайским обществом в новом качестве.

В Китае термин «культурная революция» относится к событиям культурной революции во времена Мао Цзэдуна, которые получили название «Великая культурная революция». Мао Цзэдун говорил, что культура является отражением общественной политики и экономики, в то же время она влияет на них⁵. Китайский философ И. Цзюньцин полагает, что термин «культурная революция» обозначает центральный (руководящий) процесс в формировании новой культурной системы, замещающей старую систему в определенный исторический период⁶. Упомянутый термин фиксирует коренные изменения в культуре, наблюдаемые в хронологически протяженном историческом периоде и возникающие в виде новых ведущих культурных представлений, культурных идей и систем ценностей.

Под влиянием исторического китайского термина «культурная революция» и для обозначения процессов, наблюдаемых в России после «перестройки» 1985–1991 гг., в Китае стал использоваться термин «культурная перестройка». Этот термин означал, что процесс культурного развития в России не прервался с распадом советских государственных структур и крушением политической системы социализма. Культура новой России есть единство традиции и обновления, органически связанное со всеми предшествующими периодами истории страны. Вместе с тем новая политическая и экономическая ситуация самым кардинальным образом сказались и на культурном развитии страны.

В современном Китае уделяется большое внимание изменениям, произошедшим в России после культурных преобразований 1990-х годов. Отношение китайских ученых-обществоведов к этому явлению не является однозначным, существуют разные точки зрения по этому вопросу. При этом все исследования китайских ученых, как правило, начинаются с обсуждения определения термина «культурная революция в России». При этом следует отметить, что в советской и российской историографии проблемы этот термин («культурная революция») употребляется только для описания социокультурных процессов в СССР второй половины 1920–1930-х годов. Культурная революция в этот период подразумевала, собственно, решение двух основных задач: ликвидацию безграмотности основной массы на-

⁵ 毛泽东. 毛泽东选集. 第二卷 / 毛泽东. — 北京 : 人民出版社, 1969年. 1406页. *Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 2 / Мао Цзэдун. Пекин: Народное издательство, 1969. С. 655.*

⁶ 衣俊卿. 文化哲学 / 衣俊卿. — 昆明 : 云南人民出版社, 2001年. 350页. *И Цзюньцин. Философия культуры / И Цзюньцин. Куньминь: Народное издательство провинции Юньнань, 2001. С. 167.*

селения и создание новой (советской) интеллигенции. Именно на этой базе создавалась новая советская культура. В то же время этот процесс сопровождался серьезными ошибками в отношении культуры исторической России, которую в 1920-х годах деятели «Пролеткульта» (организации так называемой «пролетарской культуры») даже собирались «выбросить с парохода современности». В современных исторических условиях глобализации мировых экономических процессов вопросы сохранения традиционных культурных ценностей и культурного наследия, а также поддержания культурного многообразия в контексте единого культурного пространства, ставятся особенно остро. Люди имеют право как на сохранение культурного наследия, так и на приобщение к инновациям, способствующим социальному прогрессу.

Культурным преобразованиям в России 1990-х годов предшествовали период перестройки и гласности и распад Советского Союза, которые в конечном счете и привели к серьезной культурной трансформации российского общества. После превращения России в суверенное государство ее культура стала развиваться в новых социально-политических условиях. В первую очередь исчезли жесткие идеологические рамки, которые во многом определяли общую парадигму развития культуры в советское время. Тем не менее и тогда культурная составляющая жизни общества в значительной степени опиралась на культурные традиции исторической России. В связи с этим академик Д.С. Лихачев справедливо отмечал, что «культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства»⁷. Это объясняет тот факт, что и в 1990-е годы российская культура не погасла, не исчезла, напротив, у нее появились новые достижения.

Посещая современную Россию, китайцы видят, что в настоящее время отношение к культурному наследию в России, включая и советский период ее существования, серьезно изменилось. Государство гарантирует защиту прав и свобод граждан, его достоинства и личной жизни, свободу совести и вероисповедания, права на получение информации. В общественном сознании постепенно устанавливается приоритет прав и свобод личности при одновременном соблюдении общественных интересов, охраняемых государством. Уважаются и учитываются плюралистические точки зрения при обсуждении общественно значимых и политических вопросов. Подлинная рево-

⁷ Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. С. 9.

люция произошла с внедрением электронных средств массовой коммуникации, российские граждане получили возможность получать последнюю информацию из всех уголков земного шара в режиме реального времени. Десятки тысяч российских студентов обучаются в зарубежных университетах, Россия осуществляет активный научный и культурный обмен со многими странами мира. Религия снова восстановлена в своих правах. Периодические издания в России изменили свою структуру, изменились их объем, содержание, политическая и информационная направленность. В 1990–1999 гг. число газет в России увеличилось с 4808 до 5535 наименований. Заметно выросла роль телевидения, в информационное пространство которого теперь включено практически все население России. В 1990-е годы появились новые общероссийские каналы, сложилась сеть региональных телекомпаний, стал необычайно широким диапазон информационных и развлекательных передач.

Культурные преобразования в России 90-х годов XX в. определили общее направление российского социокультурного процесса. При этом российская культура оказалась под сильным влиянием западной культуры (в основном американской). Это явление в работах российских культурологов и философов получило название «вестернизации». В связи с этим не случайно в своих исследованиях социально-культурных изменений, наблюдаемых в России, китайские ученые довольно часто ссылаются на работы американских авторов.

Развитие культуры в свободном и открытом обществе — это не только новые возможности, но и новые проблемы. Так, воздействие западной культурной «мягкой силы» привело к активному подражанию этой культуре и ее воспроизводству в России. Например, в 1992 г. в Москве была установлена модель бутылки с кока-колой в девять метров высотой. Появление в Москве американских ресторанов быстрого питания «Макдональдс», распространение культуры употребления напитка кока-кола символизировали начало заимствования американской культуры. С тех пор американский образ жизни и его культурные традиции достаточно активно насаждались в России, активно влияя на российское общество и его традиционную культуру. Американское влияние проникло в российское культурное пространство также с помощью английского языка, который стал самым популярным иностранным языком в России. Огромную популярность приобрели американские развлекательные художественные и мультипликационные фильмы.

Знаменитый американской политолог и социолог Сэмюэл Хантингтон выдвинул культурологическую гипотезу, в которой он говорит о том, что «великим водоразделом» внутри человечества и

доминирующим источником конфликтов станет культура⁸. Так, китайский исследователь Ван Шуцзу предполагает, что глобальная культурная революция является неотъемлемой частью изменений в политической и социальной сферах современного мира. Всеобщая культура, по которой подразумеваются культурные явления, присущие всем этническим, национальным и иным группам населения, продвигается и изменяется во всем мире в рамках взаимодействия между «конвергенцией» (процессом сближения, схождения различных социокультурных систем) и «дивергенцией» (процессом расхождения признаков родственных социокультурных систем), используя различные способы этого взаимодействия⁹. С одной стороны, продвижение всеобщей культуры приводит к противоречиям и конфликтам в развитии национальной культуры, с другой стороны, национальная культура также вливается в процесс культурной глобализации, постоянно обновляет свой культурный код. Формирование всеобщей культуры в то же время предполагает определенный национальный культурный протекционизм и расширяет сферу культурной классификации по различным признакам (этническому, национальному, религиозному, технико-индустриальному и проч.).

Профессор Северо-Западного национального университета Лю Ин считает, что в культурной трансформации в России 90-х годов полностью изменилось содержание основного направления социального и культурного развития страны. Отрицая советскую идеологию, российская культура ориентируется теперь на новую культурную модель развития¹⁰. Эта культурная модель включает такие элементы, как современные жанры эстрадной музыки, ток-шоу (телепередачи разговорного жанра), литература фэнтези, циклы многосерийных телефильмов, основное содержание которых — личная жизнь, эротика и насилие, компьютерные игры-боевики в стиле экшен, рекреативная (развлекательная) и откровенно «желтая» пресса, засилье рекламы в средствах массовой информации и т.д. Проректор Сычуаньского университета иностранных языков Янь Гунцзюнь отмечает, что вместе со сменой общественного строя во

⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.

⁹ 王述祖. 经济全球化与文化全球化 / 王述祖. — 北京: 中国财政经济出版社, 2006年. 第176页. Ван Шуцзу. Экономическая глобализация и культурная глобализация / Ван Шуцзу. Пекин: Китайское финансово-экономическое издательство, 2006. С. 112

¹⁰ 刘英. 俄罗斯文化政策的转轨与启示 // 陆会风云. 2012年. № 2. 第61-65页. Лю Ин. Переходный период в России и ее культурная политика // Лухуй Фэньюнь. 2012. № 2. С. 61-65.

многим изменились образ жизни россиян, их эстетическое восприятие, мода, русская культура¹¹.

По мнению китайских исследователей проблемы, основными следствиями новой культурной трансформации в СССР / России стали следующие.

1. Отказ от единой государственной идеологии

Обязательная для всех слоев общества социалистическая (коммунистическая) идеология играла важнейшую роль в функционировании всей политической системы СССР. Бывший президент США Ричард Никсон отмечал, что хотя Соединенные Штаты и конкурировали с Советским Союзом в политической, экономической и военной областях, но главная цель этой борьбы была борьба за идеологию¹². Как показали события 1990-х годов, советская идеология не смогла выстоять в этой борьбе.

В деятельности КПСС постепенно накапливались явления, которые говорили о бюрократизации основных политических и социокультурных институтов советского общества. Чрезмерный идеологический контроль привел к появлению жестко централизованной системы управления официальной культурной жизнью страны. Те культурные процессы и те деятели культуры, которые в эту систему не вписывались, были обречены, в лучшем случае, на маргинальное существование либо подвергались откровенному административному давлению. Поэтому, как только КПСС и советский государственный аппарат в конце 80-х годов были вынуждены под давлением общественных настроений и общей политической ситуации в стране отказаться от прямого дирижизма культурными процессами, советская вертикаль управления культурой сразу рассыпалась.

2. Отказ от социалистических и коммунистических задач в культурном строительстве

Доктринально, как в довоенное, так и в послевоенное время, основной задачей культурного строительства в СССР считалось воспитание нового человека социалистического (коммунистического) общества и формирование коммунистических общественных отношений. Еще в первые годы Советской власти В.И. Ленин уделял огромное внимание процессу культурного строительства, рассматри-

¹¹ 严功军. 当代俄罗斯文化转型探析 // 四川外语学院学报. 2005年. № 5. 第112-116页. Янь Гунцзюнь. Анализ трансформации современной российской культуры // Вестник Сычуаньского института иностранных языков. 2005. № 5. С. 112-116.

¹² 理查德·尼克松. 不战而胜 / 理查德·尼克松 ; 王观声, 郭健哉等译. — 北京 : 世界知识出版社, 1997年. 299页. Никсон Р. Победа без сражения / Р. Никсон; пер. Ван Гуаньшэн, Го Цзянь. Пекин, 1997. С. 109.

вая его как «воспитание и обучение народных масс социализму». Он подчеркивал, что необходимо активизировать дальнейшее развитие культуры, поднять ее на более высокую ступень для того, чтобы обеспечить успех советского строительства. В этой связи политолог Гао Фан справедливо отмечает, что основным признаком советской культуры стал культурный абсолютизм¹³. Под этим термином автор понимает определенный набор «нужных» для строительства социализма ценностей культуры, которые позволяли сравнивать культуру социалистического общества с буржуазной культурой и обосновывать безусловное преимущество и превосходство первой из них. Само собой разумеется, что набор этих ценностей с первых лет Советской власти определялся руководством Коммунистической партии.

Культурная жизнь в СССР находилась под строгим партийным контролем. И если культурная революция 20-х и 30-х годов действительно несла в себе мощный созидательный заряд, приобщая десятки миллионов людей к грамотности и формируя новую научно-техническую интеллигенцию, так необходимую стране, то в последующем культурные преобразования во многом носили бюрократический характер, укрепляя жесткий партийный контроль над всеми сферами культурной жизни. Можно согласиться с точкой зрения китайского исследователя Чжу Лэя, который считает, что если культура перестанет самосовершенствоваться, если в будущем не будут наступать эпохи ее изменений, если культура не станет стремиться решать вопросы идеологии и состояния души, то такая культура неизбежно теряет свою жизнеспособность, наступает ее неустойчивое существование в форме кризиса веры, доверия и уверенности¹⁴.

3. Изменение вектора отношений между культурой и властью

Россия имеет блестящую культуру, сложившуюся исторически. Историю российской культуры освещали такие имена, как А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, П.И. Чайковский, И.Е. Репин и др. В отношении к культурному наследию прошлого советская культура прошла сложный путь: от полного его отрицания до признания и интегрирования значительной его части в процессы культурной жизни СССР. Конечно, как справедливо отмечает китайский историк Шин Чжихуа, это интегрирование обязательно учитывало

¹³ 高放. 社会主义苏联模式的弊病和根源 // 东欧中亚研究. 2011年. № 3. 第 83-87页. Гао Фан. Недостатки и коренные причины гибели советской модели социализма // Восточноевропейские и Среднеазиатские исследования. 2011. № 3. С. 83–87.

¹⁴ 朱磊. 苏联解体的文化原因探析 / 朱磊, 梁亚梅 // 淮北煤炭师范学院学报. 2006年. № 10. 第32-35页. Чжу Лэй. Анализ культурных причин распада Советского Союза / Чжу Лэй, Лян Ямэй // Вестник Хуайбэйского педагогического института угольной промышленности. 2006. № 10. С. 32–35.

официальные идеологические установки Коммунистической партии. Именно поэтому за рамками исторического культурного наследия России, которое, образно говоря, было «легализовано и разрешено к использованию» уже в послевоенное время, в 1950–1970-х годах, остались многие деятели русской культуры, чье творчество идеологический аппарат партии признал «реакционным» либо «антисоветским».

С точки зрения верхушки КПСС, интеллигенция, включая и деятелей культуры, являлась ничем иным, как социальной прослойкой в сравнении с рабочим классом и крестьянством, которые считались «полноценными» классами, что было закреплено в руководящих партийных документах. Вполне естественно, что ни советская интеллигенция в целом, ни деятели культуры в частности, такую официальную позицию в отношении себя не разделяли, хотя по вполне понятным причинам это свое несогласие никак не артикулировали.

В принципиально новых социально-политических и экономических условиях современной России кардинальным образом изменились взаимоотношения культуры и власти. Государство перестало политически ограничивать развитие культурных процессов. В эти годы произошли коренные изменения и в сфере непосредственного управления культурой. Если раньше этим занимались отдел культуры ЦК КПСС и министерство культуры, то теперь была сделана ставка на активизацию творческих сил внутри самой культурной среды и усиление самоорганизации культурных процессов. И это было объективное веление времени, ведь Россия стремительно входила в эпоху массовой культуры.

Анализируя этот процесс, китайские исследователи считают, что интеллигенция как специфическая социальная страта не имеет собственной культурной идентичности. Формирование, существование и развитие любой политической и экономической системы предполагают наличие соответствующей культурной составляющей, в то же время она является производной от политической и экономической систем общества. Как считает исследователь Академии общественных наук Ю. Гочжэнь, специфика культурных преобразований в России 1990-х годов заключается в рассогласовании между задачами культурного строительства и неопределенностью политических целей общества после отхода от системы государственного социализма¹⁵.

С переходом российской экономики к рыночным отношениям одновременно происходили преобразования в культурной сфере, втягивая в свою орбиту все новые составляющие культуры и ее конкретных

¹⁵ 尤国珍. 苏联解体的文化原因及对当代中国文化建设之镜鉴 // 理论学习. 2012年. № 9. 第59–61页. Ю Гочжэнь. Культурные причины распада СССР в зеркале современного культурного строительства в Китае // Теоретические исследования. 2012. № 9. С. 59–61.

носителей. В это время появляется феномен массовых, национально окрашенных культурных движений, как, например, в Прибалтике.

В то же время продолжала оставаться актуальной и задача сохранения и преемственности национальной культуры. Профессор Хэбэйского педагогического университета Го Сяоли справедливо отмечает, что российское национальное сознание в какой-то степени впитало западные ингредиенты, но интеллектуальные и культурные достижения Запада были вторичны в общем пласте российской культуры и российском культурном самосознании¹⁶. После распада СССР западная культура продвигалась в России, опираясь на помощь и протекционизм российской власти, но глубинные основы русской культуры, на которые ориентировалась основная часть населения, оставались в стороне от этого нового политического тренда. Постепенно и новая политическая элита страны стала осознавать необходимость возвращения к автохтонному развитию собственной культуры.

Как правило, культурные процессы не ограничиваются географическими рамками определенных регионов, последние лишь влияют на разнообразие их внутреннего содержания. Каждый регион России, представляющий определенный этнос, реализует свое право на развитие собственной национальной культуры, в том числе и в рамках культурной автономии. В первую очередь это касается сохранения и развития национальных языков. При этом автохтонный характер культур отдельных этносов России рассматривается не как средство культурной самоизоляции, а как дополнительная возможность взаимообогащения и взаимопроникновения культурных традиций всего многонационального народа России.

Важнейшей частью любой национальной культуры традиционно являются религиозные конфессии. Профессор Уханьского университета Лю Цайци полагает, что религия всегда играла значительную роль в формировании российской культуры, внутренней и внешней политики страны. В 1990-е годы наблюдалось быстрое восстановление позиций Русской православной церкви в культурных процессах¹⁷. Исследователь Китайской Академии общественных наук Чжан Юйфэн в этой связи отмечает, что как раз вестернизация способствовала феномену возрождения религиозной жизни в России¹⁸.

¹⁶ 郭小丽. 俄罗斯的弥赛亚意识 / 郭小丽. — 北京: 人民出版社, 2009年. 423页. Го Сяоли. Русское понимание христианства / Го Сяоли. Пекин, 2009. С. 41–50.

¹⁷ 刘再起. 转型时期俄罗斯政治外交中的文化因素 // 武汉大学学报. 2005年. № 5. 第357–361页. Лю Цайци. Культурные факторы российской политики и дипломатии переходного периода // Вестник Уханьского университета. 2005. № 5. С. 357–361.

¹⁸ 张玉芬. 俄罗斯文化扫描 // 俄罗斯中亚东欧市场. 2009年. № 9. 第 50–53页. Чжан Юйфэн. Обзор исследований русской культуры // Среднеазиатские и Восточноевропейские российские рынки. 2009. № 9. С. 50–53.

Русское литературное наследие открыто для всех народов, населяющих современную Россию. В 90-е годы оно обогатилось литературой Русского Зарубежья, недоступной ранее российскому населению по политическим причинам. Например, в России были опубликованы произведения лауреата Нобелевской премии в области литературы А.И. Солженицына. Новое время обусловило огромный творческий интерес писателей к различным жанрам, от историко-философских до приключенческих и детективных. В современной российской литературе также появились многожанровые «женские» направления. Главный редактор журнала «Русская литература и искусство» Ся Джунсянь полагает, что культурные перемены в российской литературе проявляются, в том числе, и в количественном росте молодых писателей¹⁹.

Киноискусство России как важный вид художественного творчества и культурной жизни в этот период развивалось в сложных условиях. Под натиском западной кинопродукции, без ограничений допущенной в российский прокат, отечественные кинофильмы были практически вытеснены с экранов российских кинотеатров. Тем не менее, многие крупные мастера отечественного кино смогли предложить зрителям новые фильмы, ставшие событием в культурной и общественной жизни страны. Следует назвать такие известные фильмы, как «Анкор, еще анкор!» П. Тодоровского, «Утомленные солнцем» Н. Михалкова, «Вор» П. Чухрая, «Брат» А. Балабанова, «Ворошиловский стрелок» С. Говорухина и др., вышедшие на экран в эти годы.

Искусство театра в 1990-е годы по-прежнему пользовалось популярностью в России. В этот период типичной чертой театральной жизни являлось разнообразие репертуара. Он формировался в основном из произведений русских и зарубежных авторов. Музыка и балетное искусство также внесли большой вклад в развитие современной российской культуры. На российской сцене активно выступают симфонические оркестры, профессиональные хоры и танцевальные коллективы. В постсоветском российском обществе значительно повысился интерес к классической музыке.

Таким образом, вышеизложенные оценки представителей современной китайской гуманитарной науки культурных преобразований в России 1990-х годов в общем и целом сводятся к следующим выводам.

Отрицая жесткую идеологическую индоктринацию советского времени, российская культура теперь ориентируется на новую куль-

¹⁹ 夏忠宪南大解读《后苏联俄罗斯文化》[Электронный ресурс] // 南京大学新闻. 2014年9月24日. Режим доступа: http://news.nju.edu.cn/show_article_4_36413. Ся Чжунсянь преподает русскую культуру постсоветского периода в Нанкинском университете // Новости Нанкинского университета. 2014. (дата обращения: 12.07.2021)

турную модель строительства страны. Посещая Россию, китайцы видят, что государство гарантирует защиту прав и свобод человека, достоинства и личности. Появились многочисленные средства связи и СМИ, нет ограничений на получение зарубежной информации, возобновились контакты с деятелями русской культуры, проживающими за рубежом.

Произошла определенная вестернизация современной русской культуры с сохранением базового ядра ее основных традиционных составляющих и смыслов: духовности, соборности и коллективизма, народности, повышенного внимания к внутреннему миру человека. В то же время унификация обычаев и традиций (особенно городского населения) по зарубежным образцам ведет к стандартизации культурных запросов общества и может грозить утратой национальной-культурной идентичности.

Быстрое и сравнительно безболезненное расставание с жесткой регламентацией культурных процессов и избыточной идеологизацией культурной жизни, как это имело место в сравнительно недавнем советском прошлом. Деидеологизация культуры и ликвидация государственной монополии на культуру привела, с одной стороны, к большей свободе творчества и свободе культурного выбора, с другой — к потере контроля за качеством и уровнем предлагаемой потребителю культурной продукции.

Неизбежная коммерциализация культурных процессов в России в рыночных условиях уже привела к гипертрофированному развитию ее развлекательной составляющей и появлению целой развлекательной индустрии за счет традиционных элементов культурной жизни, таких как образовательные учреждения, музеи, театры, библиотеки, классическое искусство.

Тем не менее, несмотря на отмеченные выше объективные проблемы культурного развития современной России, русская культура не умерла и не находится в тупиковой ветви социокультурной эволюции. Правильнее будет говорить о том, что она вышла на новый уровень своего исторического развития.

Происходит активный поиск культурного места России в мире в условиях быстрой глобализации мировых социокультурных процессов и массированного внедрения во все сферы жизни общества современных средств электронной коммуникации и информации.

Основные китайские оценки культурных преобразований в России в 1990-х годах разделяются не только представителями социально-гуманитарных наук, но и всеми слоями китайского общества. Китайской академической наукой делается многое для того, чтобы сформировать правильное восприятие китайским обществом культурного образа современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арташкина Т.А.* Гибридная идентичность как результат социокультурной революции в России 1990-х гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. № 3 (31). С. 101–106.
2. *Барсенков А.С.* История России. 1917–2009: учеб. пособие для студентов вузов. Вдовин. 3-е изд., расшир. и перераб. М., 2010.
3. *Бухарин Н.И.* Ленинизм и проблема культурной революции // Избранные произведения. М., 1988. С. 368–390.
4. *Ильичев Л.Ф.* Культурная революция. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
5. *Лихачев Д.С.* Русская культура. М., 2000.
6. *Толстых В.И.* Культурная революция // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2 М., 2001. С. 349–350.
7. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.
8. 大卫·科兹. 来自上层的革命：苏联体制的终结. 北京：中国人民大学出版社，2002年. 261页. *Коут Д.* Революция сверху: конец советской системы. Пекин, 2002.
9. 高放. 社会主义苏联模式的弊病和根源 // 东欧中亚研究. 2011年. № 3. 第83-87页. *Гао Фан.* Недостатки и коренные причины гибели советской модели социализма // Восточноевропейские и Среднеазиатские исследования. 2011. № 3. С. 83–87.
10. 郭小丽. 俄罗斯的弥赛亚意识. 北京: 人民出版社, 2009年. 423页. *Го Сяоли.* Русское понимание христианства. Пекин, 2009. С. 41–50.
11. 卡瑟琳·丹克斯. 转型中的俄罗斯政治与社会. 北京：华夏出版社，2003年. 360页. *Данкс К.* Российская политика и общество в переходную эпоху. Пекин, 2003.
12. 刘再起. 转型时期俄罗斯政治外交中的文化因素 // 武汉大学学报. 2005年. № 5. 第357-361页. *Лю Цзайци.* Культурные факторы российской политики и дипломатии переходного периода // Вестник Уханьского университета. 2005. № 5. С. 357–361.
13. 刘英. 俄罗斯文化政策的转轨与启示 // 陆会风云. 2012年. № 2. 第61-65页. *Лю Ин.* Переходный период в России и ее культурная политика // «Лухуй Фэнъюнь». 2012. № 2. С. 61–65.
14. 理查德·尼克松. 不战而胜. 北京：世界知识出版社，1997年. 299页. *Никсон Р.* Победа без сражения. Пекин, 1997.
15. 毛泽东. 毛泽东选集. 第二卷. 北京：人民出版社，1969年. 1406页. *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 2. Пекин, 1969.
16. 沈志华. 一个大国之崩溃. — 北京：社会科学文献出版社，2009年. 1210页. *Шэнь Чжихуа.* Крушение большой державы. Пекин, 2009.
17. 王述祖. 经济全球化与文化全球化. 北京: 中国财政经济出版社, 2006年. 第176页. *Ван Шуцзю.* Экономическая глобализация и культурная глобализация. Пекин, 2006.
18. 夏忠宪南大解读《后苏联俄罗斯文化》// 南京大学新闻. 2014年9月24日. URL: http://news.nju.edu.cn/show_article_4_36413. Ся Чжунсянь преподает русскую культуру постсоветского периода в Нанкинском университете // Новости Нанкинского университета. 2014. 24 сент. (дата обращения: 12.07.2021)
19. 衣俊卿. 文化哲学. 昆明：云南人民出版社，2001年. 350页. *И Цзюньцин.* Философия культуры. Куньминь, 2001.
20. 尤国珍. 苏联解体的文化原因及对当代中国文化建设之镜鉴 // 理论学习. 2012年. № 9. 第59–61页. *Ю Гочжэнь.* Культурные причины распада СССР в зеркале современного культурного строительства в Китае // Теоретические исследования. 2012. № 9. С. 59–61.
21. 以赛亚·柏林. 苏联的心灵 — 共产主义时代的俄国文化. 南京：译林出版社，2010年. 256页. *Берлин И.* Сердце Советского Союза — советская культура периода социализма. Нанкин, 2010.

22. 严功军. 当代俄罗斯文化转型探析 // 四川外语学院学报. 2005年. № 5. 第112-116页. *Янь Гунцзюнь. Анализ трансформации современной российской культуры // Вестник Сычуаньского института иностранных языков. 2005. № 5. С. 112–116.*
23. 朱磊. 苏联解体的文化原因探析 // 淮北煤炭师范学院学报. 2006年. № 10. 第32-35页. *Чжу Лэй. Анализ культурных причин распада Советского Союза // Вестник Хуайбэйского педагогического института угольной промышленности. 2006. № 10. С. 32–35.*
24. 张玉芬. 俄罗斯文化扫描 // 俄罗斯中亚东欧市场. 2009年. № 9. 第 50-53页. *Чжан Юйфэн. Обзор исследований русской культуры // Среднеазиатские и Восточноевропейские российские рынки. 2009. № 9. С. 50–53.*

Li Mingda

CHINESE ASSESSMENT OF THE CULTURAL REVOLUTION IN RUSSIA IN THE 90s OF THE XX CENTURY AND ITS CONSEQUENCES

*Sichuan International Studies University, China, Chongqing,
limingda212@163.com*

Abstract. The article examines the concept of “cultural revolution” in Russian science, the relationship between two cultural transformations in Russia and the term “Cultural revolution” in China. The author points out that the main consequences of the second cultural revolution in the USSR / Russia were as follows: 1. Condemnation of an ossified and unified ideology; 2. Erosion of cultural absolutism; 3. Cessation of the policy of strong active pressure on intellectuals. Based on the assessments of Chinese people from all strata of Chinese society, a number of cultural and mass movements, pluralism in the development of culture are described: autochthonous culture, religion, literature, art, etc. Based on the analysis carried out, it is possible to indicate a clear direction for the perception of the culture and image of Russia in the new era by the Chinese masses.

Key words: cultural revolution; Chinese assessment; new culture of Russia; cultural globalization; Russia; China.

Funding: The article was funded by the Social Science Foundation of Chongqing, China. № 2020BS05, “Research of the Russian image in contemporary Chinese culture in the context of imagology”.

For citation: Li Mingda (2023) Chinese assessment of the Cultural Revolution in Russia in the 90s of the XX century and its consequences. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. XX–XX. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Li Mingda — Assistant Professor, Institute of Russian Language, Sichuan International Studies University, limingda212@163.com

REFERENCES

1. Artashkina T.A. 2011. Hybrid identity as a result of the sociocultural revolution in Russia in the 1990s. *Social and Human Sciences in the Far East*, no. 3 (31), pp. 177–192. (In Russ.)

2. Barsenkov A.S. 2010. *History of Russia. 1917-2009: textbook. manual for university students*. Moscow, Aspect Press. (In Russ.)
3. Bukharin N.I. 1988. Leninism and the problem of the cultural revolution. *Selected works*. Moscow, Politizdat, pp. 368–390. (In Russ.)
4. Ilyichev L.F. 1983. Cultural revolution. *Philosophical Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Soviet Encyclopedia. (In Russ.)
5. Likhachev D.S. 2000. *Russian culture*. Moscow, Art. (In Russ.)
6. Tolstykh V.I. 2001. Cultural revolution. *New philosophical encyclopedia*. Moscow, Thought, pp. 349–350. (In Russ.)
7. Huntington S. 1994. The clash of civilizations. *Polis*, no. 1, pp. 33–48. (In Russ.)
8. Cote D. 2002. *Revolution from above: the end of the Soviet system*. Beijing, Chinese People's University Press.
9. Gao Fang. 2011. Disadvantages and root causes of the death of the Soviet model of socialism. *East European and Central Asian Studies*, no. 3, pp. 83–87.
10. Guo Xiaoli. 2009. *Russian understanding of Christianity*. Beijing, People's Publishing House, pp. 41–50.
11. Danks K. 2003. *Russian politics and society in a transitional era*. Beijing, Huaxia.
12. Liu Zaiqi. 2005. Cultural Factors of Russian Politics and Diplomacy in the Transition Period. *Bulletin of Wuhan University*, no. 5, pp. 357–361.
13. Liu Ying. 2012. The Transition Period in Russia and Its Cultural Policy. *Luhui Fengyun*. no. 2, pp. 61–65.
14. Nixon R. 1997. *Victory Without a Battle*. Beijing, World of Knowledge.
15. Mao Zedong. 1969. *Selected works*. T. 2. Beijing, People's Publishing House.
16. Shen Zhihua. 2009. *The collapse of a great power*. Beijing, Social Science Literature Publishing House.
17. Wang Shuzu. 2006. *Economic globalization and cultural globalization*. Beijing, China Financial and Economic Publishing House.
18. *Xia Zhongxian teaches post-Soviet Russian culture at Nanjing University*. 2014. News of Nanjing University. URL: http://news.nju.edu.cn/show_article_4_36413 (accessed: 12.07.2021)
19. Yi Junqing. 2001. *Philosophy of culture*. Kunmin, Yunnan Provincial People's Publishing House.
20. Yu Guozhen. 2012. Cultural reasons for the collapse of the USSR in the mirror of modern cultural construction in China. *Theoretical studies*, no. 9, pp. 59–61.
21. Berlin I. 2010. *The heart of the Soviet Union is the Soviet culture of the period of socialism*. Nanjing, Yi Lin.
22. Yan Gongjun. 2005. Analysis of the transformation of modern Russian culture. *Bulletin of the Sichuan Institute of Foreign Languages*, no. 5, pp. 112–116.
23. Zhu Lei. 2006. Analysis of the cultural reasons for the collapse of the Soviet Union. *Bulletin of the Huaibei Pedagogical Institute of the Coal Industry*, no. 10, pp. 32–35.
24. Zhang Yufen. 2009. Review of Russian culture studies. *Central Asian and Eastern European Russian Markets*, no. 9, pp. 50–53.

Статья поступила в редакцию 22.08.2022;
одобрена после рецензирования 22.09.2022;
принята к публикации 12.10.2022

The article was submitted 22.08.2022;
approved after reviewing 22.09.2022;
accepted for publication 12.10.2022